

ПРАВО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЛИЧНОСТЬ

Научный журнал

LAW LEGISLATION PERSON

Research Journal

Выходит 2 раза в год

№ 2(21) 2015

Распространяется по подписке

Подписной индекс **37221**

ISSN 2077-6187

Учредитель

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1

Главный редактор

Белоусов Сергей Александрович,
кандидат юридических наук, доцент

Редакционная коллегия:

С.Б. Аникин (Саратов) — доктор юридических наук, доцент
С.Ф. Афанасьев (Саратов) — доктор юридических наук, профессор
Т.В. Заметина (Саратов) — доктор юридических наук, профессор
Н.С. Манова (Саратов) — доктор юридических наук, профессор
Е.Ю. Чмыхало (Саратов) — кандидат юридических наук, доцент
Н.В. Дородонова (Саратов) — кандидат юридических наук
Е.В. Кобзева (Саратов) — кандидат юридических наук, доцент
В.Е. Николаев (Саратов) — кандидат юридических наук

Редакционный совет:

В.В. Гриб (Москва) — доктор юридических наук, профессор
С.И. Герасимов (Москва) — доктор юридических наук, профессор
А.В. Ильин (Санкт-Петербург) — кандидат юридических наук, доцент
И.Ю. Козлихин (Санкт-Петербург) — доктор юридических наук, профессор
Г.Н. Комкова (Саратов) — доктор юридических наук, профессор
И.М. Мацкевич (Москва) — доктор юридических наук, профессор
С.Б. Суоров (Саратов) — доктор социологических наук, профессор
В.М. Сырых (Москва) — доктор юридических наук, профессор

Адрес редакции: 410025, г. Саратов, ул. Чернышевского, 135 А, ком. 203.

Телефон: (8452) 29-90-90

E-mail: pzl@ssla.ru

Компьютерная верстка *Е.С. Сидоровой*

Журнал зарегистрирован Управлением разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций
Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
13 февраля 2012 г. ПИ №ФС77-48566.

Цена для подписчиков 517 руб., в розничной продаже — свободная.

Подписано в печать 05.11.2015 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура «Literaturnaya». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18,06. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 350 экз. Заказ № .

Отпечатано в типографии издательства ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

© ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Е.В. Косенко О составе семейной правосубъектности.....	9
М.В. Филимонова Общепризнанные права человека как основные постулаты осуществления гражданских процессуальных норм	12
И.Н. Шкромادا Упрощенные формы судопроизводства в свете унификации современного российского гражданского процессуального законодательства.....	21
Е.В. Крылова К вопросу о содержании понятия «срок» в гражданском судопроизводстве	25
О.Ю. Фомина О преобразовании правового положения лиц, участвующих в деле, под влиянием материальных норм в гражданском процессе.....	30

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Е.С. Курохтина, Г.Б. Петрова К вопросу о применении мер пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых	38
К.А. Рыгалова О сущности деятельности суда в досудебных стадиях процесса.....	44

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Н.В. Дородонова Согласие на вступление в брак по зарубежному законодательству: история вопроса	50
Н.Н. Липкина Правовая природа правовых позиций Европейского Суда по правам человека.....	55

ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ: ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ»

О.А. Адоевская О реализации конституционного принципа равенства в отношении коррупционных преступлений.....	59
С.А. Алтухов Виктимологическая профилактика в контексте мер по противодействию терроризму.....	63

И.А. Александрова	
Время менять уголовную политику в сфере противодействия экономической преступности	69
А.П. Алексеева	
Законодательные инициативы в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию	75
С.М. Баймолдина	
Субъект нарушений прав интеллектуальной собственности по уголовному законодательству Республики Казахстан	78
И.Н. Вишневецкая	
Роль практики в обновлении и корректировке уголовного законодательства	84
А.М. Герасимов	
Нравственные начала уголовного наказания	89
А.В. Голикова	
Условное осуждение как разновидность отсрочки исполнения уголовного наказания в России	92
Р.В. Закомолдин	
О некоторых вопросах уголовно-правового воздействия в отношении военнослужащих и приравненных к ним лиц	96
О.В. Зайцева	
К вопросу об объекте преступлений против избирательных прав граждан	101
А.Л. Иванов	
Категоризация преступлений и ее роль в механизме уголовно-правового воздействия	105
Е.В. Кобзева	
О социальных и правовых предпосылках создания отечественных уголовно-правовых актов в X–XVI вв.	108
М.М. Лапунин	
Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности: оценка законодательной новеллы	118
В.Ф. Лапшин	
Принципы уголовной политики и их реализация в сфере противодействия экономической преступности	122
П.И. Левченко, С.С. Витвицкая	
Актуальные вопросы дифференциации уголовно-правового воздействия на различных субъектов пассивного подкупа	131
А.М. Максимов	
Дифференциация уголовной ответственности за преступления против безопасности животного мира как средство уголовно-правового воздействия: спорные новеллы	135
В.В. Намняева	
К вопросу о конструировании санкций уголовно-правовых норм	138
К.В. Ображиев	
Система формальных источников уголовного права как основа уголовно-правового воздействия	144

И.В. Пантюхина	
Оценка эффективности мер уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших половое преступление ...	154
Н.В. Петрашева	
Категория «лицо, совершившее преступление»: теоретико-методологические аспекты»	160
Е.Е. Пономарева	
Пределы уголовно-правового воздействия в беспределе судейского усмотрения	167
И.А. Попов	
Некоторые проблемы применения и исполнения наказаний, альтернативных лишению свободы, связанных с обязательным трудом осужденных	171
И.Д. Рыжкова	
Незаконный детский труд: к вопросу об уголовной ответственности работодателей.....	176
З.И. Сагитдинова	
О Саратовской Летней школе молодых преподавателей дисциплин криминального цикла	180
А.Н. Сайгашкин	
Убийство матерью новорождённого ребёнка: некоторые вопросы законодательного решения и правоприменительной практики	185
Р.А. Севостьянов	
К вопросу об объекте преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ	188
В.М. Степашин	
Институт замены наказания более строгим в механизме обеспечения наказания.....	191
В.А. Тирранен	
Виртуальное пространство как место совершения преступления	200
М.А. Тулиглович	
Методология уголовно-правового воздействия	203
В.А. Шуняева	
Причинный комплекс развития криминогенности личности несовершеннолетнего в период империи в России как проекция современной действительности.....	206
Аннотации	217

CONTENTS

CIVIL LAW AND PROCEDURE

E.V. Kosenko On the composition of the family legal capacity	9
M.V. Philimonova Universally recognized human rights as the basic postulates of the civil procedural rules	12
I.N. Shkromada Simplified forms of procedure in the light of the unification of the modern Russian civil procedural law	21
E.V. Krylova To the question of the content of the notion «time» in civil procedure	25
O.Yu. Fomina On the transformation of the legal status of the persons involved in the case, under the influence of substantive in civil proceedings	30

CRIMINAL PROCEDURE

E.S. Kurokhtina, G.B. Petrova To the Question of the Application of Restrictive Measures Towards Minor Suspects, Defendants	38
C.A. Rygalova On the Essence of Court Activities in Pre-trial Stages of Proceedings	44

INTERNATIONAL LAW

N.V. Dorodonova Consent to Marriage according to the Foreign Legislation: the Background	50
N.N. Lipkina Legal nature of the «legal positions» of the European Court of Human Rights	55

INTERNATIONAL RESEARCH AND PRACTICE CONFERENCE «CRIMINAL LAW: THE PROBLEM OF UNDERSTANDING AND REALIZATION»

O.A. Adoevskaya On the implementation of the constitutional principle of equality in regard to corruption offenses	59
S.A. Altukhov Victimological prevention in the context of measures to combat terrorism	63
I.A. Alexandrova Time to change criminal policy in the field of combating economic crime	69
A.P. Alexeeva Legislations in the field of protection of children from information which is harmful to their health and development	75

S.M. Baymoldina	
The subject of intellectual property violations of the criminal law of the Republic of Kazakhstan	78
I.N. Vishnevetskaya	
The role of the update and the adjustment of criminal legislation practice	84
A.M. Gerasimov	
Moral principles of criminal punishment	89
A.V. Golikova	
Probation as a kind of suspension of execution of criminal punishment in Russia	92
R.V. Zakomoldin	
On some issues of criminal law with respect to military personnel and persons equated to them	96
O.V. Zaitseva	
To a question on the subject of crimes against citizens' electoral rights	101
A.L. Ivanov	
The categorization of crimes and its role in the mechanism of criminal law	105
E.V. Kobzeva	
On social and legal background of the pre-revolutionary criminal acts of Russia	108
M.M. Lapunin	
Passage of training in order to carry out terrorist activities: assessment of the legislative novel	118
V.F. Lapshin	
The principles of criminal policy and their implementation in the field of combating economic crime	122
P.I. Levchenko, S.S. Vitvitskaya	
Topical issues of differentiation of criminal law in the various subjects of passive bribery	131
A.M. Maximov	
Differentiation of the criminal liability for crimes against the security of the animal world as a means of criminal law: the controversial novel	135
V.V. Namnyaseva	
On the question of the construction of sanctions of criminal law	138
K.V. Obrazhiev	
The system of formal sources of criminal law as the basis of criminal law	144
I.V. Pantyukhina	
Evaluation of the effectiveness of criminal law to persons who commit a sex offense	154
N.V. Petrasheva	
The category of «the offender»: theoretical and methodological aspects	160
E.E. Ponomareva	
The limits of criminal law in the lawlessness of judicial discretion	167
I.A. Popov	
Some problems of application and enforcement of punishments alternative to imprisonment associated with compulsory labor of convicts	171
I.D. Pyzhkova	
Illegal child labor: the question of criminal liability of employers	176

Z.I. Sagitdinova	
About Saratov Summer School young teachers disciplines criminal cycle	180
A.N. Saygashkin	
The murder of the mother of a newborn child, some issues of legislative solutions and law enforcement	185
R.A. Sevostyanov	
To a question about the object crime under Art. 171.2 of the Criminal Code	188
V.M. Stepashin	
Institute of replacing punishment to more stringent punishment in the mechanism to punish	191
V.A. Tirranen	
Virtual space as a crime scene	200
M.A. Tuliglovich	
The methodology of criminal law	203
V.A. Shunyaeva	
The causal complex of criminality identity of the juvenile during the Russian Empire as the projection of contemporary reality	206
Summary	217

Е.В. Косенко*

О СОСТАВЕ СЕМЕЙНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ

Категория «правосубъектность» имеет основополагающее значение для определения и классификации субъектов права и субъектов правоотношения. Именно определение прав и обязанностей как в общем, так и отраслевом и специальном виде правосубъектности позволяет констатировать статус субъекта. Следует полагать, что наличие общей и отраслевой правосубъектности еще не гарантирует лицу становление субъектом правоотношения, но оно определенно может считаться субъектом права. Утрата специальной правосубъектности не влечет за собой утраты правосубъектности, отраслевой и общей, что может свидетельствовать о независимом характере этих состояний субъекта.

Однако обратим внимание на иерархию правосубъектности. Только при наличии общей правосубъектности можно далее развить ее в определенной отрасли (например, семейном праве), и только наличие двух первых: общей и отраслевой правосубъектности, позволяет лицу приобретать специальную. Таким образом, правосубъектность в семейном праве и семейном правоотношении является логичным продолжением общей правосубъектности и может быть представлена в виде цепочки, где предыдущие звенья имеют определяющее значение для последующих.

Но достаточно ли для определения понятия «правосубъектность» сочетать только две составляющие: правоспособность и дееспособность? А.В. Венедиктов подробно исследовал эти категории, полагая, что они обосновывают правосубъектность лица, при этом в одних отраслях права правосубъектность совпадает с правоспособностью, именно поэтому их в таких отраслях следует отождествлять, тогда как в других одной правоспособности субъекта недостаточно и требуется ее сочетание с дееспособностью. Только при таких двух составляющих можно говорить о правосубъектности лица¹. В более ранних работах А.В. Венедиктов предлагал отождествлять понятия «правоспособность» и «правосубъектность», что

* Косенко Елена Владиславовна — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Балаковского филиала ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», доцент кафедры гражданского и семейного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

было поддержано и С.Н. Братусь². Однако позже В.А. Венедиктов дифференцировал правосубъектность в зависимости от отрасли права и даже института права, справедливо заметив, что нельзя говорить о едином ее понятии ввиду многообразия отраслей.

Мы солидарны с указанной точкой зрения, добавив лишь, что необходимо исходить из общего понятия правосубъектности, которая определяется как нормами международного, так и конституционного права. И только отраслевые нормы конкретизируют и уточняют отраслевую правосубъектность лица. При этом необходимо определять специальную правосубъектность лица в правоотношении возникновением определенного для данного правоотношения условия — то есть, юридического факта.

Концепцию В.А. Венедиктова о сочетании двух юридических качеств лица: правоспособности и дееспособности, для определения его правосубъектности поддерживал О.С. Иоффе, С.С. Алексеев, О.А. Красавчиков, Л.Г. Кузнецова³.

Рассуждая о правосубъектности юридического лица (организации), О.С. Иоффе отмечал, что «...сущность правосубъектности состоит в том, что благодаря ей лицо выступает как участник правоотношения, как носитель прав и обязанностей»⁴. Необходимо учесть, что этот правильный в целом вывод сделан на основе убеждения автора о тождестве понятий «субъект права» и «субъект правоотношения». Так, он пишет: «...Субъекты правоотношений, или, как их иначе называют, субъекты права, подразделяются на три вида: 1) государство, 2) граждане, 3) юридические лица»⁵.

Поддерживая суждение о том, что правосубъектностью лицо обладает и будучи субъектом права, и будучи субъектом правоотношения, заметим, что в первом случае речь идет о его возможностях, в последнем — о действительном его положении, то есть о преобразовании «возможности» в «действительность» посредством осуществления (реализации) своего права. Таким образом, полагаем, что в равной степени правы и те авторы, которые утверждают, что правосубъектность есть правоспособность — это действительно справедливо для отдельных отраслей права, и те, кто определяют это понятие путем объединения двух общественно-юридических качеств лица: правоспособности и дееспособности, поскольку в других отраслях права только их симбиоз дает лицу возможность быть правосубъектным, а, следовательно, быть субъектом права.

Ряд ученых-процессуалистов выдвигают тезис, согласно которому правосубъектность вообще не имеет научной необходимости в своем определении и применении, в частности, в области гражданско-процессуального права. Таково, например, мнение В.И. Корецкого, А.А. Мельникова, М.С. Шакарян⁶. Это мнение было поддержано и Е.А. Флейшиц: «...никакой гражданско-процессуальной правоспособности, отличной от правоспособности гражданской, ни одному процессуалисту, по сути дела, обнаружить не удалось»⁷.

Напротив, другие ученые-процессуалисты высказывались за существование отраслевой процессуальной правосубъектности лиц. Таково мнение

таких ученых как Н.Б. Зейдер, Н.А. Чечина, Д.Р. Джалилов⁸. Поддержан вывод о самостоятельном характере процессуальной правосубъектности и в более поздних работах⁹. Я.А. Розенберг высказал мнение и о наличии нескольких ее видов¹⁰. Оставим за рамками настоящего исследования вопрос о научной обоснованности этих противоположных позиций. Однако заметим, что многообразие теоретических учений относительно указанного понятия во всех без исключения отраслях права, свидетельствует о невозможности его единого определения.

Поддерживая мнение С.С. Алексеева, предложившего классифицировать правосубъектность на общую, отраслевую и специальную¹¹, мы считаем, что это теоретическое предложение следует распространить и на правосубъектность в семейном праве.

Итак, субъект семейного права и субъект семейного правоотношения — понятия нетождественные. Первый выступает лишь носителем прав и обязанностей, второй — лицо, обладающее правами и выступающее носителем обязанностей, а также осуществляющее их. Для их осуществления в семейных правоотношениях субъект такого правоотношения одновременно обладает:

общей правосубъектностью, включающей в себя права и обязанности, установленные международным правом и конституционными нормами;

отраслевой правосубъектностью, которая расширяет и конкретизирует права и обязанности субъекта внутри отраслевых норм, устанавливает его отраслевую правоспособность и дееспособность;

специальной правосубъектностью, предполагающей, помимо правоспособности, наличие условия, определяющего положение субъекта в семейном правоотношении (факт рождения ребенка, нахождение в браке, нахождение вне брака с родителем ребенка и т.д.). Специальная правосубъектность представляется нам наиболее динамичной из представленных (она может возникать и прекращаться по воле субъекта и помимо его воли, а также быть зависима от пресекательных сроков ее существования), следует считать также, что субъект правоотношения может одновременно обладать несколькими видами специальной правосубъектности (например, одновременно быть и родителем, и ребенком), но всегда обладает только одной общей и одной отраслевой правосубъектностью, поскольку они статичны.

Предложенная нами трехуровневая система правосубъектности лиц в семейном праве и семейном правоотношении, полагаем, снимает сложившиеся противоречия и позволяет оперировать этим понятием сообразно положению субъекта в указанном праве либо правоотношении, допуская и одновременное наличие всех трех ее составляющих, но, исключительно в таком отраслевом сегменте, как семейно-правовой.

¹ См.: Венедиктов А.В. О субъектах социалистических правоотношений // Советское государство и право. 1955. № 6. С. 20.

² См.: Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М.; Л., 1948. С. 615; Братусь С.Н. О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав // Советское государство и право. 1949. № 8. С. 36.

³ Более подробно см.: Иоффе О.С. Спорные вопросы учения о правоотношении // Очерки по гражданскому праву. Л., 1957. С. 55-56; Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 145-146; Красавчиков О.А. Социальное содержание правоспособности советских граждан // Правоведение. 1960. № 1. С. 13; Кузнецова Л.Г., Шевченко Я.Н. Гражданско-правовое положение несовершеннолетнего. М., 1967. С. 7.

⁴ Иоффе О.С. Указ. соч. С. 63.

⁵ Там же. С. 60.

⁶ См.: Корецкий В.И. Гражданское право и гражданские правоотношения в СССР. Душанбе, 1967. С. 67; Чечина Н.А. Гражданские процессуальные правоотношения. Л., 1962. С. 24.

⁷ Флейшиц Е.А. Соотношение правоспособности и субъективных прав // Вопросы общей теории советского права. М., 1960. С. 280-281.

⁸ См.: Зейдер Н.Б. Гражданские процессуальные правоотношения. Саратов, 1965. С. 40; Чечина Н.А. Гражданские процессуальные отношения. Л., 1962. С. 26; Джалилов Д.Р. Гражданское процессуальное правоотношение и его субъекты. Душанбе, 1962. С. 39.

⁹ См., например: Осокина Г.Л. Гражданская процессуальная право- и дееспособность // Российская юстиция. 1997. № 5. С. 35-37; Жушман М.В. Эволюция гражданской процессуальной правосубъектности как предпосылки права на обращение в суд // Проблемы законности. 2011. № 117. С. 30-34.

¹⁰ См.: Розенберг Я.А. Правосубъектность и представительство общественности в гражданском процессе // Правоведение. 1967. № 6. С. 58-64.

¹¹ См.: Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Курс лекций. Вып. 2. Свердловск, 1964. С. 77.

М.В. Филимонова*

ОБЩЕПРИЗНАННЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ОСНОВНЫЕ ПОСТУЛАТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ

Определение естественного права (*jus naturale*), раскрытие его сущности на протяжении длительного времени не оставляет умы философов, правоведов, политических деятелей. Некоторые возводят его в ранг системы прав, норм, правил, принятых человеком в обществе; другие рассматривают его как нечто философское, метафизическое, божественное. Но одно объединяет все эти понятия — признание права каждого отдельного человека, данного ему самим фактом его рождения, на свободную, справедливую и счастливую жизнь равных субъектов. Стремлению к достижению именно такой цели призвано служить право любой страны: материальное — обеспечивать эффективность взаимодействия субъектов в области гражданских, семейных, трудовых и иных правоотношений; процессуальное — предоставить возможность оптимальной доступной и справедливой судебной защиты.

На всем протяжении исторического развития прав человека не было дано единого понятия свободы, равенства, справедливости как базовых, неотъемлемых прав человека, дарованных ему при рождении. С одной

* Филимонова Маргарита Владимировна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

стороны, всем известны данные постулаты, каждый человек использует их, особенно при оценке чьих-либо или своих поступков. К сожалению, как показывает многовековой опыт, определение свободы, равенства и справедливости, как правило, субъективно в каждом конкретном случае. Многоаспектность указанных терминов, многогранность их содержания затрудняют поиск однозначного определения того, что является свободой, равенством и справедливостью. Именно поэтому закрепление их в качестве общепризнанных прав и свобод человека в международных правовых актах, а также в нормах практически любого национального законодательства делает возможным их применение, а значит, выявляет необходимость определения их понятия и содержания.

Свобода, равенство, справедливость — это основные «базовые» права человека, из содержания которых следуют все остальные права — основы жизни человека, а также одноименные принципы. Их содержание не раскрыто ни в одном правовом источнике, тем не менее, они являются некоей системой координат для всех в процессе создания и применения норм закона, особенно, если таковые противоречат нормам, принципам и правам человека.

Предпринимая попытки определить содержание указанных понятий, следует отдавать себе отчет в том, что практически невозможно «придумать» им дефиницию. Причиной тому служит использование данных терминов в большинстве аспектов человеческой жизни, причем в отличающихся друг от друга смысловых оттенках. Свобода, равенство, справедливость характерна для философии, присуща правовой, социальной, морально-этической сфере жизни человека, вплоть до эзотерической составляющей его существования.

В этой связи в рамках настоящей работы предприняты попытки максимально приблизиться к однозначному пониманию равенства, свободы и справедливости, рассматриваемому в правовом аспекте.

Каждый человек рождается свободным. Понятие свободы достаточно многогранно и во много зависит от той сферы общественной жизни или области науки, где оно применяется и, соответственно, определяется его смысл.

Свобода как категория жизни человека, согласно «Новой философской энциклопедии» — это идея, отражающая отношение субъекта к своим актам, при котором он является их определяющей причиной. При этом они не обусловлены природными, социальными, межличностно-коммуникативными, индивидуально-внутренними или индивидуально-родовыми факторами¹. Свобода субъекта определяется тем идеальным для него состоянием, в котором он наиболее полно, по его убеждению, может реализовать свои желания, достигнуть поставленных целей на общем фоне справедливой и счастливой жизни. То, что не запрещено — разрешено.

С другой стороны, осуществляя право свободы, любой индивидуум должен понимать, что его выбор возможен только в рамках его собственной

жизни. Невозможно предоставить человеку безграничную свободу, так как это неизбежно повлечет за собой нарушение прав других субъектов общественной жизни. В этой связи оптимальным с точки зрения реализации свободы будет определение ее границ при осуществлении человеком своих прав. Именно поэтому Всеобщая декларация прав человека, закрепляя обязанность человека перед обществом (ч. 1 ст. 29), в ч. 2 допускает возможность ограничения в осуществлении человеком своих прав и свобод, но только установленные законом «...исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе».

Итак, свобода как общепризнанное право человека является определенной системой координат его деятельности, внешним проявлением которой служит некая «граница» возможностей выбора способов его поведения (ограничения с целью недопущения нарушения правопорядка в целом в обществе, так и попрания прав других лиц). Общая универсальная «граница» свободы для человека с точки зрения права представляет собой временной промежуток жизнь — смерть. В свою очередь, в таких рамках есть и иные ограничения (например, лишение свободы человека, отбывающего наказание за совершенное правонарушение уголовного характера, невозможность выезда за пределы страны гражданином, исходя из его должностного положения, как правило, связанного с допуском к государственной тайне и т.п.).

Внутреннее содержание свободы как права человека воплощается в жизнь посредством выбора способов и моделей поведения, если таковые прямо не запрещены законом, нормами морали в данном обществе.

В этой связи хочется отметить, что право свободы осуществляется субъектом в аспекте его личной, жизни, при выборе своего места нахождения, в предпринимательской и иной экономической деятельности. При этом, как уже отмечалось, свобода как неотъемлемое право человека проявляется в материальном и процессуальном праве.

Человек должен быть, прежде всего, лично свободен.

Личная свобода человека неразрывно связана с его местом жительства или нахождения. Как задекларировано в ст. 22 Конституции РФ, никто не может лишиться его права на передвижение, арестовав, заключив под стражу с последующим содержанием, без судебного решения (за исключением задержания на срок до 48 часов). Таким образом, можно сделать вывод о том, что одним из аспектов свободы является право лица находиться в том или ином месте, на той или иной территории по его выбору. В подтверждение этому служат нормы Всеобщей декларации прав человека, провозглашающей право каждого свободно передвигаться и выбирать себе место жительства в пределах одного государства (ст. 13), а также покидать любую страну и возвращаться в свою (ст. 14) и Конституции РФ (ст. 27), корреспондирующей указанным нормам Всеобщей декларации.

В рамках правовых категорий свобода — это любые нормы-дозволения, определенные в законодательных актах, с помощью которых человек выбирает оптимальную для себя модель поведения в обществе, а также иной образ действий, хотя и не указанный в законе, но прямо им не запрещенный. Последнее как раз и оценивается через призму естественно-правовых начал жизни (нормы права), соотнося его с нормами существующего закона.

В этой связи представляется верным рассматривать свободу одним из первых критериев соотношения общепризнанных прав человека и позитивного права в вопросах их применения.

Равенство как право каждого человека — второй постулат общепризнанных прав каждого субъекта в обществе.

Согласно толковым словарям, равенство используется в нескольких значениях: как полное подобие, сходство (по величине, качеству, достоинству), равенство сил. Социальный аспект данного понятия заключается в положении людей в обществе, обеспечивающее их одинаковое отношение к закону, наделение их одинаковыми политическими и гражданскими правами. С математической точки зрения равенством является соотношение между величинами, показывающее, что одна величина равна другой².

Так же, как и понятие свободы, равенство в его социальном значении не имеет однозначного определения, тем более его понятийное наполнение менялось в различные исторические периоды развития человечества.

Философская энциклопедия относит равенство к основным понятиям социальной жизни и философии, базируя его содержание на определении формального равенства, означающего одинаковое отношение к подобным ситуациям³. Равенство как естественно-правовая категория, подвергаясь определенным исследованиям, раскрывается как равноценность и равноправие всех людей⁴.

Мы одинаково приходим в этот мир, и сразу наделяемся правами на достойную жизнь, поддержания и охрану своего здоровья, место проживания, свободу выбора и т.п. Такое равенство нельзя изменить.

Впоследствии, с развитием человек имеет право на получение образования, выбор профессии, должности, своего семейного положения. Таким образом, «просто» человек становится, например, учеником, студентом, государственным служащим, мужем или женой. Именно этот, «дополнительный» к званию человека статус регламентируется в большей части законодательно. В этой связи некоторые ученые, раскрывая понятие равенства, указывают на формальное равенство субъектов, говоря при этом о существовании фактического неравенства, во-первых, по социальному положению и, во-вторых, в зависимости от принадлежности к той или иной категории субъектов (например, по признаку места жительства, рода занятий, профессии)⁵. Что касается социального неравенства, хотелось бы отметить, что утверждение о фактическом неравенстве людей справедливо, но по своему содержанию выходит за рамки правового «поля». В подтверждение этому следует обратить внимание на высказывание Ю.В. Романца, который отмечает: «Желание уравнивать людей, естественное с

точки зрения греховной природы человека, противоестественно объективной картине мира. Борьбаться с социальной дифференциацией — добиваться того, чтобы люди становились как можно менее отличны друг от друга и как можно более похожи друг на друга, значит, объявить войну природе»⁶. Люди, конечно же, не равны по умственным способностям, физическим возможностям, возрасту, месту жительства, роду своих занятий, уровню материального благосостояния. Независим от человека только возраст, все остальное ему подвластно. Именно поэтому объективно существующее фактическое неравенство людей обусловлено их выбором того уровня жизни, который они себе избирают, иногда непосредственно, иногда опосредованно. Мысли, мечты человека не подвластны праву, это скорее эзотерическая составляющая жизни, что подтверждает тезис о фактическом неравенстве людей только в аспекте социальной жизни человека, морали.

Правовое равенство — это, прежде всего, равенство возможностей, выбора места и способов «построения» своей жизни. Другими словами, каждый человек при рождении наделен в равных условиях равными возможностями (правами), осуществление или неосуществление которых и приводит к неравенству фактическому.

Что касается неравенства в зависимости от принадлежности субъекта к той или иной категории, следует отметить, что их правовое положение регламентируется в соответствии со спецификой их полномочий и может отличаться от других людей по объему и содержанию, и, как следствие, механизмом их осуществления, индивидуально-определенными мерами ответственности, особым порядком привлечения к ней.

В частности, М.В. Пресняков, применяя термин «правовые неравенства», указывает, что они устанавливаются законодательством посредством предоставления отдельным категориям граждан льгот и привилегий с целью компенсации «изначального фактического неравенства...»⁷. Такая словесная конструкция как «правовые неравенства» представляется не совсем удачной. Предоставление льгот отдельным категориям граждан вряд ли можно рассматривать как правовое неравенство, поскольку такие привилегии призваны компенсировать человеку в силу объективных обстоятельств (состояние здоровья, возраст) эффективное осуществление своих прав, прежде всего, естественных.

Возникает логичный вопрос, насколько корректно называть такое специальное положение конкретного субъекта неравным по отношению к другому. Скорее всего, такое положение может быть отличным по отношению к другим людям, исходя из полномочий, приобретенных в силу его особого статуса.

Ранее указывалось на многозначность понятия равенства, содержащиеся в толковых словарях русского языка. В этой связи следует отличать смысловое содержание термина «равенство» в том или ином контексте нормы закона. Так, ч. 8 ст. 303 Арбитражного процессуального кодекса РФ указывает основанием оставления заявления или представления без удо-

влетворения при равенстве голосов судей; ч. 2 ст. 39 Семейного кодекса РФ наделяет суд правом отступить от начала равенства долей супругов в их общем имуществе. Приведенные примеры служат иллюстрацией применения равенства в его математическом значении (равные по количеству).

Таким образом, равенство — второй из аспектов общепризнанных прав человека, представляет собой наличие у каждого равных прав и свобод (равноправие) в одинаковых условиях, признанных и охраняемых государством, а также наделение всех равными обязанностями, необходимость исполнения которых обусловлена требованиями порядка и морали в обществе и государстве, а также равными мерами принуждения и наказания за аналогичные нарушения прав других или неисполнение обязанностей.

Справедливость, как составляющая естественно-правовой категории, также не имеет однозначного содержательного определения, и также как и равенство, и свобода, употребляется в нескольких значениях, исходя из различных аспектов человеческой жизни. Помимо этого, в отличие от остальных рассматриваемых понятий, справедливость наиболее подвержена субъективной оценке.

Толковые словари раскрывают содержание справедливости в его философском, нравственном, этическом понятии и, конечно же, в правовом значении. Новая философская энциклопедия определяет справедливость как общественную нравственную санкцию совместной жизни людей, рассматриваемую преимущественно под углом зрения сталкивающихся желаний, интересов, обязанностей. Справедливость пронизывает все аспекты человеческих взаимоотношений во всех их общественно значимых разновидностях (от межличностной сферы до международных отношений). Предметом справедливости считается благо совместного существования в рамках единого социального пространства⁸. В данном определении не отражается первичная составляющая — справедливость по отношению к себе. Только тогда человек сможет уважать права, выбор другого человека, когда научиться уважать свой выбор и делать его с позиции справедливости, прежде всего, по отношению к себе. Христос сказал: «Желайте другим того, чего бы вы пожелали себе».

Справедливость в его правовом значении некоторые определяют как принципы, регулирующие соответствие между деянием и воздаянием, преступлением и наказанием в процессе распределения прав и обязанностей граждан⁹. Данная характеристика справедливости позволяет установить причинно-следственные связи в поведенческих моделях человека, что служит критерием ответа на вопрос: справедливо то или иное действие или бездействие индивида.

В Основном законе России — Конституции — понятие справедливости употребляется в преамбуле, в контексте того, что нормы Конституции, в том числе принимаются в связи с почитанием памяти предков, веривших в добро и справедливость. Указанная теза с очевидностью свидетельствует о том, что российский законодатель признает справедливость общепри-

знанным право человека, ее неотчуждаемость и основу правового регулирования общественной и личной жизни людей.

К сожалению, объем данной работы не позволяет подвергнуть анализу множество правоприменительных актов суда, свидетельствующих о наличии коллизий и пробелов в законах, тем не менее, следует отметить, что все больше и больше становится понятным тот факт, что закон «не успевает» за развитием человеческих отношений. В настоящей работе принята попытка обозначить необходимость применения общепризнанных прав человека напрямую в случае несовершенства норм законодательства.

Так, например, формальный подход к применению процессуальных норм о подведомственности судами общей юрисдикции и арбитражным судом в деле гражданки Безымянной (суд общей юрисдикции передал дело в арбитражный суд в связи с неподведомственностью дела, арбитражный суд прекратил производство по делу по тому же основанию) привели к невозможности осуществления права заявительницы на судебную защиту. Следование букве закона (однозначно ошибочное у одного из судов) создало для Безымянной ситуацию порочного круга, «... где национальные суды, указывали друг на друга, отказываясь рассмотреть ее дело в силу предполагаемых ограничений их подведомственности»¹⁰. Таким образом, суды сделали невозможным осуществление Безымянной права на судебную защиту, гарантированного ей государством с самого рождения. Данная ситуация требует незамедлительного ее разрешения, поскольку, как неоднократно указывал Европейский суд по правам человека, средства правовой защиты должны быть достаточно определенными. Иное означало бы отсутствие доступности и определенности, что в сфере соблюдения прав и свобод человека и гражданина недопустимо.

В целях преодоления таких правоприменительных коллизий необходимо отметить: неважно, какой из судов ошибочно исключил из сферы своей подведомственности спор заявительницы. В этой ситуации цель иная — обеспечить возможность реализации права на судебную защиту, доступ к суду. Поэтому с определенной долей уверенности необходимо утверждать, что, коль скоро вопросы защиты нарушенного права субъекта требуют своевременного и справедливого разрешения, необходимо принимать и рассматривать заявление тем судом, которому оно поступило на рассмотрение даже в случае нарушения правил о подведомственности, если такому обращению предшествовала подача заявления в суд иного звена судебной системы, и этот суд отказал в принятии заявления (суды общей юрисдикции), или дело поступило в суд на основании определения о его передаче.

С другой стороны, можно возразить, что такое повсеместное поспание законодательно установленного разграничения подведомственных судам общей юрисдикции и арбитражным судам дел, позволит судьям вольно обращаться с этими правилами, коль скоро «следующий» за ним суд все равно должен рассмотреть дело. Поэтому следует оговориться, что речь идет только о возможной ошибке суда, первоначально принимающего за-

явление, тем более что в рамках деятельности судьи всегда имеется в виду его ответственность за принимаемые ими любые решения. В этой связи, отмечаем, что речь идет о единичных случаях нарушения правил подведомственности самими судами, в результате процессуальных действий которых заявитель может быть лишен права на судебную защиту.

Выводы о несовершенстве закона, поиски путей выхода из сложившейся ситуации дискутируются правоведами на всем протяжении развития права, что свидетельствует о том, что до завершения этого процесса еще очень долгий путь. Как сделать закон совершенным, написанным простым языком, упростить процедуру его принятия — все это вопросы юридической техники, к сожалению, пока не нашедшие ответов в силу многих причин. Но человек не может дожидаться, когда же примут тот или иной новый закон либо «исправят» существующие нормы, чтобы он мог реально защитить свои права и свободы. Именно поэтому так называемый «законодательный вакуум» можно восполнить провозглашенными в основных источниках международного права общепризнанными правами человека, которые должно применяться всегда и повсеместно и напрямую, если нормы позитивного права неполны, неточны, противоречивы либо отсутствует правовая регламентация возникших правоотношений.

Указывая неоднократно на тот факт, что основополагающие права человека должны действовать непосредственно, обращаем внимание на следующее обстоятельство. Коль скоро, в конечном итоге, в процессе осуществления эффективных правовых моделей поведения человек получает отрицательный результат, можно сделать один из двух выводов: либо существует ошибка в интерпретации, и, как следствие, в применение закона, либо есть дефект в самом законе. Ни то, ни другое недопустимо в правовом демократическом государстве, а значит, неотъемлемые права и свободы каждого должны соблюдаться и осуществляться, исходя из их смысла, содержания, даже вопреки законодательной регламентации конкретной ситуации. В этом и заключается проявления справедливого отношения к каждому человеку в его конкретно сложившейся правовой ситуации. Иной подход обуславливает декларацию защиты его прав, без должного их обеспечения и соблюдения в условиях реальных правовых конфликтов.

Обобщая указанное, отмечаем, что справедливость как составляющая правовой жизни общества, не имеет строго формализованного определения. Справедливость в правовом значении может раскрываться в нескольких аспектах: в отношении себя, по отношению к другим, и, как следствие первых двух — соразмерности ответственности за совершаемые деяния или бездействие (проступки, правонарушения).

Таким образом, право на свободу, равенство и справедливость — основа жизнедеятельности человека, правопорядка любого государства.

Несмотря на специфику, особенности содержания каждого из указанных прав, трудно представить их обособленную друг от друга реализацию. Как только нарушается право человека на свободу, равенство, можно од-

нозначно утверждать, что это несправедливо. Любая дискриминация недопустима в силу своей несправедливости. Безосновательное ограничение свободы автоматически нарушает право на справедливое отношение к субъекту.

Основополагающие категории свободы, равенства и справедливости — монолит правовой жизни общества и каждого его индивида в отдельности.

В свете этого взаимообусловленные между собой понятия свободы, равенства и справедливости: обеспечивают содержательное наполнение материальных и процессуальных прав и свобод человека и гражданина; содействуют формированию принципов и норм международного права, определяющих механизм соблюдения и защиты прав человека как внутри государств, так и на международном уровне; служат ориентиром, основным критерием при создании законов, а также в правоприменительной деятельности; применяются непосредственно при разрешении конкретных правовых ситуаций в тех случаях, когда закон в силу своего несовершенства или отсутствия такового, не может быть положен в основу разрешаемого правового конфликта или иного правового обстоятельства.

¹ См.: Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2010. URL: <http://iph.ras.ru/elib/2670.html> (дата обращения: 11.06.2015).

² Толковый словарь русского языка. URL: www.formaslov.ru/search/search/?search=равенство (дата обращения: 31.07.2015).

³ См.: Философская энциклопедия. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1009 (19.05.2015). Такое определение равенства нашло свое отражение в так называемом принципе талиона (*lex talionis*), согласно которому причиненный ущерб требует равного возмездия для всех случаев аналогичного ущерба. Более развитое понятие равенства впоследствии трансформировалось в золотое правило, устанавливающее равные права индивидуумов на хорошее обращение с ними, несмотря на поступки ими совершаемые.

⁴ См.: Общий толковый словарь русского языка. URL: <http://tolslovar.ru/r110.html> (19.05.2015).

⁵ См., например: Зубакин В.Ю. Реализация конституционного принципа равенства всех перед законом и судом в современной России / под ред. Г.Н. Комковой. Саратов, 2005. С. 7–8.

⁶ Романец Ю.В. Этические основы права и правоприменения. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁷ См.: Пресняков М.В. Конституционные параметры фактического равенства и фактической справедливости // Гражданин и право. 2011. № 6. С. 12–13.

⁸ См. подробнее: Новая философская энциклопедия. URL: <http://www.term.ru/dictionary/879/word/spravedlivost> (дата обращения: 09.08.2013).

⁹ См.: Некрасова Н.А., Некрасов С.И., Садикова О.Г. Тематический философский словарь: учебное пособие. М., 2008. С. 15.

¹⁰ См. подробнее: Постановление Европейского суда по правам человека от 22 декабря 2009 г. Дело Безымянная (*Bezutyannaya*) против Российской Федерации (жалоба № 21851/03). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

И.Н. Шкромада*

УПРОЩЕННЫЕ ФОРМЫ СУДОПРОИЗВОДСТВА В СВЕТЕ УНИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Повышение доступности правосудия, а также его оптимизация является одним из основных направлений развития отечественного законодательства, в связи с чем сохраняет свою актуальность поиск путей совершенствования порядков судопроизводства, способствующих оперативному рассмотрению гражданских дел.

Обращаясь к истории, следует сказать, что первым шагом российского законодателя на пути создания сокращенных и экономичных правил судопроизводства, по сравнению с общими правилами, являлось «бессудное осуждение», о котором упоминается в законодательных актах XV–XVI вв.

В Судебниках 1497 и 1550 гг. говорилось о бессудных грамотах, которые выдавались истцу без судебного разбирательства в случае неявки ответчика в суд в назначенный срок¹. Дальнейшее развитие упрощенная форма судопроизводства получила в Соборном уложении 1649 г., где были более детально определены условия, при которых могла быть выдана бессудная грамота, а также предусматривалась ее выдача ответчику в случае неявки в судебное заседание истца.

Понятие упрощенного порядка судопроизводства впервые появилось в Уставе гражданского судопроизводства 1864 г., когда он был дополнен главой восьмой «Об упрощенном порядке судопроизводства». В основу правил об упрощенном производстве была положена мысль о необходимости упрощения производства тех гражданских дел, которые включают в себя бесспорные требования².

В дальнейшем упрощенные формы гражданского судопроизводства нашли своё развитие в Гражданском процессуальном кодексе (далее — ГПК) РСФСР 1923 г., ГПК РСФСР 1964 г. и ГПК РФ 2002 г.

В настоящее время, после объединения Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, назрела необходимость унификации судопроизводства по гражданским делам как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах.

Не вызывает сомнений актуальность упрощенных производств, позволяющих разрешать гражданские дела наиболее оперативно и без лишних затрат. Однако среди процессуалистов не сложилось единого мнения относительно того, какие производства следует называть упрощенными.

В научной литературе встречаются различные подходы к пониманию упрощенных судебных процедур.

* Шкромада Ирина Николаевна — преподаватель кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

Ряд авторов полагает, что к упрощенной форме гражданского судопроизводства относится только приказное производство³. По мнению других, к упрощенной форме гражданского судопроизводства следует относить как приказное, так и заочное производство⁴. Некоторые ученые относят к упрощенному судопроизводству, помимо приказного и заочного, также и особое производство⁵, исполнительную надпись нотариуса⁶ и обеспечительные меры⁷.

Какие же производства следует относить к упрощенным в условиях происходящего в настоящее время реформирования процессуального законодательства?

После объединения высших судебных инстанций в ходе активного обсуждения унификации процессуального законодательства была разработана Концепция единого Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — Концепция)⁸. Её разработчики не оставили без внимания и упрощенные формы гражданского производства. К ним были отнесены приказное, заочное и упрощенное производство. Такой подход, на наш взгляд, является наиболее правильным.

Разделяя мнение авторов Концепции, следует отметить, что приказное производство, характеризующееся упрощенной процессуальной формой, должно быть полностью сохранено и закреплено в проекте Кодекса гражданского судопроизводства с учетом некоторых замечаний. В частности, следует распространить возможность вынесения судебных приказов и на дела, подведомственные арбитражным судам. В связи с этим, нужно разрешить проблему определения подсудности и закрепить возможность вынесения судебных приказов арбитражным судам субъекта РФ.

Следует отметить, что в настоящее время в Государственную Думу РФ уже внесен проект федерального закона, которым планируется ввести в арбитражный процесс институт судебного приказа⁹. Такая мера направлена на унификацию процессуальных процедур и правил, применяемых судами общей юрисдикции и арбитражными судами.

В Концепции предлагается сохранение в проекте нового Кодекса возможности отмены судебного приказа после поступления возражений должника относительно его исполнения, а также возможность защиты требований взыскателя путем предъявления иска.

По нашему мнению, порядок отмены судебного приказа имеет некоторые недостатки и нуждается в усовершенствовании. ГПК РФ не предусматривает для должника необходимости мотивирования направляемых в суд возражений. Представляется, что такой порядок отмены судебного приказа не оправдан и может повлечь излишние материальные и временные затраты как для суда, так и для заявителя.

В соответствии с принципом состязательности тяжущиеся не только вправе, но и обязаны доказывать обстоятельства, на которые они ссылаются как на основания своих требований и возражений.

Наиболее удачным представляется предусмотренный законодателем порядок отмены заочного решения. Одним из обязательных оснований для отмены заочного решения является ссылка ответчика на обстоятельства и представление доказательств, влияющих на содержание решения суда. В случае если данное условие не будет соблюдено ответчиком, суд выносит определение об отказе в удовлетворении заявления об отмене заочного решения. Подобные правила следует установить и для процедуры отмены судебного приказа.

Заочное производство в Концепции определяется как разбирательство и разрешение гражданского дела по упрощенному варианту процессуального регламента при наличии обязательных условий (согласие истца; надлежащее извещение ответчика о времени и месте судебного заседания; отсутствие сведений об уважительных причинах неявки; просьба ответчика о рассмотрении дела в его отсутствие).

Авторами Концепции предлагается полностью сохранить институт заочного производства, отдельно указывается на необходимость оставления в неизменном виде нормы, в соответствии с которой обязательным является согласие истца на рассмотрение дела в порядке заочного производства в случае неявки ответчика.

Сохранение данного положения, на наш взгляд, справедливо, поскольку, соглашаясь на указанную упрощенную форму рассмотрения дела, истец сталкивается со всеми вытекающими из этого последствиями. При этом имеет место быть определенный риск, поскольку в случае оспаривания ответчиком заочного решения, рассмотрение дела по существу будет возобновлено, а сроки рассмотрения дела будут сильно затянуты.

На рассмотрение дела в порядке заочного производства истцу целесообразно соглашаться в случае, если он уверен в правильности своей правовой позиции, желает быстрее получить окончательное постановление суда, располагает надежными доказательствами и не предвидит серьезного противодействия со стороны ответчика¹⁰. В ином случае для истца будет предпочтительнее рассмотрение дела в общем порядке.

Недостатком указанной конструкции можно считать отсутствие в ст. 233 ГПК РФ правил рассмотрения дела в порядке заочного производства в случае участия в деле третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора. Не ясно, как должен поступить суд в случае, если истец согласен на рассмотрение дела в порядке заочного производства, а третье лицо, заявляющее самостоятельные требования — нет. Также остается неурегулированным вопрос о необходимости получения согласия прокурора, обратившегося в суд в порядке ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, на рассмотрение дела в порядке заочного производства.

В соответствии со ст. 167 ГПК РФ при аналогичных условиях в отсутствие ответчика в судебном заседании возможно разрешение спора и в порядке обычного производства. В этой связи Д.Х. Валеевым было высказано мнение о том, что в заочном производстве в настоящее время нет

необходимости¹¹. Однако с такой позицией сложно согласиться, поскольку рассмотрение дела в порядке заочного производства гарантирует защиту прав ответчика в том случае, если он не имел возможности своевременно сообщить суду о причинах неявки.

Рассмотрение дел по правилам упрощенного производства в арбитражных судах происходит без вызова сторон по представленным сторонами документам в строго определенных законом случаях, а также в иных случаях по желанию сторон. При этом рассмотрение дел по существу заявленных требований производится с учетом позиции обеих сторон спора, но с сокращенными временными и финансовыми затратами.

Несмотря на схожесть упрощенного производства в АПК РФ и приказного производства в ГПК РФ, авторами Концепции признается, что данные виды производства являются двумя разными формами упрощения процесса. При этом главным их отличием является то, что при рассмотрении дела в порядке упрощенного производства с учетом позиции обеих сторон, наличие реального спора между ними более вероятно, чем в случаях, предусмотренных для приказного производства.

С этой позиции целесообразно сохранение состязательности и представление в суд доказательств обеих сторон, но только в письменном виде. Авторами Концепции такое производство вполне обоснованно предлагается именовать письменным.

В Концепции также предлагаются такие критерии отнесения дел к письменному производству как небольшая цена иска («малые иски») и маловероятность наличия спора между сторонами, о которой могут свидетельствовать документы, устанавливающие денежные обязательства ответчика, а также подтверждение ответчиком в письменном виде наличия задолженности перед истцом и т.п.

При этом следует предусмотреть категории дел, которые не могут рассматриваться по правилам письменного производства; случаи, когда письменное производство должно быть обязательным для сторон; возможность рассмотрения по правилам письменного производства иных категорий дел при согласии обеих сторон.

В случае возникновения осложняющих дело факторов необходимо предусмотреть механизм перехода от письменного производства к обычному.

Сложно разделить мнение авторов Концепции, согласно которому возможно законодательное ограничение кассационного обжалования решения, принятого в порядке письменного производства.

По нашему мнению, необходимо сохранить единство в возможности обжалования итоговых судебных актов как по делам, рассмотренным в общем порядке, так и по делам, рассмотренным в рамках упрощенных форм гражданского судопроизводства.

В заключение отметим, что на практике всегда были и будут дела, отличающиеся своей простотой и не требующие сложных судопроизводственных действий, в связи с чем сложно переоценить значимость упрощенных

форм гражданского судопроизводства, применение которых способствует наиболее быстрому рассмотрению дел, а также снижению неоправданных расходов и уменьшению нагрузки на суды.

Упрощенные формы гражданского судопроизводства являются необходимыми и востребованными, о чем свидетельствует сохранение в Концепции существующих на сегодняшний день всех трех форм упрощенного гражданского судопроизводства — приказного, заочного и упрощенного.

Совершенствование указанного института и его развитие позволит повысить эффективность правосудия, оказать положительное влияние на его качество, а также создать условия для оптимизации гражданского процесса.

¹ См.: Михайлов М. История образования и развития системы русского гражданского судопроизводства до Уложения 1649 г. СПб., 1848. С. 80.

² См.: Устав гражданского судопроизводства с законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов, извлеченными из научных и практических трудов по гражданскому праву и судопроизводству (по 1 февраля 1912 г.) / сост. И.М. Тютрюмов. СПб., 1912.

³ См., например: Грибанов Ю.Ю. Рассмотрение дел в порядке упрощенного производства в гражданском и арбитражном процессе: сравнительное исследование правовых систем России и Германии: дис. ... канд. юрид. наук. Кемерово, 2007. С. 12.

⁴ См., например: Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы: монография. М., 2010. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Аргунов В.Н. Судебный приказ и исполнительная надпись // Российская юстиция. 1996. № 7. С. 31; Фишман Л.И. Движение гражданского процесса. Харьков, 1926. С. 412.

⁶ См.: Никитин В.С. Некоторые вопросы приказного производства // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 7. С. 22.

⁷ См.: Андреева Т.К. 5 лет АПК РФ (на вопросы редакции отвечают судьи арбитражных судов) // Законодательство. 2007. № 9. С. 14.

⁸ См.: Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, одобренная решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 8 декабря 2014 г. № 124 (1). Документ опубликован не был.

⁹ См.: Постановление Пленума Верховного суда РФ «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания РФ проекта Федерального закона “О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс РФ и в часть вторую Налогового Кодекса РФ”». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ См.: Мировой судья в гражданском судопроизводстве / Е.А. Борисова, А.Ф. Ефимов, В.М. Жуйков и др. / под ред. А.Ф. Ефимова и И.К. Пискарева. М., 2004. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ См.: Кудрявцева В.П., Малюшин К.А. Унификация процессуального законодательства // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 1. С. 57-58.

Е.В. Крылова*

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «СРОК» В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Гражданским процессуальным сроком присуще конкретное выражение времени, которое обладает некоторыми свойствами, такими как продолжительность или длительность, последовательность сменяющих друг друга

* Крылова Екатерина Владимировна — аспирант кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

моментов. Гражданские процессуальные сроки закреплены в нормах права, что определяет их формализованный характер, поэтому некоторым срокам присущи такие черты как непрерывность, необратимость течения. Например, некоторые процессуальные сроки могут быть восстановлены в порядке статьи 112 Гражданского процессуального кодекса РФ, в соответствии с которым лицам, пропустившим срок по уважительным причинам, признанные таковыми судом, пропущенный срок может быть восстановлен¹.

Существуют такие гражданские процессуальные сроки, которые возможно приостанавливать, продлять, отложить и пр.

В процессе изучения сроков многие ученые обращали особое внимание как на этимологическую составляющую сроков, так и правовую природу сроков как правового явления.

По мнению Л.М. Васильева «задачей подлинного научного определения понятия процессуальных сроков заключается не в описании их отдельных свойств, а в том, чтобы вскрыть сущность их. Для определения сущности этих процессуальных сроков необходимо исследовать все свойства этого понятия, такие как свойства зависимости от времени и от процессуальных норм и правоотношений и свойство последовательного порядка совершения процессуальных действий»².

В основу правовой природы сроков закладывается понимание сроков через правовые гарантии, что дает возможность предположения правовой природы сроков как разновидности правовых средств, направленных на обеспечение правильного и своевременного рассмотрения и разрешения гражданского дела, что по своей сути представляет собой определенные гарантии, заключающиеся в ограничении времени для выполнения соответствующих процессуальных действий.

В юридической литературе под гарантиями понимают систему средств, способов и условий, закрепленных в нормах гражданского процессуального права, которые содействуют правильному и своевременному рассмотрению и разрешению гражданского дела, обеспечивая права и законные интересы субъектов гражданского процессуального права.

Системы процессуальных средств, представляющие понимание такого правового явления как «гарантия», выражаются через нормы гражданского процесса, принципы гражданского судопроизводства, гражданскую процессуальную форму, процессуальные институты, права и обязанности участников судопроизводства, а также гражданские процессуальные сроки.

Таким образом, отметим, что любая норма гражданского процессуального закона является определенной процессуальной гарантией. То же правило относится и к пониманию правовой природы «срока», являющейся составной частью системы процессуальных гарантий в гражданском процессуальном праве.

Являясь юридическим средством нормативного характера, гражданский процессуальный срок обладает всеми признаками, которые являются правовым регулятором общественных отношений, возникающих в ходе рассмотрения гражданского дела.

Анализ процессуальных сроков в гражданском судопроизводстве позволил выделить некоторые их свойства.

Первое свойство срока — это императивно-регулятивная правовая природа срока, которая обличена в правовую форму, определенную в нормах гражданского процессуального права. Именно наличие данного свойства срока дает возможность реального влияния на возникшее конкретное гражданское процессуальное правоотношение, влекущее для его участников обязательное исполнение указанных сроков, а в случае нарушения — наступление неблагоприятных юридических последствий.

Примером может выступать ч. 1 ст. 199 ГПК РФ, где сказано, что решение суда принимается немедленно после разбирательства дела³. Отметим, что резолютивная часть решения суда объявляется в том же судебном заседании, в котором закончилось разбирательство дела.

Диспозиция этой нормы представляет собой представительно — обязывающий характер права, позволяющей ей, при наличии условий, предусмотренных гипотезой, выступать государственным регулятором общественных отношений, которая будет выступать юридической предпосылкой правоотношения в сфере гражданского судопроизводства.

Вышеуказанная норма представляет собой образец правомерного поведения для суда, формируя тем самым правовую позицию по правильному соблюдению процессуальной формы. Данная норма по форме своего выражения является обязывающей, которая адресована суду как обязательному субъекту данного правоотношения. В этом примере срок определен моментом «немедленно», где выполняет регулятивную роль по отношению к участникам гражданского судопроизводства.

Второе свойство срока — направленность на достижение целей, определенных в ст. 2 ГПК РФ, то есть на правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданского дела. По своей сути процессуальные сроки направлены на регулирование общественных отношений, сориентированы на выполнение задач гражданского судопроизводства. Главной задачей гражданского судопроизводства является правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданского дела в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов субъектов гражданского процессуального права, а также к укреплению законности, правопорядку, предупреждению правонарушений и формированию уважительного отношения к закону и суду. Именно задача «своевременного» рассмотрения и разрешения гражданского дела обуславливает серьезное отношение к срокам гражданского судопроизводства. Дореволюционная гражданская процессуальная доктрина говорила о «скором» рассмотрении гражданского дела, однако, это могло отразиться на качестве вынесенного судом решения. Закрепление задачи «своевременности» действующим гражданским процессуальным законом определило правило рассмотрения дела с учетом строгого соблюдения определенных в законе сроков. По средством установления в законе правил о сроках рассмотрения и разре-

шения гражданских дел происходит влияние на поведение всех субъектов права. Таким образом, регулирование общественных отношений в сфере гражданского процессуального права достигается путем временных рамок, в течение которых возможно совершение процессуальных действий и возможность принятия решения.

Третье свойство срока — сроки выступают элементами механизма гражданского процессуального регулирования. Механизм гражданского процессуального регулирования состоит из внутренне согласованной системы процессуальных средств, которое существует благодаря упорядочению общественных отношений. Входящие в структуру механизма гражданско-процессуального регулирования сроки являются его элементами.

Четвертое свойство срока — гражданские процессуальные сроки как юридические средства обладают юридической силой и обеспечиваются государством, так как принудительная сила государства влияет на защиту сроков как средств правового регулирования от нарушений.

Пятое свойство срока — сроки как юридические средства нормативного характера в результате правового воздействия на общественные отношения в сфере гражданского судопроизводства приводят к юридически значимым правовым последствиям.

Таким образом, установленные взаимные права и обязанности, возникающие между судом и участниками гражданского процесса, в том числе с соблюдением сроков, где данным отношениям придается характер правоотношения.

Анализ правовой природы гражданско-процессуального срока показывает, что с истечением определенного отрезка времени норма гражданского процессуального закона связывает возможность возникновения, изменения и прекращения правоотношения. Речь в данном случае идет о промежутке времени, который является процессуальным сроком, истечение которого является юридическим фактом, которое имеет место быть в юридической науке.

Истечению гражданско-процессуального срока как юридическому факту присуща особая роль в механизме правового регулирования, поскольку именно юридический факт приводит в действие основные элементы механизма, такие как правоотношения и нормы гражданского процесса, так как с истечением срока норма права дает толчок к появлению правоотношения.

Таким образом, в ходе изучения сроков выявляется определенная система процессуальных сроков, состоящая из сроков, в которых наиболее ярко выделяются промежутки времени, содержащиеся в нормативно-правовых актах гражданского процесса (нормативные сроки), сроков, применяемых к конкретным случаям (ситуационные сроки), сроков, относящихся к юридическим фактам (фактические сроки).

Нормативные сроки — это сроки, установленные в нормах гражданского процессуального законодательства, выступающие как средства правового регулирования, обладающие свойством государственно-властного

ограничения во времени совершения действий и принятия решений по гражданским делам.

Признаки нормативных сроков проявляются через государственно-властную правовую природу, которая устанавливается государством в нормах гражданского процессуального закона с целью правового воздействия на правоотношения. Нормативные сроки рассчитаны на неоднократное применение, что обусловлено структурой нормы права и направлено на регулирование поведения субъектов путем ограничения времени совершения процессуальных действий и принятия решений.

Сроки, применяемые к конкретным случаям (ситуационные сроки) — это сроки, которые индивидуально определены по конкретному гражданскому делу, где временные промежутки реализации прав и обязанностей субъектов по конкретному гражданскому делу зафиксированы в актах суда.

Признаки ситуационных сроков определены волей суда в соответствующих судебных актах применения права, которые направлены на разрешение конкретной правовой ситуации, устанавливая определенные границы времени для реализации прав и обязанностей в данном правоотношении.

Сроки, относящиеся к юридическим фактам (фактические сроки) — сроки, определенные нормой права или актом применения права, принятым судом, фактические реальные временные промежутки, истечение которых влечет наступление юридических последствий.

Признаками фактических сроков является то, что они носят персонализированный характер, поскольку возникают в рамках определенных правоотношений, не могут существовать вне существующих правоотношений. Данные сроки являются следствием действия нормативных правовых актов, представляя собой фактические промежутки времени, а их истечение влечет наступление правовых последствий. Развитие данных сроков связывает возникновение, изменение и прекращение гражданских процессуальных правоотношений, а истечение фактического правового срока в системе механизма правового регулирования указывает на природу юридического факта.

Таким образом, гражданский процессуальный срок выступает элементом правового регулирования поведения участников гражданского процесса и суда с целью решения задач и достижение целей гражданского судопроизводства, представляющий собой закрепленный в нормах гражданского процессуального законодательства или установленный в актах суда промежуток времени, исчисляемый днями, месяцами, годами, или моментом во времени, определенные точной календарной датой или указанием на обязательное наступление события, в рамках которого возможно или обязательно принять процессуальное решение, совершить процессуальное действие или совокупность процессуальных действий либо воздержаться от их совершения, а их истечение приводит к возникновению, изменению и прекращению гражданских процессуальных правоотношений.

¹Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532.

²Васильев Л.М. Процессуальные сроки в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1971. С. 5.

³Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532.

О.Ю. Фомина*

О ПРЕОБРАЗОВАНИИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В ДЕЛЕ, ПОД ВЛИЯНИЕМ МАТЕРИАЛЬНЫХ НОРМ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Значительное число процессуальных элементов каким-либо образом связано с существующими материально-правовыми конструкциями. Некоторые из них основаны исключительно на материальных правоотношениях: например, процессуальное правопреемство и институт ненадлежащего ответчика. Судебное представительство, в части определения полномочий, оснований возникновения отношений судебного представительства, допустимости одновременного участия в судебном заседании представителя и его доверителя, во многом дублирует нормы, характеризующие общегражданское представительство.

Применительно к основаниям наделения определенных субъектов статусом лиц, участвующих в деле, мы наблюдаем непосредственное влияние материального права на цивилистический процесс, что является значимым моментом, так как законность и обоснованность принятого судом решения по делу зависит, в том числе, от правильности присвоения лицу, участвующему в деле, процессуального статуса.

Участники судебного разбирательства, в зависимости от занимаемого в нем положения, наделяются тем или иным объемом прав и обязанностей. Функцией определения процессуального положения субъектов гражданского процесса наделены судьи, которые решают данный вопрос на стадии подготовки дела к судебному разбирательству¹.

Гражданский процессуальный кодекс РФ (далее — ГПК РФ) регламентирует возникновение процессуального статуса лиц, участвующих в деле, как правило, с самого начала рассмотрения дела в суде. Ошибочное определение изначального процессуального положения того или иного субъекта зачастую может стать причиной нарушения его законных прав. Так, например, Верховный суд Чеченской республики своим апелляционным определением от 18 июля 2012 г. по делу № 11-377/12 указал, что определение судом процессуального положения Министерства имущественных и земельных отношений Чеченской Республики как третьего лица лишило

* Фомина Ольга Юрьевна — аспирант кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

его права на защиту своих интересов путем предъявления встречного иска, либо самостоятельного иска в качестве третьего лица с самостоятельными требованиями. Исходя из характера спорного правоотношения и наличия материально-правового интереса к исходу дела, министерство должно было быть привлечено в качестве соответчика².

На конструкции наделения определенных субъектов статусом лиц, участвующих в деле, оказывают влияние нормы материального права³. Лицо только лишь при наличии материально-правового притязания в отношении предмета спора может, например, приобрести статус третьего лица, заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора, а для третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, обязательной является его предполагаемая материально-правовая связь с одной из спорящих сторон. Исходя из этого, от материальных норм становятся зависимыми и цивилистические механизмы преобразования или приобретения процессуального статуса.

Влияние материальных норм на цивилистический процесс нередко становилось предметом исследований ученых-процессуалистов. К данному вопросу обращались М.А. Гурвич, Р.Е. Гукасян, Д.Б. Абушенко, А.В. Юдин и др. Так, Р.Е. Гукасян отмечал, что состав участвующих в деле лиц, имеющих материально-правовой интерес в деле, формируется по модели материальных правоотношений⁴. Д.Б. Абушенко, в свою очередь, отмечает, что не все лица, участвующие в деле, наделяются определенным процессуальным статусом, исходя из существующих материально-правовых связей⁵. А.В. Юдин рассматривал в одной из своих работ изменение статусов участников гражданского процесса в динамике судопроизводства, обусловленной материально-правовыми факторами⁶. М.А. Гурвич в одной из своих работ отмечал как неправильное заключение других авторов о том, что гражданское процессуальное право полностью определяется охраняемым им материальным правом⁷.

Отсутствие в ГПК РФ дефиниции «лиц, участвующих в деле», слияние данного термина с понятием «лиц, участвующих в гражданском процессе» в ст. 34 ГПК РФ⁸ порождает необходимость обратиться к материальному интересу как составной части юридического интереса, являющегося определяющим признаком лиц, участвующих в деле.

Только лица, участвующие в деле обладают, помимо процессуального интереса к исходу процесса (ожидание определенных процедурных действий — принятие судом решения определенного содержания) еще и материальным (ожидание фактического предоставления судебной защиты нарушенного или оспоренного права). Судье при подготовке дела к судебному разбирательству и определении процессуального статуса участвующих в деле лиц следует внимательно изучать материальную составляющую правоотношений (гражданско-правовых, трудовых, и др.), сложившихся между субъектами. Так, в качестве истца в гражданском процессе могут

выступать физические или юридические лица, имеющие материальный интерес к разрешению возникшего спора.

Гражданское судопроизводство характеризуется рассмотрением спора, возникшего между действительными или мнимыми участниками материальных отношений, с наделением их определенным объемом прав и обязанностей на основании норм материального права.

Лицо может инициировать возбуждение производства по делу, став при этом истцом, однако отстаивать мнимый интерес⁹. В процессе рассмотрения такого дела судом могут быть установлены обстоятельства, подтверждающие, что никакого спорного материального правоотношения нет. Так, например, Санкт-Петербургский городской суд в своем определении от 3 сентября 2012 г. № 33-10797/2012 указал, что требования истцов о признании наличия на земельном участке самостоятельного объекта недвижимого имущества, отвечающего признакам, указанным в п. 1 ст. 130 ГК РФ, и обязанности зарегистрировать права на неоконченный строительством объект правомерно оставлены судом первой инстанции без удовлетворения, т.к. в действительности объект не отвечает указанным в законе признакам. Таким образом, истец обратился в суд за защитой своих предполагаемых прав, которые на самом деле не нарушались в виду их отсутствия¹⁰.

Отсутствие материальных правоотношений, например, не препятствует присвоению субъекту статуса ответчика в процессе. Истец может указать в своем исковом заявлении любое лицо, которое, по его мнению, нарушает его права и законные интересы, и даже если он впоследствии откажется от иска к данному субъекту по причине отсутствия спорного материального правоотношения, на статусе данных лиц в процессе это не отразится.

В ходе судебного разбирательства, учитывая разнообразие и стремительное развитие материальных отношений, для правильного разрешения заявленного правового конфликта может возникнуть необходимость замены одного участника другим, в частности, посредством такого инструмента как процессуальное правопреемство. Как было указано выше, институт процессуального правопреемства основан на правопреемстве гражданско-правовом. Сторона (физическое лицо) выбывает из судебного разбирательства, например, по причине смерти, уступки права требования (ст. 388 ГК РФ), перевода долга (ст. 391 ГК РФ); сторона — юридическое лицо — вследствие реорганизации, ликвидации, по иным причинам.

Лицо может вступить в гражданское дело, а, в ряде случаев, и обязано это сделать в качестве процессуального правопреемника, если к нему в соответствии со сложившимися материальными правоотношениями перешли права и обязанности правопреемника. Правопреемство может быть универсальным (при наследовании, ликвидации юридического лица) или сингулярным (переход отдельного субъективного права или обязанности, в частности, права собственности на спорную вещь). Однако в отношении процессуального правопреемства речь идет только о его универсальной

форме. Сингулярное процессуальное правопреемство неприемлемо. Так, Московский областной суд указал в своем апелляционном определении от 18 июня 2014 г. по делу № 33-13096/14, что при переходе права собственности на земельный участок от одного лица к другому материальное правопреемство влечет и процессуальное. Кроме того, неправильное применение и толкование норм материального и процессуального права судом первой инстанции по данному делу в части необходимости замены стороны правопреемником повлекло отмену определения суда¹¹.

Важным фактом, характеризующим обусловленность процессуального правопреемства материальной составляющей, является запрет проведения правопреемства в возбужденном деле при невозможности его осуществления в материальном правоотношении. Процессуальное правопреемство исключено в случаях, когда предъявленное требование неразрывно связано с личностью правопреемника (по искам о восстановлении на работе, о взыскании алиментов и др.). Так, определением Санкт-Петербургского городского суда от 6 августа 2013 г. № 33-9695/13 было отменено решение суда первой инстанции, в том числе по причине того, что спорное правоотношение (признание ответчика утратившим право пользования жилым помещением в общежитии), не допускает правопреемства, поскольку неразрывно связано с личностью ответчика¹².

Правомерность произведенного судом процессуального правопреемства имеет существенное значение, так как в соответствии со ст. 44 ГПК РФ на правопреемника распространяются все действия, совершенные до вступления его в процесс в той мере, в какой они были бы обязательны для правопреемника. Кроме того, такая замена стороны может противоречить интересам одной из сторон или же правопреемника. В таком случае судом, на наш взгляд, должно учитываться мнение противоположной стороны и самого правопреемника о том, следует ли последнего вводить в существующее судебное разбирательство в качестве процессуального правопреемника. Однако учитывать волеизъявление участников спора будет неактуально при фактическом прекращении существования материального правопреемника.

Волеизъявление сторон имеет существенное значение при возникновении отношений, связанных с неисполнением судебного акта. Так, в постановлении Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 4 апреля 2014 г. № 22 сказано, что при любой форме правопреемства на стороне взыскателя право на взыскание и получение денежных средств за неисполнение судебного акта переходит к правопреемнику только при условии, что иное не установлено соглашением правопреемника и правопреемника¹³. Аналогичное правило закреплено для обязанности уплачивать взыскателю денежные средства за неисполнение судебного акта при сингулярном правопреемстве на стороне должника — у сторон есть возможность закрепить иной порядок своим соглашением. Таким образом, Пленум разъясняет, что только при универсальном правопреемстве на стороне должника

обязанность уплачивать взыскателю денежные средства за неисполнение судебного акта всегда переходит к правопреемнику должника как получателю не только гражданских прав и обязанностей правопреемника (ст. 58, 1112 ГК РФ), но и его процессуальных прав и обязанностей (ст. 48 Арбитражного процессуального кодекса, далее — АПК РФ).

В ГПК РФ волеизъявлению участников дела при процессуальном правопреемстве уделяется очень мало внимания. Существующая в кодексе императивная норма закрепляет обязательную процедуру допуска к участию в деле материального правопреемника вместо материального правопреемника. Аналогичная норма содержится и в ст. 48 АПК РФ. В данном случае законодатель игнорирует интерес вышедшей стороны к участию в уже возбужденном деле. Особенно ярко это прослеживается при замене истца его материальным правопреемником, тем самым исключая его из возбужденного им судебного разбирательства, что, на наш взгляд, противоречит самой сути судопроизводства. В связи с такими обстоятельствами некоторые авторы придерживаются точки зрения, согласно которой основывать процессуальное правопреемство исключительно на правопреемстве материальном, не учитывая волеизъявление лиц, участвующих в деле, неверно¹⁴.

Исходя из определенной материальными нормами структуры материальных отношений, формируется состав лиц, участвующих в деле. Так, собственник или законный владелец может быть истцом по виндикационному иску, ответчиком — лицо, у которого вещь находится. Иное определение состава лиц, участвующих в деле, повлечет необходимость использования института ненадлежащей стороны.

В соответствии с ГПК РФ при подготовке дела или во время его разбирательства в суде первой инстанции суд допускает по ходатайству или с согласия истца замену ненадлежащего ответчика надлежащим. Однако если истец не согласен на замену ненадлежащего ответчика другим лицом, суд рассматривает дело по предъявленному иску. По нашему мнению, такая норма может препятствовать оперативному и правильному разрешению возникшего спора. Более удобной является позиция, закрепленная в ст. 47 АПК РФ, разрешающая судье, в случае несогласия истца на замену ответчика другим лицом, привлечь его в качестве второго ответчика. Аналогичная норма содержится в Концепции единого Гражданского процессуального кодекса РФ, которая была одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 8 декабря 2014 г. № 124(1)¹⁵.

Институт ненадлежащего ответчика отличается от процессуального соучастия на стороне ответчика тем, что в отношении ненадлежащего ответчика исключается предположение о том, что он обладает спорными материальными обязанностями. В отношении процессуального соучастия на стороне ответчика каждый из соответчиков является носителем материальных обязанностей в спорном правоотношении.

В гражданско-процессуальном законодательстве в настоящее время отсутствует само понятие «ненадлежащая сторона», поэтому в теории мы встречаем различные определения. Так, М.А. Гурвич под ненадлежащим ответчиком понимал лицо, подлежащее, в случае согласия на то истца, замене другим лицом, в связи с обнаружившимися в процессе отсутствием материально-правовой пассивной легитимации его к делу¹⁶. В то же время автор подчеркивает, что сам процесс с участием ненадлежащей стороны является правомерно возникшим, не подлежащим прекращению.

М.С. Шакарян также выводила понятие ненадлежащей стороны, основываясь на материальных нормах: лица, в отношении которых по обстоятельствам рассматриваемого дела исключается предположение о том, то они являются субъектами спорного правоотношения¹⁷. Отсутствие в действующем гражданском процессуальном законодательстве определения ненадлежащей стороны может стать причиной судебных ошибок при определении процессуального положения лиц, участвующих в деле, в конкретных гражданских делах.

Разграничение институтов «процессуального правопреемства» и «ненадлежащего ответчика» проводится при помощи именно материальных норм.

В отличие от процессуального правопреемства, которое применяется только тогда, когда правопреемство материальное возникло после возбуждения гражданского дела, замена ненадлежащего ответчика допускается в случае, когда переход прав в материальном правоотношении произошел до возбуждения производства по делу.

При процессуальном правопреемстве происходят изменения в субъектном составе участников процесса, в то время как при замене ненадлежащего ответчика суд начинает исследовать иное, новое материальное правоотношение, порождающее новое процессуальное правоотношение, в связи с чем рассмотрение дела производится с самого начала, в отличие от процессуального правопреемства.

Кроме того, исходя их характера материальных правоотношений, процессуальное законодательство не запрещает участие в судебном разбирательстве одновременно надлежащей и ненадлежащей стороны, в то время как одновременное участие в процессе процессуального правопреемника и правопредшественника невозможно. Например, Сахалинский областной суд в своем кассационном определении от 17 января 2012 г. по делу № 33-3839 указал: при произведенной замене ненадлежащего ответчика на надлежащего, первый был привлечен к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора. На наш взгляд одновременное участие таких лиц в процессе может помочь суду всесторонне рассмотреть дело в более короткий срок¹⁸.

Нельзя игнорировать тот факт, что целый ряд основных процессуальных институтов неразрывно связан и, в некоторой степени, даже зависим от известных материально-правовых конструкций. Подводя итог вышесказанному, следует вывод о значительном влиянии материальных норм на

цивилистический процесс, в особенности на такие его институты, как процессуальное правопреемство и ненадлежащая сторона. Если не удалось правильно «распределить роли» в процессе на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, как того требует процессуальный закон, решать данную проблему необходимо в уже начатом судопроизводстве. При принятии решения о преобразовании процессуального положения лица, участвующего в деле, суду необходимо проанализировать существующие материальные правовые связи между участниками процесса, чтобы обеспечить, в конечном итоге, правильное и своевременное разрешение возникшего правового спора.

В последнее время в связи с усложнением и бурным развитием гражданского оборота на свет появляются новые материально-правовые нормы. Несмотря на это, чем бы ни были вызваны такие материально-правовые новации, цивилистический процесс всегда должен обладать необходимым набором инструментов, который бы обеспечивал эффективную защиту нарушенных или оспариваемых субъективных прав и охраняемых законом интересов. В связи с этим, основной задачей законодателя, на наш взгляд, является своевременное создание необходимых процессуальных инструментов, позволяющих без нарушения стабильности самого цивилистического процесса, учитывать особенность вновь появляющихся материально-правовых конструкций.

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 (в ред. от 9 февраля 2012 г.) «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Апелляционное определение Верховного суда Чеченской республики от 18 июля 2012 г. по делу № 11-377/12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Абушенко Д.Б. Об общих подходах к реформированию процессуального законодательства сквозь призму системного влияния материального права на цивилистический процесс и «частных вкраплений» материального права в процессуальную ткань // Вестник гражданского процесса. 2013. № 5. С. 21–33.

⁴ См.: Гукасян Р.Е. Соотношение материального и процессуального права — важнейшая проблема юридической науки на современном этапе // Избранные труды по гражданскому процессу. М., 2008. С. 8.

⁵ См.: Абушенко Д.Б. Об общих подходах к реформированию процессуального законодательства сквозь призму системного влияния материального права на цивилистический процесс и «частных вкраплений» материального права в процессуальную ткань // Вестник гражданского процесса. 2013. № 5. С. 21–34.

⁶ См.: Юдин А.В. Правовое положение участников гражданского и арбитражного процесса в динамике судопроизводства // Право. Законодательство. Личность. 2012. № 1. С. 133–142.

⁷ См.: Гурвич. М.А. О применении советским судом гражданских законов // Ученые записки ВЮЗИ. Вып. 16. М., 1969. С. 264–293.

⁸ См.: Викут М.А. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации. М., 2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ См.: Абушенко Д.Б. Об общих подходах к реформированию процессуального законодательства сквозь призму системного влияния материального права на цивилистический процесс и «частных вкраплений» материального права в процессуальную ткань // Вестник гражданского процесса. 2013. № 5. С. 23–25.

¹⁰ См.: Определение Санкт-Петербургского городского суда от 3 сентября 2012 г. № 33-10797/2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ См.: Апелляционное определение Московского областного суда от 18 июня 2014 г. по делу № 33-13096/14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² См.: Определение Санкт-Петербургского городского суда от 6 августа 2013 г. № 33-9695/13. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ См.: Постановления Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 4 апреля 2014 г. № 22. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ См.: Абушенко Д.Б. Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2014. С. 227–228.

¹⁵ См.: Концепция единого Гражданского процессуального кодекса РФ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁶ См.: Гурвич М.А. Право на иск. М.-Л., 1949. С. 198.

¹⁷ См.: Советское гражданское процессуальное право: учебник / под ред. М.А. Гурвича. М., 1964. С. 94.

¹⁸ См.: Кассационное определение Сахалинского областного суда от 17 января 2012 г. по делу № 33-3839. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Е.С. Курохтина*, Г.Б. Петрова**

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ, ОБВИНЯЕМЫХ***

Меры пресечения представляют собой процессуальные средства принудительного характера, применяемые в строго установленном законом порядке дознавателем, следователем, прокурором и судом в отношении обвиняемого, подозреваемого для устранения возможных препятствий, возникающих в процессе расследования уголовных дел, в целях непосредственного обеспечения достижения назначения уголовного судопроизводства¹. Применение мер пресечения связано с определенным ущемлением прав личности на свободу и неприкосновенность. Однако ограничения прав и свобод личности могут быть оправданы публичными интересами, если подобные ограничения отвечают требованиям справедливости, являются пропорциональными, соразмерными и необходимыми для целей защиты конституционно значимых ценностей². Они являются необходимыми и оправданными в случаях предупреждения, предотвращения совершения подозреваемым противоправных и тому подобных действий, указанных в ч. 1 ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее, если не оговорено иное — УПК РФ). Поэтому основное назначение мер пресечения — не допустить, чтобы подозреваемый скрылся от дознания, следствия или суда; продолжил заниматься преступной деятельностью; угрожал участникам процесса; уничтожил доказательства либо иным путем воспрепятствовал производству по делу; а также обеспечить исполнение приговора.

* Курохтина Елена Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

** Петрова Галина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

*** Работа выполнена в рамках Задания на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках государственного задания Минобрнауки России, проект № 3400 «Научно-методическое обеспечение деятельности комиссии по делам несовершеннолетних и защиты их прав».

При решении вопросов, связанных с применением мер пресечения, суду, следователю, дознавателю следует соблюдать баланс между публичными интересами, связанными с применением мер процессуального принуждения, и важностью права на свободу личности, особенно когда речь идет о применении мер пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых.

В целях решения задач уголовного судопроизводства и обеспечения надлежащего поведения несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых применение к ним мер уголовно-процессуального принуждения, как абсолютно справедливо подчеркивается в литературе, должно осуществляться, с одной стороны, достаточно взвешенно и осмотрительно, с другой — достаточно эффективно³.

В Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, сказано, что государство должно создавать гарантии, обеспечивающие необходимую защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, вовлеченных в уголовное судопроизводство⁴. Кроме того, в ст. 18 и 19 Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей содержатся положения, в которых указано на необходимость делать все возможное для предотвращения отделения детей от их семей, что может быть вызвано только чрезвычайными обстоятельствами или произведено в их собственных интересах. Эти международные стандарты реализуются и в российском уголовно-процессуальном законодательстве (ст. 423 УПК).

Заложная в уголовно-процессуальном законе система мер пресечения (ст. 98 УПК РФ), а также существующие в этих мерах ограничения и специфические методы воздействия на поведение подозреваемых, обвиняемых, слабо учитывают особенности личности несовершеннолетних лиц, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства. Для несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в УПК РФ предусмотрена всего лишь одна специфическая для этих субъектов мера пресечения — присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым (ст. 105 УПК РФ).

В рамках данной меры, по сути, предусмотрены две разновидности: 1) передача несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого под присмотр родителей, опекунов, попечителей или других заслуживающих доверия лиц; 2) передача несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого под присмотр должностным лицам специализированного детского учреждения⁵.

Каждая из этих разновидностей представляет собой возложение на родителей, опекунов, попечителей или должностных лиц специализированного детского учреждения обязанности обеспечивать явку и надлежащее поведение несовершеннолетнего обвиняемого или подозреваемого. Специальной целью данной меры пресечения является достижение правомерного поведения несовершеннолетнего, которое выражается в том, чтобы: 1) не покидать постоянное или временное место жительства без разреше-

ния органа, в производстве которого находится уголовное дело; 2) в назначенный срок являться по вызовам лица, ведущего производство по делу; 3) иным путем не препятствовать производству по делу (ст. 102 УПК РФ).

Многие авторы, анализирующие и обобщающие практику расследования уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних, абсолютно правильно отмечают, что данная специальная мера пресечения в ходе практической деятельности применяется не часто⁶. Так, по данным проведенного исследования, С.И. Глизнаца отмечает, что к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым обычно применяется лишь две меры пресечения: подписка о невыезде и надлежащем поведении и наиболее строгая — заключение под стражу⁷. Иные меры пресечения применяются к данной категории лиц довольно редко. Так, случаи применения личного поручительства, залога и присмотра за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым составляют 1%, а домашний арест практически не применяется⁸.

Таким образом, закрепленная в УПК РФ одна специальная мера пресечения в отношении несовершеннолетних в ходе уголовно-процессуальной деятельности практически не реализуется. Данное обстоятельство объясняется тем, что следователю, дознавателю проще избрать такую меру пресечения, как подписка о невыезде и надлежащем поведении, чем присмотр. Ведь для избрания последней следователь, дознаватель должен получить согласие от лиц, которым несовершеннолетний будет отдан под присмотр. Кроме того, необходимо придти к выводу, что данные лица заслуживают доверия у несовершеннолетнего, т.е. являются для него авторитетными лицами, благотворно влияющими на него и способными обеспечить его надлежащее поведение и осуществлять за ним постоянный контроль. При этом стоит согласиться с Е.В. Мищенко в том, что присмотр будет действенной мерой только при условии добровольного принятия на себя обязанностей со стороны взрослых⁹. В этой связи принуждения со стороны должностных лиц, ведущих уголовное судопроизводство, быть не должно.

Поэтому намного проще избрать подписку о невыезде и надлежащем поведении и не принимать во внимание тот факт, что несовершеннолетний, в силу возраста и нравственно-психологических особенностей, не сможет самостоятельно осознать суть тех ограничений, которые возлагает на него закон при избрании подписки о невыезде¹⁰.

В литературе в этой связи высказана точка зрения о том, что из-за неэффективности присмотра как меры пресечения ее следует упразднить применительно к законным представителям несовершеннолетнего, оставив для должностных лиц специализированных детских учреждений, обеспечивающих надлежащее поведение несовершеннолетнего¹¹. Вряд ли стоит согласиться с данным предложением, поскольку с точки зрения достижения воспитательного воздействия от применения меры пресечения у присмотра нет другой альтернативы перед другими мерами пресечения,

другое дело, что эффективность этой меры пресечения не достигается из-за определенных «трудностей», ее недооценки в процессе правоприменения.

Кроме того, предлагается в ст. 423 УПК РФ предусмотреть систему ограничений, которые могли бы назначаться несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому по решению суда дополнительно к избранной мере пресечения, что позволит более дифференцированно подойти к вопросу обеспечения надлежащего поведения несовершеннолетнего в ходе производства по делу и учесть специфические особенности данных субъектов¹². К подобным ограничениям С.И. Глизуца предлагает отнести следующие: 1) запрет посещения определенных мест; 2) запрет использования определенных форм досуга, в том числе связанных с управлением транспортным средством; 3) ограничения пребывания вне дома после определенного времени суток; 4) запрет выезда в другие местности без разрешения специализированного государственного органа; 5) ограничения на общение с другими лицами; 6) ограничения на получение и отправку корреспонденции¹³. Следует поддержать подобное предложение, добавив к данному перечню также ограничение на использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Самой строгой мерой пресечения, которая может применяться к несовершеннолетнему, является заключение под стражу (ч. 2 ст. 108, ст. 423 УПК РФ). Пленум Верховного Суда РФ неоднократно указывал на исключительность применения данной меры пресечения в отношении несовершеннолетних и обращал внимание судей на то, что в силу требований ст. 423 УПК РФ при рассмотрении ходатайства следователя или дознавателя о заключении под стражу несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого суду следует обсуждать возможность отдачи его под присмотр¹⁴. Исходя из конкретных обстоятельств дела, тяжести преступления и с учетом данных о личности несовершеннолетнего, условиях его жизни и воспитания, а также об отношениях с родителями, судья должен на основании ст. 105 УПК РФ обсуждать возможность применения такой меры пресечения как присмотр за несовершеннолетним родителей, опекунов, попечителей или других заслуживающих доверия лиц, а за несовершеннолетними, находящимися в специализированном детском учреждении — присмотр должностных лиц этого учреждения.

Несмотря на разъяснения Верховного Суда РФ, практика избрания и применения данной меры пресечения по делам несовершеннолетних свидетельствует о том, что суды достаточно часто избирают строгую меру. Так, в 2013 г. в отношении несовершеннолетних было рассмотрено 2,3 тыс. ходатайств (1,7% от всех рассмотренных) об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу; из них удовлетворено 1,8 тыс. ходатайств, что составляет 78% от всех рассмотренных. За 2014 год в отношении несовершеннолетних было рассмотрено 2135 ходатайств (0,7% от всех рассмотренных) об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу; из них удовлетворено 1712 ходатайств (80% от рассмотренных)¹⁵.

С точки зрения общепризнанных принципов и норм международного права, которые являются составной частью уголовно-процессуального законодательства РФ, применение ареста, задержания должно быть только в крайних ситуациях, в случаях совершения несовершеннолетними серьезного преступного деяния с применением насилия против других лиц или неоднократного совершения других серьезных правонарушений, при невозможности применения альтернативных лишению свободы мер пресечения и в максимально короткий период времени. Подобные правила содержатся в ст. 5 и 6 Минимальных стандартных правил ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением 1990 г. (Токийские правила); ст. 13 Пекинских правил¹⁶; Правил ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы 1990 г.¹⁷.

В целом, данные международные стандарты находят свое воплощение в ч. 2 ст. 108 УПК РФ, согласно которой заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть избрано в отношении несовершеннолетнего, если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. В исключительных случаях, как единственно возможное в конкретных условиях, с учетом обстоятельств совершенного преступления и данных о личности, данная мера пресечения может быть избрана в отношении подозреваемого либо обвиняемого в совершении преступления средней тяжести. При этом Верховный Суд РФ подчеркивает, что необходимо учитывать положения ч. 6 ст. 88 УК РФ, по смыслу которой заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести впервые¹⁸. Однако в рассматриваемом разъяснении положений ч. 2 ст. 108 УПК РФ Верховный Суд РФ не указал, что именно следует относить к исключительным случаям¹⁹.

В этой связи стоит поддержать высказанное в литературе предложение о необходимости закрепления на уровне закона перечня таких исключений, поскольку неоправданное их расширение не отвечает интересам охраны прав и свобод несовершеннолетних, а значит, противоречит международным стандартам уголовного судопроизводства с их участием²⁰. Н.В. Спесивов абсолютно правильно предлагает в ч. 2 ст. 108 УПК РФ закрепить следующий перечень исключительных случаев применения к несовершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому в совершении преступления средней тяжести меры пресечения в виде заключения под стражу: в случае, если несовершеннолетний не имеет постоянного места жительства; если им нарушена ранее избранная мера пресечения и применение другой, более мягкой, не сможет обеспечить его надлежащего поведения и не окажет необходимого воспитательного воздействия; в случае, если он скрывался от органов расследования и суда; повторно совершил преступление; в случае невозможности контроля со стороны родителей и законных представителей за поведением несовершеннолетнего обвиняемого (подозре-

ваемого)²¹. Этот перечень можно дополнить также ситуацией, когда несовершеннолетний активно препятствует производству по делу.

Хорошей альтернативой заключению под стражу для несовершеннолетнего будет избрание такой меры пресечения как домашний арест (ст. 107 УПК РФ). Для несовершеннолетнего в тех случаях, когда пристав оказывается недостаточной мерой, домашний арест будет являться той мерой, которая способна обеспечить нахождение несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого в полной либо частичной изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает, с возложением ограничений и запретов и осуществлением за ним контроля. При этом, как подчеркивает Верховный Суд РФ, условия, связанные с видом и размером наказания, которые установлены ч. 1 ст. 108 УПК РФ для применения заключения под стражу, на домашний арест не распространяются, поскольку они не предусмотрены ст. 107 УПК РФ.

Избрание домашнего ареста полностью отвечает международно-правовому требованию, содержащемуся в ст. 18, 19 Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей о необходимости делать все возможное для предотвращения отделения детей от их семей.

Учитывая достаточную правовую регламентацию в УПК РФ домашнего ареста как меры пресечения, считаем, что назрела необходимость в ее более активном использовании применительно к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым в ходе правоприменительной деятельности органами уголовного преследования и суда.

¹ Ср.: Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 20; Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М., 1996. С. 19.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.

³ См.: Глизнуца С.И. Применение мер пресечения в отношении несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011. С. 2.

⁴ См.: Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила»). Приняты 29 ноября 1985 г. Резолюцией 40/33 на 96 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Сборник международных стандартов и норм об отправлении правосудия в отношении несовершеннолетних. М., 1998. С. 51-85.

⁵ См.: Александров А.С. Понятие и виды мер уголовно-процессуального принуждения // Уголовный процесс: учебник для бакалавров / отв. ред. А.П. Кругликов. М., 2015. С. 253; Васильева Е.Г. Проблемы ограничения неприкосновенности личности в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2002. С. 129; Коломец В.К. Основные положения УПК РФ: новации и традиции: научно-практическое пособие. Екатеринбург, 2007. С. 76; Маслова З.Г. Присмотр за несовершеннолетним обвиняемым (подозреваемым) как мера пресечения по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 3. С. 132.

⁶ См.: Глизнуца С.И. Применение мер пресечения в отношении несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011. С. 4; Слесивов Н.В. Международные стандарты осуществления уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних и их реализация в современном российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. С. 146.

⁷ Там же. С. 4.

⁸ Там же. С. 4.

⁹ См.: Мищенко Е.В. Права человека и гражданина в производстве по отдельным категориям уголовных дел. Оренбургский гос. ун-т., 2010. С. 68-69.

¹⁰ См.: Левченко О.В., Мищенко Е.В. Правовые основы производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. М., 2013. С. 98.

¹¹ См.: *Вергунова С.Н.* Уголовно-процессуальное положение несовершеннолетних при расследовании преступлений органами внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 16.

¹² См.: *Глизнуца С.И.* Указ. соч. С. 8.

¹³ Там же. С. 8.

¹⁴ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 (в ред. от 2 апреля 2013 г.) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.

¹⁵ Данные статистики Судебного Департамента РФ. URL: // www.cdep.ru.

¹⁶ См.: Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила») // Сборник международных стандартов и норм об отправлении правосудия в отношении несовершеннолетних. М., 1998. С. 51-85.

¹⁷ См.: Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью-Йорк, 2007. С. 87-100.

¹⁸ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: *Спесивов Н.В.* Указ. соч. С. 149.

²¹ Там же. С. 149.

К.А. Рыгалова*

О СУЩНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДА В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ ПРОЦЕССА

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее — УПК РФ) суд осуществляет функцию разрешения уголовного дела, т.е. принимает решение о признании лица виновным или невиновным в совершении преступления и назначает ему наказание (освобождает от наказания). Кроме того, в ходе досудебного производства суд по ходатайству органов предварительного расследования принимает решения о проведении ряда процессуальных действий, наиболее жестко ограничивающих конституционные права и свободы личности (об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или залога, о помещении подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы, о производстве следственных действий правоограничительного характера, о наложении ареста на имущество, временном отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности (ч. 2 ст. 29 УПК РФ). Также в ходе досудебного производства суд правомочен рассматривать и разрешать жалобы на решения и действия (бездействия) следователя, дознавателя и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам

* *Рыгалова Кристина Андреевна* — сонскатель кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

участников уголовного судопроизводства, либо затруднить доступ граждан к правосудию (ст. 125 УПК РФ).

Общепризнанным в доктрине уголовного процесса является отнесение деятельности суда по разрешению уголовных дел к правосудию. Что же касается вопросов о сущности деятельности суда на досудебных стадиях уголовного процесса, то до настоящего времени учеными не выработано единого мнения о том, какова природа контрольно-разрешительной деятельности суда, является ли судебный контроль самостоятельной функцией суда или это особая форма осуществления правосудия.

Термин «судебный контроль» в юридическом обороте появился в начале последней судебной реформы, в концепции которой была поставлена задача перераспределения надзорных полномочий прокурора в пользу судебного контроля¹. Данное положение было реализовано с введением в УПК РСФСР положений о возможности обжалования в суд законности и обоснованности ареста и сроков содержания под стражей.

Что касается понятия «правосудие», то оно давно известно праву и юридической науке, а обозначаемая им деятельность всегда была предметом пристального внимания ученых. Однако и данное понятие не имеет однозначного определения². По нашему мнению, наиболее точное определение правосудия было сформулировано В.А. Ржевским и Н.М. Чепурновой, которые характеризуют его как «конституционно закрепленную особую форму деятельности государства в сфере осуществления судебной власти, выражающуюся в защите и охране судами нормального функционирования общественных отношений, складывающихся с участием граждан, предприятий и организаций, и включающую механизм судебного разрешения споров о праве и иных конфликтов путем отправления гражданского, арбитражного, уголовного и административного судопроизводства в особом процессуальном порядке с применением на основе закона государственного принуждения в целях восстановления и охраны законных прав и интересов человека и всего гражданского общества»³. Конституция РФ закрепляет, что суд обеспечивает права и свободы человека и гражданина посредством осуществления правосудия. Понятие же судебного контроля не закреплено на конституционном уровне.

Точки зрения ученых относительно соотношения понятий «правосудие» и «судебный контроль в досудебном производстве» существенно разнятся. Одни авторы полагают, что судебный контроль представляет собой способ осуществления судебной власти наравне с правосудием, но собственно правосудием не является, так как при осуществлении судебного контроля в досудебном производстве отсутствует материально-правовой спор и судом реализуются совершенно иные цели⁴. При осуществлении судом такой деятельности дело не разрешается по существу, не решается вопрос о виновности или невиновности обвиняемого лица, суд лишь выдает санкции на проведение отдельных процессуальных действий⁵. И, несмотря на то,

что данная деятельность осуществляется в определенной процессуальной форме, в полном объеме она правосудием не является⁶.

Другая группа авторов полагает, что деятельность суда, именуемая судебным контролем, с учетом особой процедуры рассмотрения дела и принятия процессуальных решений, охватывается понятием правосудия⁷, является формой осуществления правосудия⁸. Так, В.М. Бозров отмечает, что процессуальная деятельность суда, которая связана с осуществлением производства по уголовным делам на любой стадии — это правосудие, так как при разрешении конфликта суд исследует обстоятельства в форме правосудия, вынося решение по существу, и выступает в качестве специального субъекта контроля. Тем самым в содержание правосудия входит контрольная деятельность суда в досудебном производстве как по разрешению жалоб, так и по разрешению вопросов о допустимости применения мер процессуального принуждения⁹.

Сторонники данной точки зрения отмечают, что любая деятельность суда имеет одно и то же назначение — защиту конституционных прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве, а предусмотренные законом полномочия суда (ч. 2, 3 ст. 29 УПК РФ) реализуются в рамках правосудия¹⁰, что в досудебном производстве судебное заседание включает основные признаки, присущие правосудию и, представляя собой форму реализации судебного контроля в досудебном производстве, одновременно является формой осуществления правосудия судом¹¹.

Третья группа ученых настаивает на том, что на досудебных стадиях процесса судом осуществляется ни судебный контроль, ни правосудие, а некая иная функция. Решения, которые принимаются судом в ходе досудебного производства, несут вспомогательную нагрузку, обеспечивая в последующем возможность вынесения правосудного приговора¹². Деятельность суда на досудебных стадиях уголовного процесса носит обеспечительный характер¹³. По мнению С.В. Дадонова, функцию суда в условиях расширения судебно-контрольных полномочий необходимо именовать функцией юстиции, которая охватывает и судебно-контрольную деятельность, и правосудие¹⁴.

Как представляется, судебный контроль на досудебных стадиях уголовного процесса следует рассматривать как самостоятельную функцию суда. Правосудие в его классическом понимании — это рассмотрение и разрешение дела по существу; контрольная же деятельность суда в досудебном производстве выходит за рамки такой деятельности¹⁵. Судья, не разрешая дело по существу, только выдает санкции на осуществление различных процессуальных действий. Тем самым, такая деятельность суда имеет некий гарантийный правоохранительный характер, как в отношении прав личности, так и в отношении последующего правосудия по уголовным делам, так как должен устранять нарушения законности и создавать условия для нормального движения дела на последующих этапах судопроизводства¹⁶. Как отмечает С.М. Даровских, судья при рассмотрении ходатайств

должностных лиц на проведение процессуальных действий выступает не как орган, рассматривающий споры, а как административное лицо, выполняющее контрольные функции.

Таким образом, отграничить понятия «судебный контроль» и «правосудие» можно по следующим признакам:

1. Характер решаемых вопросов. Основной вопрос правосудия — о виновности или невиновности подсудимого, применении или неприменении наказания. На стадии предварительного расследования судья контролирует законность и обоснованность решений следователя (дознавателя). В ходе такой деятельности не выясняется большинство обстоятельств, решаются лишь промежуточные вопросы, а полученные результаты создают необходимые предпосылки для осуществления правосудия. Как отмечает И.С. Дикарев, возникновение в юридической практике правовых споров обуславливает потребность в правосудии — деятельности направленной на их разрешение¹⁷.

2. Ограниченное количество участников судебно-контрольной деятельности. При ее осуществлении присутствуют только те лица, чьи интересы нарушены и представители противоположной стороны, а также прокурор, которые высказывают свое мнение только в пределах жалоб; иные же вопросы судья не рассматривает. В силу этого принцип состязательности на досудебных стадиях носит ограничительный характер.

3. Пределы оценки доказательств. Суд, разрешая соответствующие вопросы на досудебных стадиях процесса, оценивает доказательства на предмет относимости, допустимости и достаточности, но не достоверности содержащихся в них сведений. Кроме того, в отличие от судебного производства, суд должен оценить не достаточные основания, а достаточность доказательств для принятия решения, ограничивающего конституционные права личности.

Под судебным контролем, по нашему мнению, следует понимать форму реализации судебной власти, систему предусмотренных процессуальным законом средств, направленную на недопущение незаконного ограничения конституционных прав человека и гражданина в уголовном процессе, а также восстановление ее в этих правах¹⁸. Сущность контроля заключается в «проверке соответствия результатов заданным параметрам, его целям, ибо уполномоченные на то органы и их должностные лица, используя организационно-правовые способы и средства, выясняют, соответствует ли деятельность органов и лиц законам и поставленным пред ними задачам; анализируют результаты воздействия субъектов управления на управляемые объекты, отклонения от поставленных целей и способов их достижения; принимают меры по их предотвращению и привлечению к ответственности виновных»¹⁹. Подобная контрольная деятельность суда имеет другую сущность, нежели осуществление правосудия; она направлена не на разрешение дела по существу, а на осуществление контроля и

сдерживание участников уголовного судопроизводства для защиты конституционных прав, свобод личности и обеспечения верховенства права²⁰.

Как правило, судебный контроль делят на предварительный, осуществляемый при рассмотрении ходатайств органов расследования о проведении процессуальных действий и направленный на предотвращение незаконных и необоснованных ограничений прав и свобод граждан в досудебных стадиях процесса (ч. 2 ст. 29 УПК РФ), и последующий, который осуществляется судом при рассмотрении жалоб граждан (ч. 3 ст. 29 УПК РФ).

Характеризуя деятельность суда, некоторые авторы смешивают такие понятия как «функция» и «форма» судебной власти. Так, В.А. Ржевский и Н.М. Чепурнова относят «правосудие, надзор за судебной деятельностью нижестоящих судов со стороны вышестоящих, судебное управление, судебный контроль в области исполнительной власти, судебный конституционный контроль к формам осуществления судебной власти»²¹. По мнению В.П. Божьева, функцией судебной власти является правосудие, а судебный контроль является полномочием судебной власти, видами её реализации²².

Как представляется, функции и формы осуществления судебной власти — это разные понятия, имеющие многоаспектное содержание. Поэтому вряд ли можно согласиться с утверждением, что единственной функцией судебной власти является защита прав и свобод человека и гражданина, а формой реализации судебной власти — правосудие²³.

В Законе «О судостроительстве РСФСР» правосудие трактовалось как основная функция судебной власти, которая осуществляется путем «рассмотрения в судебных заседаниях уголовных дел и применения установленных законом мер наказания к лицам, виновным в совершении преступления, либо оправдания невиновных»²⁴. Несмотря на то, что данный закон утратил свою силу в 2011 году, это определение, по нашему мнению, является вполне актуальным и на сегодняшний день.

Судебный контроль на стадии предварительного расследования, по нашему мнению, представляет собой самостоятельную функцию суда, самостоятельное направление уголовно-процессуальной деятельности, назначение которой заключается в обеспечении законности, защите прав и свобод участников уголовного судопроизводства, способствовании осуществлению и предварительного расследования и правосудия в целом.

¹ См.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992. С. 91.

² См.: Корнукова Е.В. Конституционные основы правосудия по уголовным делам в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 14.

³ Ржевский В.А., Чепурнова Н.М. Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности. М., 1998. С. 124.

⁴ См.: Володина Л.М., Матейкович М.С., Пономаренко Е.В., Сухова Н.В. Права человека. Тюмень, 2002. С. 98; Володина Л.М. Разделение властей: обеспечение прав человека // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 3. С. 16.

⁵ См.: Абашеева Ф.А. Осуществление правосудия в системе уголовно-процессуальных функций. Ижевск, 2007. С. 61, 79.

⁶ См.: Петрухин И.Л. Судебная власть: контроль за расследованием преступлений. М., 2008. С. 32.

⁷ См.: Лазарева В.В. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. Самара, 1999.

⁸ См.: Бойков А.Д. Третья власть в России. Кн. 2. М., 2002. С. 31-32.; Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. Н. Новгород, 2002. С. 30-32; Солодилов А.В. Судебный контроль в системе уголовного процесса России. Томск, 2000. С. 46-47; Мяззель О.А. Судебный контроль за досудебным производством как форма (способ) осуществления правосудия в сфере уголовного судопроизводства // Российский судья. 2008. № 11. С. 8; Нажимов В.П. Актуальные вопросы развития законодательства о судоустройстве и прокурорском надзоре. М., 1981. С. 10.; Лалиев А.И. Судебный контроль и правосудие: понятия, признаки, проблемы соотношения // Общество и право. 2010. № 3. С. 224-227; Надеяева Т.В. Современное понятие и сущность правосудия в Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2011. № 6; Дикарев И.С. Правосудие и судебный контроль в уголовном процессе: соотношение понятий // Государство и право. 2008. № 2. С. 41-45.

⁹ См.: Бозров В.М. Современные проблемы российского правосудия по уголовным делам в деятельности военных судов (вопросы теории и практики). Екатеринбург, 1999. С. 18, 32.

¹⁰ См.: Ерохина О.С. Сущность участия следователя в судебном заседании в ходе досудебного производства по уголовному делу // Евразийский юридический журнал. 2011. № 11. С. 123-127.

¹¹ См.: Лазарева В.А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. Самара, 1999. С. 56-57.

¹² См.: Азаров В.А., Таричко И.Ю. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России. Омск, 2004. С. 136.

¹³ См.: Рыжих А.Н. Полномочия суда на досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 6.

¹⁴ См.: Дадонов С.В. Реализация принципа состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

¹⁵ См.: Азаров В.А., Таричко И.Ю. Указ соч. С. 9; Петрухин И.Л. Судебная власть: контроль за расследованием преступлением. М., 2008. С. 32.; Яблоков В.А. Реализация судебной власти на досудебных стадиях уголовного процесса России: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2001. С. 13; Колоколов Н.А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования преступлений: важная функция судебной власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998; Костерина Н.В. Судебный контроль на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 5; Луценко П.А. Судебный контроль в досудебных стадиях уголовного процесса Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 11.

¹⁶ См.: Колоколов Н.А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования преступлений: важная функция судебной власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 3.

¹⁷ Дикарев И.С. Принцип осуществления правосудия только судом // Российская юстиция. 2008. № 5. С. 2.

¹⁸ См.: Чепурная И.В. Судебный контроль в досудебном уголовном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 12.

¹⁹ Вороненков Д.Н. Теоретические и нормативные основы судебного контроля в механизме разделения властей: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 32.

²⁰ См.: Воскобитова Л.А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 175.

²¹ Ржевский В.А., Чепурнова Н.М. Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности. М., 1998. С. 96.

²² См.: Правоохранительные органы РФ / Под ред. В.П. Божьева. М., 1996. С. 42.

²³ См.: Лазарева В.А. Судебная власть и её реализация в уголовном процессе. Самара, 1999. С. 12, 32, 45.

²⁴ Ведомости ВС РСФСР. 1981. № 28. Ст. 976.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Н.В. Дородонова*

СОГЛАСИЕ НА ВСТУПЛЕНИЕ В БРАК ПО ЗАРУБЕЖНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА

На формирование семейного и брачного права в европейских странах значительное влияние оказал Французский Гражданский кодекс, что привело к разделению между религией и государством. Действительными стали признаваться только те браки, которые заключаются согласно нормам гражданского права.

Практически во всех зарубежных законодательствах добровольность при заключении брака названа одним из обязательных условий. По мнению Ф. Свеннена, под согласием понимается «сообщество в интеллектуальной, душевной и физической сферах, образуемое одним лицом с другим определенным лицом, и регулируемое законодателем принудительным образом»¹.

В современном европейском брачном праве, в частности в бельгийском, существует положение, что брак заключается не только вследствие факта совместного проживания или сожительства, но также и вследствие выражения свободного и сознательного согласия или желания. Выражение осознанного согласие относится к характеру брака и его дальнейшим основным целям и последствиям, так как брак может заключаться только на договорной основе. Так, например, в Гражданском кодексе Бельгии прописано, что брак не может быть заключен без согласия².

Для вступления в законный брак законодатель устанавливает два вида необходимого согласия: согласие родителей или опекуна, в случае если в брак вступает несовершеннолетнее лицо и согласие самих брачующихся.

Первый вид согласия включал согласие семьи на заключение законного брака. Так, по мнению Ш.Л. Монтескье: «Требование получения согласия родителей на брак основывается на неразумии детей, невежественных по причине их молодости и легко поддающихся опьянению страстей»³.

* Дородонова Наталья Васильевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

Г.Ф. Шершеневич считал, что «в основании брака лежит соглашение между сочетающимися — брак не может быть законно совершен без взаимного и непринужденного согласия сочетающихся лиц»⁴.

Институт согласия третьих лиц на вступление в брак несовершеннолетних, то есть родительское благословение, существовал на протяжении долгого времени. В некоторые исторические периоды согласие родителей считалось настолько важным условием действительности брака, что государство могло отказать в его признании, если он был совершен без согласия родителей. Однако, начиная с XII в., благодаря покровительству церкви института брака и, вследствие этого, воздержанию от внебрачных связей, согласие семьи на брак перестало требоваться, даже в случае несовершеннолетия брачующихся (минимум 25 лет). Положения канонического права, закрепленные на Тридентском соборе в 1563 г., признавали, что согласие семьи на вступление в брак несовершеннолетнего было желательным, но это не являлось одним из необходимых условий для его заключения. Позднее под влиянием аристократии светские власти убедились, что брак все же является своего рода договором или сделкой, в которой семейное состояние и власть играют достаточно важную роль, поэтому в брачное законодательство были внесены изменения, которые запрещали вступление в брак несовершеннолетних без предварительно полученного согласия родителей (семьи).

Например, анализируя исторические источники, можно увидеть, что во Фландрии и в Брабанте лицо, вступившее в брак с несовершеннолетним без согласия его семьи, признавалось виновным в похищении с целью соращения и приговаривалось к штрафу или ссылке или конфискации всего имущества⁵. В некоторых случаях, если женщина в возрасте до 20 лет и мужчина до 25 лет вступали в брак без родительского согласия, то родители имели право лишить их наследства. Позднее, обобщив подобные прецеденты, король Карл V принял ордонанс 1540 г., который устанавливал, что женщина в возрасте до 20 лет и мужчина в возрасте до 25 лет, вступившие в брак без родительского согласия, теряли предназначенную им долю имущества, а свидетели или соучастники приговаривались к денежному штрафу. Данный ордонанс имел незначительное влияние, позднее король Филипп IV своим указом 1623 г. постановил, что женщина и мужчина, не достигшие 25-летнего возраста, должны заручиться родительским благословением при вступлении в брак, а в случае неповиновения родителям, они лишались своего наследства⁶.

В эдикте 1692 г. король Карл II постановил, что лица, не достигшие 25-летнего возраста, и заключившие брак без согласия семьи, не только лишались наследства на основании закона, но и не могли получать от родителей никакого имущества путем дарения или по завещанию. Мужчина, вступивший в брак с женщиной в возрасте до 25 лет без согласия ее родителей, приговаривался к изгнанию из страны сроком на 10 лет, и лишался

всех занимаемых должностей. Однако, данный эдикт был признан аристократией слишком суровым, и через год после протестов был отменен.

Во время правления Марии Терезии также было предпринято несколько попыток усовершенствовать законодательство в данной сфере. Согласно большинству королевских ордонансов, принятых в 1556, 1579, 1639, 1679 гг., брак, заключенный без согласия родителей или других членов семьи, признавался недействительным. Недействительными также стали считаться фактические браки, заключенные путем обмана или принуждения священника, или без присутствия четырех свидетелей. Совершеннолетние лица, совратившие несовершеннолетних, могли приговариваться к смертной казне.

Наряду с этим были введены акты, защищающие совершеннолетних, желающих вступить в брак. Под угрозой денежного штрафа, совершеннолетние лица определенного возраста (для женщины — 25 лет, мужчин — 30 лет) должны были сообщать родителям или другим членам семьи о желании вступить в брак, в этом случае им предоставлялся определенный срок, если же суд отменял отсрочку, то совершеннолетние брачующиеся заключали брак. Для исключения возможных злоупотреблений со стороны родителей или других членов семьи, судам давалась возможность контроля родительского согласия. Например, эдиктом 1540 г. для городов Гент и Кортрейк было определено, что светскому судье даны полномочия для необходимого вмешательства в процесс заключения брака, в случае если опекуны возражали против предстоящего брака приютской девочки до 18 лет⁷. Ордонанс 1739 г. устанавливал, что судья мог дать свое согласие на вступление в брак несовершеннолетних лиц, лишь только после того, как родители или опекуны детей отказали им в заключение брака⁸.

Позднее после секуляризации католическая церковь лишилась своего господствующего положения, соответственно ограничивалось влияние канонического права на брачно-семейные отношения. Брак теперь стал признаваться договором, то есть зарегистрированным актом гражданского состояния, произведенным муниципалитетом. Тем не менее, согласие родителей на вступление в брак продолжало оставаться одним из условий, которое было закреплено и в законодательстве короля Йозефа II 1784 г., и в законодательстве времен французской революции 1792 г., и во Французском Гражданском кодексе 1804 г.⁹ Другие значительные изменения, касающиеся согласия родителей на вступление в брак, произошли уже в XX в., а именно введение нормы о согласии не только отца, но и матери на заключение брака, расширение прав судей на вмешательство в конфликты между родителями и детьми¹⁰.

Второй вид согласия подразумевал, что вступление в брак должно быть добровольным, и исходить от лиц, способных вступить в брак. Принуждение к заключению брака не допускалось. К.П. Победоносцев определял, что свободное согласие обеих сторон — «условие, само по себе простое, но, глядя по состоянию общественного и семейного быта, оно усложняет-

ся... Теперь, когда почти повсюду гражданская личность признается свободною, сознание наше не допускает между двумя правоспособными лицами такого отношения, в коем одно могло бы положительно определять волю другого в столь важном акте, каков выбор жениха и невесты»¹¹.

Взаимное согласие самих брачующихся стало необходимым условием, начиная уже с XII века. Каноническое право уделяло большое внимание проявлению добровольного волеизъявления женихом и невестой. Воздействие на волеизъявление посредством физического насилия, введения в состояние опьянения, являлось основанием для признания брака недействительным. В 1784 г. Йозеф II перенял принципы канонического права в свое законодательство. Французские юристы, например, Р.Ж. Потье, также строго следовали принципам канонического права в данном вопросе, что было закреплено во Французском Гражданском кодексе 1804 г.¹²

В XIX-XX вв. европейский, а также и бельгийский законодатель поддерживали данное условие. Добровольное заключение брака является принципом, установленным международными и национальными законодательствами. К международным правовым актам, содержащим нормы о свободном и полном согласии вступающих в брак, входят Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и др.

В настоящее время в соответствии с бельгийским брачным правом если будущие супруги дают свое согласие на вступление в брак, то составляется акт о согласии заключения брака. Недееспособное лицо не может заключить брак. Существуют определенные препятствия для вступления в брак, связанные с согласием. Во-первых, это полное отсутствие согласия. В случае если один из вступающих в брак не может выразить сознательного желания, то в данном случае бельгийское брачное право отрицает действительность согласия.

Например, если будущий супруг находился под влиянием наркотиков, алкогольного опьянения или каких-либо медицинских препаратов, или является душевнобольным. В таком состоянии человек, естественно, не может выразить определенного желания и, соответственно, не осознает всех последствий заключения брака, что приводит к недействительности брака. Согласно судебной практике кассационного суда речь идет в данном случае о полном признании недействительности брака¹³.

В случае заключения фиктивного брака, выделяется две основные формы фиктивного брака: относительная, то есть когда согласие на брак действительно при условии, что целью является построение «продолжительного сообщества супругов» (что, например, невозможно при смертельной болезни) и абсолютная, то есть когда один из брачующихся выражает лишь формальное согласие, но не на то, что собственно понимается под браком (например, с целью получения гражданства, разрешения на работу, получения социальных привилегий и т.д.)¹⁴. В противоположность

относительной формы недействительности брака, абсолютная форма фиктивного брака обеспечивает абсолютную его недействительность¹⁵.

Во-вторых, это отсутствие согласия, что может выражаться в обмане (заблуждении) брачующегося или в его принуждении. При заключении брака применяются общеправовые нормы о волеизъявлении. Если один из супругов заблуждается в личности другого, что подразумевает ошибку в отношении физической или гражданской тождественности другого супруга, например, если мужчина вступает в брак с близнецом невесты (физическая тождественность) или с осужденным преступником, который скрывает свое прошлое (гражданская тождественность). В таком случае, обман заключается в том, что человек представляет себя лучше, чем он есть в действительности. В европейской правовой теории и судебной практике различают добровольный и злонамеренный обман, например, в случае бесплодности или психического расстройства. В целом же, в правовом аспекте достаточно сложно найти различие между обычным (добровольным) обманом и злонамеренным обманом.

Принуждение к вступлению в брак или насилие всегда признаются нарушением воли, так как брак нельзя заключить без свободного согласия (волеизъявления), иначе это приведет к недействительности брака¹⁶. Кроме того, законом 2007 г. в Гражданский кодекс Бельгии были введены поправки, изменившие положения и расширившие законные средства наказания за принудительный (насильственный) брак¹⁷.

Таким образом, благодаря мировому сообществу, признается, что воля вступающих в брак, должна выражаться независимо, без физического или психологического насилия, или ограничения волеизъявления.

¹ См.: Swennen F.C. Het personen- en familierecht. P. Antwerpen, Intersentia, 2012. P. 192.

² Bradley D. A Family law for Europe: Sovereignty, Political Economy and Legitimation // Boele-Woelki K. Perspectives for the Unification or Harmonization of Family Law in Europe. Antwerpen, Intersentia, 2003. P. 65, 80-81.

³ Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М., 1955. С. 510.

⁴ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907). М., 1995. С. 408.

⁵ Monballyu J. Geschiedenis van het familierecht. Leuven, 2006. P. 43.

⁶ Аннерс Э. История европейского права. М., 1996. С. 245-250.

⁷ См.: Defacqz E. Ancien droit belge ou précis analytique des lois et coutumes observées en Belgique avant le Code civil. Brussel, 1846-1873.

⁸ Heirbaut D. Privaatrechtsgeschiedenis van de Romeinen tot heden. Academia Press, 2005. P. 232-240.

⁹ См.: Heirbaut D. Europese juristen en Oud recht. Gent, Academia Press, 2000.

¹⁰ Lambert E. Roman Canon Law in Reformation Europe. Cambridge University press, Cambridge, 1990. P. 4.

¹¹ Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть вторая: Права семейственные, наследственные и завещательные. М., 2003. С. 20.

¹² См.: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 2. М., 1915.

¹³ См.: Gerlo J., Heyvaert A., Pauwels J., Senaev P. Reeks Commentaren met overzicht van rechtspraak en rechtsleer. Anwerpen, Kluwer Rechtswetenschappen, 2005.

¹⁴ См.: Het relatieve huwelijksbeetsel tussen aanverwanten in de rechte lijn // Rechtskundig Weekblad. 2007-2008. № 890.

¹⁵ Fuchter H. Over het putatieve huwelijk: aantekeningen op art. 150, 151, 152 en 153 Burgerlijke Wetboek. Somerwil, Harvard University, 1879. P. 46.

¹⁶ См.: Willems E. Tijdschriften voor familierecht. 2008. № 5. P. 82.

¹⁷ См.: Wet van 25 april 2007 de strafrechtelijke en burgerrechtelijke strijd tegen het gedwongen huwelijk.

Н.Н. Липкина*

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Понятие судебной правовой позиции широко применяется в российской юридической науке и правоприменительной практике¹. Вместе с тем, определение содержания данной категории вызывает немало вопросов. Как представляется, понятие «правовая позиция» не является в полной мере синонимичным схожим понятиям, например таким как «практика суда», «судебный прецедент» и др. Целью настоящей статьи является исследование правовой природы судебных правовых позиций на примере правовых позиций Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ, Суд), которые в соответствии с законодательством и устоявшейся правоприменительной практикой Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы.

Судебные правовые позиции определяются в науке как система правовых аргументов², правовые выводы³, «отдельные выводы и положения, отражающие представления суда по определенному вопросу»⁴ и т.п. Особенностью судебных правовых позиций является их особая правовая природа, выражающаяся в сочетании признаков актов толкования и применения норм права, с одной стороны, и актов правотворчества, с другой. Так, как отмечает профессор О.И. Тиунов в отношении правовых позиций Конституционного Суда РФ, они «относятся к нормативно-интерпретационным установлениям»⁵.

Не являются исключением и правовые позиции ЕСПЧ. Они формулируются в процессе осуществления им своей компетенции. В соответствии со ст. 32 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — Конвенция) в ведении ЕСПЧ «находятся все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней», которые переданы ему в установленном порядке. Таким образом, выработка правовых позиций ЕСПЧ происходит в процессе толкования и применения им в пределах своей компетенции Конвенции. Таким образом, любая правовая позиция ЕСПЧ всегда, так или иначе, связана с толкованием понятий и принципов, напрямую используемых в положениях Конвенции либо вытекающих из них⁶.

Ввиду того, что основные функции судебных органов — это толкование и применение права, в теории российского права предложено, понятие «прецедент толкования», определяя которое, например, И.Ю. Богдановская отмечает: «...значение слов статута, установленное судом в конкретном деле, становится прецедентом, который распространяется на те дела,

* Липкина Надежда Николаевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры европейского права и сравнительного правоведения ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

в основе которых лежит идентичный факт»⁷. Применять данный термин и к ЕСПЧ предлагает, например, М.Ш. Пацация, отмечая, что прецеденты ЕСПЧ должны пониматься как «прецеденты толкования конвенционных норм, т.е. формулирования их смысла применительно к соответствующим обстоятельствам дела»⁸. Как представляется, прецедент толкования — термин, очень близкий по содержанию термину «правовая позиция». Так же как и последний он отражает двойственную правовую природу обозначаемого явления.

Под правовой позицией ЕСПЧ следует понимать именно «нормативно-интерпретационное установление», что означает, что она обладает признаками нормы права, важнейшим из которых является ее общеобязательный характер. А.В. Малько определяет общеобязательность нормы права как направленность ее на «большое количество жизненных ситуаций и большой круг лиц», то есть неперсонифицированность соответствующего правила поведения⁹. Как представляется, правовые позиции ЕСПЧ также обладают общеобязательным характером. Они рассчитаны на неоднократное применение, а государства-участники Конвенции в целях добросовестной реализации ее положений обязаны имплементировать правовые позиции ЕСПЧ, реализовывать их в рамках своей правовой системы, принимая необходимые законодательные и иные меры по превенции нарушений, аналогичных тем, которые были установлены ЕСПЧ¹⁰.

Важно в этом ключе также отметить, что Конвенция рассматривается ЕСПЧ как «живой инструмент»¹¹, а его правовые позиции, выработанные в процессе интерпретации положений Конвенции, по сути «включаются» в нее. В.А. Туманов отмечает, что не вызывает сомнений правило, согласно которому нормы Конвенции действуют в том виде, в котором они истолкованы ЕСПЧ¹².

Важнейший момент, который следует учитывать при признании «общеобязательности» правовых позиций ЕСПЧ — то, что у государства есть свобода усмотрения по реализации стандартов Конвенции, и правовая позиция, сформулированная в отношении одного государства, обязательна для реализации другими государствами-участниками лишь с должным учетом их национальных особенностей, аналогичности фактической стороны соответствующих дел и иных обстоятельств. Следует отметить, что именно в целях соблюдения принципов субсидиарности и свободы усмотрения государства ЕСПЧ зачастую не отвечает в однозначной манере на «деликатные» вопросы, по которым не установлено наличие «европейского консенсуса», оставляя их на усмотрение государства, что прямо отмечается им в постановлении. Подобные правовые позиции следует воспринимать как правовое основание для усмотрения государства. Вместе с тем, не вызывает сомнений, что и в тех случаях, когда правовая позиция ЕСПЧ сформу-

лирована более или менее однозначно, государства-участники Конвенции могут обладать определенной свободой усмотрения, например, в соответствии со ст. 15 Конвенции — в случаях отступления от обязательств по Конвенции в условиях войны или иной чрезвычайной ситуации, угрожающей жизни нации.

От признака общеобязательности правовых позиций в науке предлагают отличать признак устойчивости правовых позиций¹³, который заключается в том, что сформулировавший правовую позицию суд последовательно ей придерживается в своей практике. Признак устойчивости, безусловно, не исключает права суда изменить ранее сформулированную правовую позицию. Так же и ЕСПЧ, по понятным причинам, не может быть раз и навсегда связанным своими правовыми позициями. Этот орган действует уже не одно десятилетие, и развивающиеся общественные отношения требуют определенной свободы ЕСПЧ по отступлению от ранее сформулированных правовых позиций в целях обеспечения их адаптации к современным условиям жизни общества, а, следовательно, и большей эффективности деятельности Суда.

Как подчеркнул ЕСПЧ в деле «Cossey v. the United Kingdom», несмотря на то, что он не связан своими постановлениями, он обычно старается следовать своим собственным прецедентам, что обусловлено интересами обеспечения правовой определенности и упорядоченного развития его практики. Вместе с тем, ЕСПЧ подчеркнул, что имеет право отступать от ранее принятых решений в том случае, если это требуется в силу убедительных оснований в целях, например, обеспечения того, чтобы интерпретация Конвенции отражала происходящие социальные изменения и соответствовала современным условиям¹⁴.

Такое положение всецело подтверждается практикой ЕСПЧ. Несмотря на то, что зачастую ЕСПЧ первоначально излагает выработанную в его практике правовую позицию, а затем уже применяет её к обстоятельствам конкретного дела¹⁵, при этом даже выделяя в мотивировочной части своих постановлений два самостоятельных подраздела — «Общие принципы» и «Применение указанных принципов в настоящем деле», известны и случаи отступления ЕСПЧ от ранее сформулированных им правовых позиций.

Подводя итог, можно отметить, что правовая природа правовых позиций ЕСПЧ выражена в форме сочетания двух важнейших их признаков — общеобязательного характера и неразрывной связи с процессом толкования положений Конвенции. При этом реализация правовых позиций ЕСПЧ регулируется теми же принципами, что и реализация положений Конвенции, в частности, принципами субсидиарности и свободы усмотрения государства, которые оставляют за государствами соответствующие возможности по «приспособлению» правовой позиции ЕСПЧ к своим внутригосударственным особенностям и интересам.

¹ В литературе даже высказывается мнение об общеправовом значении категории «правовая позиция» (см.: Гаврилов О.А., Колдаева Н.П., Поленина С.В. и др. Некоторые аспекты разви-

тия правотворчества в современной России // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. № 1. С. 12).

² См.: Лазарев Л.В. Конституционный Суд России и развитие конституционного права // Журнал российского права. 1997. № 11. С. 9.

³ См.: Кряжкова О.Н. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: теоретические основы и практика реализации судами России. М., 2006. С. 39.

⁴ Власов Д.С. Правовая позиция Международного Суда ООН: понятие, природа и варианты проявления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. С. 8.

⁵ Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации: учебник для вузов / под ред. О.И. Тиунова. М., 2005. С. 463.

⁶ См.: Красиков Д.В. «Скрытая роль» норм общего международного права в регулировании компетенции Европейского Суда по правам человека // Российский юридический журнал. 2013. № 3. С. 38–45.

⁷ Богдановская И.Ю. Судебный прецедент – источник права? // Государство и право. 2002. № 12. С. 8.

⁸ Пацация М.Ш. Европейский Суд по правам человека и пересмотр судебных актов по арбитражным делам // Законодательство и экономика. 2006. № 3. С. 70.

⁹ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М., 2007. С. 277.

¹⁰ Следует отметить, что наличие обязательства государства-участника Конвенции отреагировать на правовые позиции ЕСПЧ, сформулированные в постановлениях ЕСПЧ, вынесенных в отношении других государств-участников, выводится из практики ЕСПЧ, устоявшейся практики Комитета министров Совета Европы, различных актов, принятых в рамках Совета Европы и посвященных деятельности ЕСПЧ и его реформированию (см., например: Smith and Grady v. the UK, nos. 33985/96 and 33986/96, § 136, 27 September 1999; Opuz v. Turkey, no. 33401/02, § 163, 9 June 2009; Recommendation Rec(2004)5 of the Committee of Ministers of the Council of Europe to member states on the verification of the compatibility of draft laws, existing laws and administrative practice with the standards laid down in the European Convention on Human Rights of 12 May 2004. URL: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=743297> (дата обращения: 13.03.2015).

¹¹ Demades v. Turkey, no. 16219/90, § 33, 31 July 2003; E.B. v. France, no. 43546/02, § 46, 22 January 2008; Siliadin v. France, no. 73316/01, § 121, 26 July 2005.

¹² См.: Туманов В.А. Европейский Суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. М., 2001. С. 89.

¹³ См.: Кряжкова О.Н. Указ. соч. С. 35.

¹⁴ См.: Cossey v. the United Kingdom, no. 10843/84, § 35, 27 September 1990.

¹⁵ См., например: Tali v. Estonia (Merits and Just Satisfaction), no. 66393/10, 13 February 2014; Orhan v. Turkey, no. 25656/94, § 264–288, 18 June 2002; Bäck v. Finland, no. 37598/97, § 52–71, 20 July 2004; McKerr v. the United Kingdom, no. 28883/95, § 108–161, 4 May 2001.

ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ: ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ»

О.А. Адоевская*

О РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА В ОТНОШЕНИИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Уголовный кодекс оправдывает свое социальное назначение, удовлетворяет социальные ожидания, когда его принципы претворяются в жизнь, то есть реализуются в уголовно-правовых отношениях, когда все участники законотворческого и правоприменительного процессов принципам следуют. В науке под реализацией понимается определенный процесс, система средств и мер, направленных на претворение в жизнь действующего закона, достижение поставленных в нем задач¹. Реализация закона представляет собой деятельность, развивающуюся в системе определенных координат и согласованную с выраженными в нем основными идеями (принципами). Конечный результат реализации — достижение соответствия между требованиями (предписаниями) норм закона совершить либо воздержаться от определенных поступков и суммой фактически последовавших действий². Таким образом, реализация предполагает позитивную деятельность субъектов, направленную на достижение определенных социально значимых результатов.

Научные деятели находят неудовлетворительными результаты деятельности законодательных и правоприменительных органов в сфере уголовного права и пишут, что самостоятельной причиной этого является несоблюдение социально-ориентированных и научно обоснованных принципов³.

В Российской Федерации ведется активная работа по совершенствованию законодательной и правоприменительной практики противодей-

* Адоевская Ольга Александровна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВПО «Самарский государственный университет».

ствия коррупции. Однако антикоррупционная реформа не дает ожидаемых результатов, и коррупция по-прежнему признается одним из основных источников угроз национальной безопасности страны (п. 37 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года⁴). Официальная статистика сокращения судимостей за коррупционные преступления не соответствует реальным масштабам коррупционной преступности в современной России⁵. По оценкам экспертов, только на публичных торгах ежегодно из-за коррупции потери российского государства эквивалентны цене проведения в 2014 году зимней Олимпиады в Сочи⁶. Криминологи оценивают коррупционную преступность как достигшую уровня самовоспроизводства.

Одной из главных причин неэффективной антикоррупционной деятельности является несоблюдение принципа равенства граждан перед законом. Общеизвестно, что равенство — фундаментальная ценность демократического государства и общества. Международно-правовая идея равенства выражена во Всеобщей декларации прав человека (1948 г.), Международном пакте о гражданских и политических правах (1966 г.), Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.). Принцип равенства граждан закреплен в неприкосновенной главе 2 Конституции РФ «Права и свободы человека и гражданина»⁷. Согласно ч. 1 ст. 19 Конституции РФ, «все равны перед законом и судом». В части 2 этой статьи указано: «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности».

Конституционный принцип равенства перед законом лиц, совершивших преступления, закреплен в ст. 4 УК РФ. Принцип равенства в уголовном законе обеспечивается признанием состава преступления единственным основанием уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ), единообразием правил назначения наказания (гл. 10 УК РФ), ответственностью за дискриминацию (ст. 136 УК РФ). Равная для всех обязанность нести уголовную ответственность за совершенное преступление означает неотвратимость, неизбежность ответственности и противостоит избирательному применению закона, избирательному наказанию.

Вместе с тем принцип равенства имеет исключения, связанные с правовым иммунитетом отдельных категорий граждан, в отношении которых усложнена процедура привлечения к уголовной ответственности. В главе 52 УПК РФ описываются особенности производства по уголовным делам

в отношении отдельных категорий лиц. В ст. 447 УПК РФ перечислено более 20 категорий лиц, наделенных неприкосновенностью и пользующихся иммунитетом от уголовного преследования. Закрепленные в законе иммунитеты не связаны со служебной или иной деятельностью их носителей, исключая присяжных и арбитражных заседателей, а для Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий, являются пожизненными. Исследователи пишут, что «в стране таким иммунитетом от ответственности пользуется четыре с половиной миллиона чиновников — это депутаты различных уровней выборных органов, судьи, прокуроры, следователи и другие государственные чиновники»⁸.

Криминологи признают такой безграничный иммунитет, которого нет в других демократических странах, особо криминогенным обстоятельством, которое используется как легальная возможность уклонения от уголовной ответственности. Судебная статистика по коррупционным преступлениям данный вывод подтверждает: число осужденных за получение взятки почти в два раза меньше, чем число осужденных за дачу взятки. Интересно, что число зарегистрированных случаев получения взятки почти в два раза превышает число зарегистрированных случаев дачи взятки. В 2010 г. было зарегистрировано 7 747 фактов получения взятки, 4 265 — дачи взятки. В этом же году осуждено за получение взятки 2 384 человек, а за дачу взятки — 3 761. В 2012 г. зарегистрировано 6 347 случаев получения взятки, 4 005 — дачи взятки, осуждены за получение взятки 1 354 человека, а за дачу взятки — 1 980. В 2013 г. было зарегистрировано 6 576 фактов получения взятки, 3 182 — дачи взятки. В 2013 году осуждены за получение взятки 1 554 человека, за дачу взятки — 3 199. Аналогичная статистика прослеживается с 1997 года⁹.

Такая нормативная инверсия (перестановка взяткополучателей и взяткодателей «по ходу судопроизводства») ведет к фактическому признанию характеристики личности одним из оснований уголовной ответственности и нарушает конституционный принцип равенства граждан перед законом.

По уголовным делам, связанным с коррупцией, осуждаются в основном мелкие взяточники. По сообщению председателя Верховного Суда РФ В. Лебедева в 2012 году за получение взяток были осуждены 1,3 тыс. человек. Из них 60% осуждены за получение взяток на сумму от 5 тыс. до 10 тыс. рублей, 21% — от 10 тыс. до 50 тыс. рублей. При этом 22% осужденных взяточников работали в сфере здравоохранения, 11% — в области образования и 5,4% — в системе исполнения наказаний¹⁰. По данным криминологов громкие коррупционные скандалы с участием высокопоставленных чиновников заканчиваются информационным шумом, условным осуждением либо освобождением от наказания по амнистии.

Выборочная уголовная ответственность разрушает идею равенства перед законом и судом, ведет к дискриминации и конфликту между гражданами и государством. Нетерпимость коррупционного поведения легко вызывает чувство протеста, что является характерной чертой экстремизма¹¹.

Председатель Государственной Думы РФ С.Е. Нарышкин назвал экстремизм и коррупцию главными угрозами для российского общества¹².

Очевидно, что необходимо устранять причины, порождающие экстремизм и коррупцию, в том числе изменять уголовную политику государства. Уголовная политика не может быть результативной, когда деятельность законодательных и правоприменительных органов не подчинена социально-ориентированным и научно обоснованным принципам и лишена идеологической основы. В целях эффективного противодействия коррупции необходимо в законодательной и правоприменительной уголовной политике обеспечить реализацию принципа равенства, не допускать дискриминационного правоприменения и не создавать правовые иммунитеты для должностных лиц, на которых возложена ответственность за борьбу с коррупцией. Соблюдение принципа равенства перед законом и судом при назначении наказания будет способствовать укреплению доверия граждан к государственным институтам.

¹ См.: Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002. С. 62.

² Там же. С. 62-63.

³ См.: Кленова Т.В. Принципы и пределы кодификации уголовного закона // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 г.): материалы VIII Российского конгресса уголовного права (30-31 мая 2013 г.). М., 2013. С. 108-109; Дуюнов В.К. Совершенствование уголовного законодательства или его ломка? // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы X Международной научно-практической конференции (24-25 января 2013 г.). М., 2013. С. 31-34.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 20, ст. 2444.

⁵ В 2013 г. в очередном рейтинге состояния коррупции в мире, опубликованном международной неправительственной организацией Трансперенси Интернешнл (Transparency International), Россия заняла 127 место из 177 возможных с неблагоприятным индексом восприятия коррупции в 28 баллов. В этом рейтинге Россия делит свое 127 место с Азербайджаном, Пакистаном, Никарагуа, Мали, Мадагаскаром, Ливаном, Гамбией и Коморскими островами.

⁶ См.: Богданов В. В России вырос размер взяток. На взятках Россия ежегодно теряет одну Зимнюю Олимпиаду // Российская газета. 2011. 27 июня.

⁷ Согласно ч. 1 ст. 135 Конституции РФ, положения глав 1, 2 и 9 Конституции РФ не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием.

⁸ Журавлев М. К вопросу о назначении наказания за коррупционные преступления // Уголовное право. 2013. № 5. С. 69.

⁹ См.: Лопашенко Н.А. Борьба с коррупцией еще не начиналась // Материалы слушаний Общественной палаты Самарской области «Об эффективности антикоррупционных мероприятий и участие институтов гражданского общества в реализации антикоррупционной политики» / под ред. В.В. Полянского. Самара, 2011. С. 14-22.

¹⁰ URL.: <http://www.specletter.com/news/2013-02-19/67296.html> (дата обращения: 10.09.2014).

¹¹ В научной литературе описано, что в основе экстремизма лежат радикальная идеология, радикальные верования и неудовлетворенный гнев, разочарования, которые ведут от преступлений на почве ненависти к терроризму.

¹² URL.: <http://www.korrup.ru/index.php?s=15&id=308> (дата обращения: 10.09.2014).

С.А. Алтухов*

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА В КОНТЕКСТЕ МЕР ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТЕРРОРИЗМУ

Успехи правоохранительных органов в контртеррористической деятельности в Северо-Кавказском регионе, предпринимаемые усилия по выявлению и уничтожению лидеров и активных участников бандформирований¹, привлечение к уголовной ответственности организаторов и исполнителей терактов, пресечение фактов финансирования террористической и экстремистской деятельности, обеспечение контроля над финансовыми операциями, в том числе иностранных некоммерческих неправительственных организаций, позитивно сказываются на состоянии безопасности в стране. Это отражается не только в снижении числа совершенных терактов (за период с 2000 г. по 2013 г. их количество уменьшилось более чем в 4 раза), но и в поддержке принимаемых государством мер со стороны населения.

Вместе с тем риск террористических актов все еще остается достаточно высоким. Россия продолжает оставаться в фокусе террористических угроз, в том числе в связи с событиями на Украине и Ближнем Востоке. Подтверждением этому являются теракты в Волгограде и Пятигорске в конце 2013 г., существенный рост совершенных терактов в 1-м полугодии 2014 г. (+91,7%), увеличение числа преступлений террористического характера (+88,1%) и экстремистской направленности (+19,0%)².

Следует отметить, что террористическая деятельность и ее формы постоянно эволюционируют, приобретая нередко политическую, религиозную и экстремистскую окраску. Террористические атаки деморализуют население, а социальная база терроризма расширяется за счет вовлечения в преступную деятельность неустойчивых и радикально настроенных граждан, разделяющих политические устремления лидеров и идейных вдохновителей экстремистских сообществ. Идеологическое же воздействие и психопрограммирование («зомбирование») участников террористических актов стали закономерно отражаться на повышении характера и степени опасности преступных посягательств, увеличении масштабов последствий терактов, изменении личностных свойств и качеств преступников, росте суицидального терроризма, что подтверждается статистическими данными и результатами криминологических и социологических исследований.

Динамика зарегистрированных терактов в России в 2000–2014 гг. такова: 2000 г. — 135; 2001 — 327; 2002 — 360; 2003 — 561; 2004 — 265; 2005 — 203; 2006 — 112; 2007 — 48; 2008 — 10; 2009 — 15; 2010 — 31; 2011 — 29; 2012 — 24; 2013 — 31; 2014 (1-е полугодие) — 23.

* Алтухов Сергей Анатольевич — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГКОУ ВПО «Ростовский юридический институт МВД России».

Ослабление уровня страхов россиян по поводу терактов в 2010–2012 гг. с 82% до 70%³ было нарушено трагическими событиями в Волгограде и Пятигорске в конце 2013 г. Как следствие, снизилась доля лиц, считающих жизнь в России безопасной, с 30 до 25%; более 56% опрошенных указали на незащищенность от преступных посягательств; примерно такое же число респондентов (55%) опасается представителей экстремистских молодежных группировок⁴; 63% скептически оценивает способность властей защитить население от новых терактов⁵.

Интерес представляют и данные о защищенности граждан в публичных местах. Так, многие общественные места, транспорт пригородного и дальнего следования, самолеты, вокзалы, станции, аэропорты по-прежнему формируют страх, тревогу, подавленность, чувство незащищенности, сопереживание и сострадание, а также готовность идти на любые уступки террористам ради спасения своих родных и близких. Эти опасения вполне объяснимы и «цене» таких последствий. Так, только с 2007 г. по 2012 г. погибло около 3,5 тыс. человек.

Специалисты замечают, что риск стать жертвой террористического акта интегрален. Он имеет социальную основу и социальное содержание, но триггерный эффект социопсихологической основы появления страха, продуцируемый средствами массовой информации в виде «пиаровской раскрутки» представлений о нем, приводит к неадекватному восприятию ситуации и еще большему нагнетанию страха⁶. В связи с этим боязнь и страх перед террористической опасностью не способствуют формированию защитных свойств личности, снижают естественный человеческий инстинкт самосохранения, формируют пассивность граждан и нежелание принимать меры безопасности.

К большому сожалению, практика борьбы с преступностью в целом и терроризмом в частности продолжает выступать в виде запоздалой реакции на уже совершенное преступление. Как замечает М. Мусаев, такая реакция постепенно ослабевает в связи с совершением очередного преступления⁷, например, террористического акта. Предупреждение же преступлений (обозначенное как главное и перспективное направление борьбы с преступностью) ввиду отсутствия четких и надежных механизмов правового регулирования, критериев оценки предупредительно-профилактической деятельности, недостатка моральных и материальных стимулов субъектов профилактики и иных факторов остается невостребованным и формализованным аспектом деятельности правоохранительных органов. Это, в частности, подтверждают результаты проведенного нами опроса сотрудников полиции. Так, 38,5% сотрудников и 30% руководителей ОВД ответили, что предупреждение и профилактика не стали приоритетными направлениями борьбы с преступностью даже после реформирования системы МВД. Еще 63% сотрудников и 70% руководителей считают, что этому способствует «живучесть» ведомственной системы оценки деятельности сотрудников ОВД («палочная система»). Среди вариантов ответов респон-

денты также указывали на отсутствие комплексного нормативного акта «О профилактике правонарушений» (15,7% сотрудников и 23,3% руководителей), недостаток материальных стимулов для сотрудников (11,4% и 10% соответственно) и т.п.⁸

В сложившихся условиях, а также в целях повышения эффективности борьбы с преступностью и терроризмом требуется разработка и внедрение в жизнь кардинально новых методов предупреждения преступлений. Речь, прежде всего, идет о виктимологической профилактике. Этот вид социальной практики пока еще не нашел отражения в отечественном законодательстве, хотя в проекте федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», обсуждаемого в настоящее время в кулуарах Государственной Думы РФ, его разработчики предусмотрели понятие этого вида профилактической деятельности, представили общую характеристику мер виктимологической профилактики и т.п.⁹

Виктимологическое воздействие на преступность является весьма перспективным. Во-первых, оно более гуманно, так как практически не связано с вторжением в сферу личных прав и свобод личности. Здесь нет необходимости применять и меры принуждения. Во-вторых, оно экономически выгодно, так как не требует значительных материальных затрат, опирается на естественный человеческий инстинкт самосохранения и присущее людям стремление к самозащите. Именно поэтому данное направление воздействия на преступность получило широкую поддержку общественности в ряде зарубежных стран. Там давно издаются специальные виктимологические журналы, книги, статьи, буклеты, памятки, появились циклы радио- и телепередач, ведется преподавание основ прикладной виктимологии — от начальной школы до вузов. В дошкольных учреждениях дети получают простейшие виктимологические рекомендации (например, не брать и не вскрывать оставленные кем-то вещи (пакеты, коробки, сумки), не садиться в автомобиль к постороннему человеку, не заходить к незнакомым людям домой, не входить в лифт с незнакомыми мужчинами и т.д.). В школах и вузах желающие могут не только прослушать курс лекций по виктимологии, но и до автоматизма освоить навыки приемов самозащиты, пройдя специальный тренинг, получив при этом знания об индивидуальных средствах защиты и способах правомерной обороты.

В России же профилактические возможности виктимологии до настоящего времени в полной мере не используются. Только в последние годы на центральных телевизионных каналах (Первый, «Россия», НТВ и др.) стали выходить сюжеты по данной проблематике. Но их явно недостаточно.

Не лучшим образом с организацией виктимологической профилактики вообще и терроризма в частности обстоят дела и в системе правоохранительных органов. Так, на официальном сайте МВД России среди мер информационно-пропагандистского обеспечения деятельности органов внутренних дел по борьбе с терроризмом и экстремизмом отсутствуют даже памятки с виктимологическими рекомендациями. На официальном

сайте ФСБ России ссылка на «Рекомендации гражданам по действиям при угрозе совершения террористического акта»¹⁰ имеется, однако ознакомление с этими рекомендациями показывает, что изложенная там информация есть не что иное, как общая характеристика типичных действий преступников при подготовке к теракту. Рекомендации же гражданам при угрозе совершения террористического акта сводятся лишь к одному — немедленному информированию об этом органов ФСБ или МВД. Возникает вопрос, в чем же тогда заключается и должна заключаться виктимологическая профилактика?

Имеют весьма поверхностные представления о видах и мерах виктимологической профилактики и сотрудники правоохранительных органов, которые не считают ее перспективным направлением, многие не знают содержания таких терминов, как «виктимология», «виктимность», «виктимологическая профилактика»¹¹.

Психологически не готовы к возникновению чрезвычайных ситуаций и сами граждане. Многие не видят до сих пор никакого смысла в организации виктимологической профилактики. Как констатирует С.В. Аксенова, гораздо меньше стало людей, готовых создавать народные дружины (8,9%), дежурить в детских садах и школах (5,2%), и больше тех (27,1%), кто считает участие граждан в предотвращении терактов бессмысленным, хотя 52,7% опрошенных еще в 2006 г. полагали, что в предотвращении терактов поможет бдительность¹².

В статьях 10 и 11 Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации¹³ разработчики обоснованно указывают на необходимость защиты личности, общества и государства от террористических актов и иных проявлений терроризма в качестве основной цели противодействия терроризму в России. Среди приоритетных задач противодействия терроризму неслучайно выделяется и задача обеспечения безопасности граждан и антитеррористической защищенности потенциальных объектов террористических посягательств, в том числе критически важных объектов инфраструктуры и жизнеобеспечения, а также мест массового пребывания людей. В данном случае прямого указания на необходимость организации виктимологической профилактики в упомянутом документе нет, оно лишь предполагается в системе тех мер, которые и должны обеспечить безопасность граждан от террористических угроз. В связи с этим концептуально важными для организации виктимологической профилактики являются следующие направления: 1) правовые, 2) психолого-педагогические, 3) организационные, 4) технические.

Реализации правовых мер виктимологической профилактики должно сопутствовать принятие закона «О защите прав потерпевших», в котором следует предусмотреть четкий механизм компенсации ущерба гражданам, ставших жертвами преступлений. Так, разработчики проекта федерального закона «О потерпевших от преступлений» предлагают в целях реализации обязанности государства по выплате компенсации потерпевшим

создать государственный внебюджетный Федеральный фонд помощи потерпевшим, средства которого будут образовываться за счет:

штрафов, назначаемых в качестве уголовного наказания;

государственных средств, полученных от конфискации имущества в порядке, установленном уголовным законодательством Российской Федерации;

государственных средств, полученных от реализации вещественных доказательств по уголовному делу;

сумм залогов, внесенных в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, и обращенных в доход государства;

доходов от инвестирования части временно свободных средств Фонда в ликвидные государственные ценные бумаги и банковские вклады;

добровольных взносов граждан и юридических лиц;

иных финансовых средств, не запрещенных законодательством¹⁴.

В целом задумка неплохая, но снова возникает вопрос — сможет ли законодатель пойти на это и принять такой законопроект?

Более сложной задачей является реализация психолого-педагогических мер виктимологической профилактики. Перестройка правосознания сотрудников правоохранительных органов и граждан, изменение их отношения к потерпевшим от преступлений вряд ли возможны только путем чтения лекций, изучения приказов, сдачи зачетов и т.п. Здесь должны быть задействованы все элементы правовой пропаганды, обучения и воспитания, в том числе и посредством работы сотрудников ОВД. Так, в соответствии с п. 48.3 Наставления по организации деятельности участковых уполномоченных полиции участковые должны проводить разъяснительную работу с сотрудниками охраны и гражданами, работающими на объектах, о принятии мер по сохранности имущества (в том числе о целесообразности установки охранной сигнализации), о действиях в чрезвычайной ситуации, при угрозе совершения террористического акта¹⁵.

Специалисты в области виктимологии в качестве важнейшей формы работы по девиктимизации жертв называют социально-психологические тренинги¹⁶, метод эксперимента¹⁷. На первый взгляд, осторожность проведения экспериментов в части противодействия терроризму вполне понятна, если вспомнить случаи закладки сотрудниками ФСБ муляжей взрывных устройств в целях проверки бдительности населения и оперативности действий сотрудников полиции. Однако такая система обучения способствует и формированию таких качеств, как предусмотрительность, смелость, трезвый расчет, умение выбрать правильный вариант поведения в критической ситуации и т.п.

Основу организационных мер должны составить мероприятия, направленные на создание специализированных подразделений правоохранительных органов по работе с жертвами преступлений; изыскание новых, более эффективных форм взаимодействия с населением; создание центров кризисной помощи пострадавшим; организацию взаимодействия между заинтересованными организациями и учреждениями по указанной темати-

ке; разработку соответствующих программ виктимологической профилактики по различным направлениям (в том числе по противодействию терроризму); осуществление постоянного мониторинга факторов уязвимости, обуславливающих возможность совершения террористических актов и др. Но их реализация как всегда осложняется отсутствием нормативной базы и финансового обеспечения.

Технические меры виктимологической профилактики должны содействовать решению задачи формирования государственной системы статистики о жертвах преступлений, реализации пропагандистской работы, а также должны быть направлены на разработку и применение более эффективных средств выявления террористической угрозы¹⁸, а также и т.д. В условиях высокого уровня террористической угрозы на каждом объекте с повышенным уровнем террористической угрозы следует обеспечить особый режим безопасности, профессиональную охрану, четкий пропускной режим с системой видеонаблюдения, фиксации и т.п. Единственное, что при этом следует исключать огласку приемов и тактики проведения контртеррористических операций.

Определенными предпосылками реализации таких мер должны выступать соответствующие информационные материалы предупредительно-пропагандистского характера, хотя некоторые исследователи отчасти занижают эффективность их использования. Так, результаты исследования Т.П. Будяковой показывают, что уровень усвоения школьниками информации о правилах поведения при возникновении чрезвычайных ситуаций (терактов, захвата заложников и т.п.), которая была отображена на стендах и в виде памяток, оказался крайне низким. Только 3 % школьников, ежедневно проходящих раз мимо стендов с такой информацией, усвоили соответствующие правила поведения. При этом эффективность тренингов оказалась в 10 раз выше (30%)¹⁹.

Подытоживая вышеизложенное, следует отметить, что проблема безопасности населения и защиты личности от любых видов угроз, в том числе проявлений терроризма, приобрела не только важное теоретическое значение, но и демонстрирует все большую практическую значимость. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость разработки национальной Концепции защиты жертв преступлений, формирования правовых основ регламентации порядка организации и осуществления механизма правовой, социальной, материальной и иной помощи потерпевшим, что будет служить важной предпосылкой организации виктимологической профилактики.

¹ Так, в мае 2014 г. на территории Республики Крым сотрудниками ФСБ России были задержаны члены диверсионно-террористической группы (ДТГ) «Правого сектора», основной целью которых являлось совершение диверсионно-террористических актов в городах Симферополь, Ялта и Севастополь, а в последующем уничтожение ряда объектов жизнедеятельности, железно-

дорожных мостов, линий электропередач. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm%21id%3D10437554%40fsbMessage.html>.

² Состояние преступности в России за январь-июнь 2014 года. М., 2014. URL: http://mvd.ru/upload/site1/document_file/OBm7ryU3xs.pdf.

³ Сухаренко А.Н. Предупреждение о террористической опасности в России: новый ракурс. URL: <http://иванов-ам.рф/antiterror/pdf/13.pdf>.

⁴ См.: Результаты исследования общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Профессионал. 2013. № 1. С. 18.

⁵ Террористическая угроза: после трагедии в Волгограде. URL: <http://infographics.wciom.ru/theme-archive/politics/internal-policy/terrorism/article/terroristicheskaja-ugroza-i-borba-s-nei.html>.

⁶ См.: Основы противодействия терроризму: учеб. пособие / под ред. Я.Д. Вишнякова. М., 2006.

⁷ См.: Мусаев М. Правовая и социальная защита жертв преступности в России: монография. М., 2011. С. 134.

⁸ При ответах на вопросы анкеты респондентам предоставлялась возможность выбирать несколько вариантов ответов.

⁹ См.: Проект федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Российская газета: интернет-портал (дата публикации: 16.08.2011).

¹⁰ URL: <http://www.fsb.ru/fsb/supplement/advice/dta.htm%21id%3D10437181%40fsbPublication.html>.

¹¹ Кодзов А.Б. Криминологическая характеристика личности потерпевших от вооруженных преступлений и их виктимологическая профилактика: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Ростов н/Дону, 2009. С. 26.

¹² См.: Аксенова С.В. Политика противодействия терроризму в современной России: автореф. ... дис. канд. полит. наук. М., 2006.

¹³ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г.) // Российская газета. 2009. 20 окт.

¹⁴ См.: Проект федерального закона «О потерпевших от преступлений» // Российская газета: интернет-портал. URL: <http://www.rg.ru/2012/02/24/poterpevshie-site-dok.html> (дата публикации: 24.02.2012).

¹⁵ См.: Приказ МВД России от 31 декабря 2012 № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» // Российская газета. 2013. 27 марта.

¹⁶ См.: Варчук Т.В., Вишневецкий К.В. Виктимология. М., 2008. С. 178.

¹⁷ См.: Будякова Т.П. Активные методы в виктимологии // Криминологический журнал ОГУЭП. 2011. № 3. С. 45-47.

¹⁸ В данном случае также необходима разработка и использование новых технических средств защиты и обеспечения безопасности.

¹⁹ См.: Будякова Т.П. Указ. раб. С. 46.

И.А. Александрова*

ВРЕМЯ МЕНЯТЬ УГОЛОВНУЮ ПОЛИТИКУ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Уголовная политика противодействия экономической преступности является продолжением экономической политики государства, реализуемым иными средствами — уголовно-правовыми, уголовно-процессуальными. У уголовной политики как части целого должны быть общая идеология, цели и средства с экономической политикой. Изменения во внутренней и внешней обстановке определяют курс уголовной политики.

* Александрова Ирина Александровна — кандидат юридических наук, доцент, докторант адъюнктуры ФГКОУ ВПО «Нижегородская академия МВД России».

Уголовная правовая политика является воплощением воли правящего класса, элиты общества, средством защиты интересов собственников. Благодаря организованности и наличию финансовых ресурсов предпринимательское сообщество имеет большие возможности для того, чтобы пролоббировать собственные интересы в правительстве и законодательном собрании с тем, чтобы уголовная политика проводилась в его интересах.

Современная уголовная политика противодействия экономической политики, которую мы назвали Новой уголовной экономической политикой (НУЭП), сформировалась как реакция государства на кризис 2008 г., главным образом поразивший банковский сектор экономики. Это событие, как очевидно, стало поводом для того, чтобы в максимальной степени реализовать в уголовной политике либерально-правовую идеологию, сутью которой является ограничение вмешательства государства в рыночную экономику, предпринимательскую деятельность. Лозунгом НУЭП стало выражение Б. Грызлова: «Бизнес должен работать, а не сидеть в тюрьме».

На основании Поручения Президента РФ от 28.11.2009 г. № ПР-3169 экспертами была разработана Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере с целью исключить «искусственную криминализацию бизнеса» через «законодательное введение и осуществление на практике специальных дополнительных (сравнительно с действующими в отношении иных субъектов права) материально-правовых и процессуальных гарантий, вытекающих из особенностей предпринимательской деятельности и ограждающих предпринимателей от незаконного уголовного преследования, в том числе в целях передела собственности»¹.

Эта концепция была реализована в блоке законов: изменения в Уголовный и Уголовно-процессуальные кодексы РФ вносились принятием федеральных законов от 29.12.2009 г. № 383-ФЗ, от 07.04.2010 г. № 60-ФЗ, от 07.03.2011 г. № 26-ФЗ, от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ, от 06.12.2011 г. № 407-ФЗ, от 29.11.2012 г. № 207-ФЗ. Пакет поправок в УК РФ и УПК РФ радикально ограничил применение средств уголовной юстиции для поддержания правопорядка в экономической сфере. Был создан особый правовой режим противодействия экономической преступности, включающий следующие меры:

- введение специального правового механизма прекращения уголовных дел в отношении лица, совершившего преступление, предусмотренное ст. 171 ч. 1, 171.1 ч. 1, 172 ч. 1, 176 ч. 2, 177, 180 ч. 1.2, 184 ч. 3.4, 185 ч. 1, 185.1, 185.2 ч. 1, 185.3, 185.4 ч. 1, 193, 194 ч. 1, 195-197, 198-199.2 УК РФ. Этот согласительный механизм прописан в ст. 76.1 УК РФ и ст. 28.1 УПК РФ;

- частичная декриминализация общественно опасных деяний в сфере налогообложения и изменение порядка привлечения к уголовной ответственности за налоговое преступление. В ст. 198, 199, 199.1 УК РФ в шесть раз увеличены пороговые суммы крупного и особо крупного размеров уклонения от уплаты налогов, которые делают налоговые правона-

рушения криминальными деяниями. Создан специальный, льготный для предпринимателей, механизм возбуждения уголовного дела по факту налогового преступления;

- модернизация законодательства о мошенничестве: выделение специальных разновидностей мошеннических деяний по различным сферам деятельности и перевод мошенничества, совершаемого в сфере экономической деятельности, в категорию дел частно-публичного обвинения.

Апофеозом анализируемой политики стала амнистия осужденных бизнесменов². В основу амнистии был положен договорной механизм разрешения уголовно-правового спора между предпринимателем-преступником и государством. В итоге были амнистированы 2324 человек³, которые возвратили имущество и убытки на сумму более 5,5 млрд. рублей⁴.

Цена НУЭП — поспание социальной справедливости, но думается, государство сознательно пошло на эту жертву, имея в виду позитивные изменения в экономике. На их достижение нацелена НУЭП, ради них были приняты беспрецедентные в мировой практике изменения законодательства. Истекшие пять лет (2009–2013 гг.), в течение которых проводилась новая уголовная политика, позволяют оценить ее результаты в социально-экономической сфере.

О динамике привлечения к уголовной ответственности лиц за совершение преступлений экономической направленности⁵ говорят следующие цифры.

	2010	2011	2012	2013
Зарегистрировано экономических преступлений				
Всего по России	276435	202454	172975	141229
Нижегородская обл.	9797	7573	7807	4971
Выявлено лиц, совершивших экономические преступления				
Всего по России	101728	64593	50212	49885
Нижегородская обл.	1678	1464	1227	823
Предварительно расследовано преступлений экономической направленности				
Всего по России	202897 (-36,4%)	144843 (-28,6%)	120210 (-17%)	105674 (-12,1%)
Нижегородская обл.	5532	6374	6783	4356
Количество преступлений экономической направленности, уголовные дела по которым направлены в суд				
Всего по России	168672 (-33,6%)	123921 (-26,5%)	102601 (-17,2%)	90248 (-12%)
Нижегородская обл.	4496	5312	684	3540
Не раскрыто преступлений экономической направленности				
Всего по России	61701 (-21,3%)	41469 (-32,8%)	33541 (-19,1%)	27354 (-18,4%)
Нижегородская обл.	4054	533	17	351

Согласно официальным статистическим данным, как на федеральном, так и на региональном уровнях отмечается снижение количественных по-

казателей преступлений экономической направленности. Однако это не означает, что экономическая преступность снижается. На наш взгляд, преступления в сфере экономики с начала 2010 г. по 2013 г. остались без адекватной реакции со стороны государства. Именно в эти годы наблюдаются положительные изменения в процентном отношении предварительно расследованных, нераскрытых экономических преступлений и преступлений экономической направленности, уголовные дела по которым направлены в суд, имеющие непосредственное отношение к работе уголовной юстиции, ее эффективности, оценки уголовного дела с точки зрения судебной перспективы.

По сведениям МВД России, в 2011 г. мошенничество занимало 6,1 % в общей структуре преступности, в 2012 г. — 7,0 %, в 2013 г. — уже 7,5 %⁶. В 2013 г. из 164629 зарегистрированных мошенничеств (ст. 159—159.6 УК РФ) рост по отношению к 2012 г. составил 1,6 %, предварительно расследовано 76348 — рост 0,6%, из них направлено в суд 66374 — рост 7,5 %⁷.

По данным Министерства юстиции РФ и Судебного департамента при Верховном Суде РФ, которые были озвучены на конференции в Институте проблем правоприменения⁸, в последние годы в местах лишения свободы реально отбывали наказание около 7—8 тыс. предпринимателей, осужденных за совершение экономических преступлений, что составляет 0,8—1 % от общего числа лиц, находящихся в местах лишения свободы.

Исследования, проведенные Институтом проблем правоприменения, позволили сделать выводы: 1. Маргинальные слои населения системно отрицательно дискриминируются, т.е. с большей вероятностью изолируются от общества и попадают в места лишения свободы, чем все другие группы. Суды усиливают уклоны полиции и следствия. 2. Неравенство перед законом и судом, однако, не носит однородного характера и не повторяет социальную стратификацию. Есть отдельные привилегии для студентов или правоохранителей и, наоборот, отрицательная дискриминация для правоохранителей и высокостатусной группы предпринимателей. 3. Подтверждается основное утверждение конфликтной криминологии об уголовной юстиции (шире — государства) как инструмента репрессий элиты против нижнего социального слоя. Кроме того, подтверждается конфликт между государственной бюрократией и предпринимателями⁹.

Следовательно, тезис о том, что предприниматели подвергаются неоправданным уголовным репрессиям — миф. Исходная посылка НУЭП является ложной, законодатель и общественность были намеренно введены в заблуждение.

Изменила ли предпринимательскую активность НУЭП? Приведем данные об активности предпринимателей в России из Национального отчета глобального мониторинга предпринимательства (Global Entrepreneurship Monitor, GEM)¹⁰.

Активность, %	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Ранних предпринимателей	4,9	2,7	3,5	3,9	3,9	4,6	4,3
Устоявшихся предпринимателей	1,2	1,7	1,1	2,3	2,8	2,8	2,1
Общая предпринимательская	5,6	4,3	4,4	6,0	6,6	7,4	6,3

Можно сделать вывод, что предпринимательская активность в России остается на низком уровне. Рост общей предпринимательской активности наблюдается с 2009 г., однако достичь уровня 2006 г. в преодолении начального этапа бизнес-деятельности к 2012 г. не удалось. Россия занимает 67 место среди 69 стран-участниц проекта по количеству людей, вовлеченных в создание и управление новыми компаниями.

В пояснительных записках к законопроектам об изменении УК РФ и УПК РФ часто заявлялось, что их целью является повышение инвестиционной привлекательности России. Покажем итоги реализации проводимой уголовной политики по достижению этой цели¹¹.

Млрд. \$	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Прямые	27,8	27,0	15,9	13,8	18,4	18,7	26,1
Всего	120,9	103,8	81,9	114,7	190,6	154,6	170,2

Из таблицы видно, что к 2013 г. Россия после небольшого снижения приблизилась по показателю инвестиционной привлекательности к уровню 2011 г. Резкий спад инвестиций в Россию наблюдается в 2009 г. За 2011–2012 гг. произошло определенное ускорение с инвестициями, при этом прямые инвестиции колеблются ближе к уровню 2008 г.

Официальные лица уверяют о повышении эффективности налогового администрирования. Однако неуклонно растут налог на прибыль и платежи по налогу на доходы физических лиц, резко увеличились акцизы, произошел скачок (почти в два раза) отчислений от продажи ресурсов. Напрашивается вывод об улучшении благосостояния ресурсных компаний; что же касается иных предприятий и работников, то их финансовое положение меняется в том смысле, что возросло потребление подакцизных товаров.

Нельзя не заметить катастрофическое ухудшение показателей противодействия налоговой преступности. Созданный правовой механизм возбуждения уголовных дел в отношении лиц, совершающих налоговые преступления, работает плохо; более того, можно говорить о системном кризисе следственной и оперативно-разыскной деятельности в данной сфере. В юридический капкан попали правоохранители, вся уголовная юстиция, а страдать будет общество, ввиду практически полного отсутствия мер уголовно-правового воздействия на недобросовестных налогоплательщиков. Президент России В.В. Путин заметил, что преступления в сфере налогового законодательства практически не выявляются, ст. 198 и 199 УК РФ почти перестали работать. В некоторых регионах России уголовные дела о налоговых преступлениях вообще не возбуждаются. В

Москве по результатам вынесенных судебных решений и приговоров нарушителям налогового законодательства надлежало возместить один млрд. руб. Из них фактически было возмещено четыре млн. руб., то есть ноль. Из всех уголовных дел, которые были рассмотрены, только три человека осуждены, причём два из них — условно¹².

Наконец, в России наблюдается устойчивая тенденция падения ВВП¹³.

Год	Значение темпов роста ВВП, % Россия	Значение темпов роста ВВП, % мира в целом
2007	8.5	5.2
2008	5.2	3.1
2009	-7.8	-0.8
2010	4.3	5.1
2011	4.3	3.7
2012	3.6	3.3
2013	1,3	2,2

Итак, экономические достижения последних лет не впечатляют. Можно констатировать, что запланированных результатов в сфере экономики НУЭП не достигла. Произошло только усиление неравенства между богатыми и бедными. Между тем, в 2014 г. резко ухудшилась геополитическая обстановка, в которой находится Россия. Очевидно, что последствия взаимных экономических санкций для российской экономики будут тяжелыми. В виду новых угроз необходимо менять политику, в том числе уголовно-правовую. Нация должна быть единой, а не расколотой по социальному положению. На первый план выходят задачи борьбы за деофшоризацию экономики, противодействия незаконному оттоку капиталов, но, главное, как никогда актуальной стала защита прав потребителей от преступных действий продавцов, производителей и исполнителей услуг.

¹ Центр правовых и экономических исследований Leccs-центр. Сайт Института Современного Развития. URL: <http://leccs-center.hse.ru>.

² См.: Постановление Государственной Думы от 2 июля 2013 г. № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии» // Российская газета. 2013. 4 июля.

³ Из запланированных 100 тысяч амнистий воспользовались, как мы и предполагали, несколько сотен предпринимателей-преступников. Один из инициаторов этой амнистии — Борис Титов утверждал: «Экономическая амнистия освободит около ста тысяч человек». URL: <http://www.rg.ru/2013/06/26/amnistiya-anons.html>.

⁴ Бизнес-омбудсмен попросит продлить амнистию для предпринимателей еще на полгода. URL: <http://www.finmarket.ru/life/article/3632790>.

⁵ См.: Портал правовой статистики. URL: <http://www.crimestat.ru>.

⁶ См.: Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: mvd.ru.

⁷ Там же.

⁸ Эти данные обсуждались на международной конференции «Обвинение и оправдание в постсоветской криминальной юстиции», проводившейся ИПП Европейского университета в г. Санкт-Петербурге 17-18 мая 2013 года. URL: http://www.youtube.com/watch?v=RP4FVon8acs&list=PLy6kLVdplkKyGhFsanfFS_90fTvjRs_or. См. об этом также: Выступление В. Волкова на Полит.Ру. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=QiOgDd3j9Ns>.

⁹ См.: Волков В. Статутные уклоны в судах общей юрисдикции: эмпирическое исследование влияния социального статуса подсудимого на приговор. М, 2013.

¹⁰ См.: Национальный отчет. Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2012. URL: http://www.gsom.spbu.ru/files/upload/research/gem/gem_full_13.pdf.

¹¹ См.: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: www.gks.ru/bgd/regl/b13_56/Main.htm.

¹² См.: Заседание наблюдательного совета Агентства стратегических инициатив 14 ноября 2013 года. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19625>.

¹³ См.: Мировая экономика и мировые рынки. URL: www.ereport.ru.

А.П. Алексеева*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ ОТ ИНФОРМАЦИИ, ПРИЧИНЯЮЩЕЙ ВРЕД ИХ ЗДОРОВЬЮ И РАЗВИТИЮ

8 мая 2014 г. в Государственную Думу Федерального Собрания РФ был внесен проект № 516304-6 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию”»¹. В пояснительной записке к Законопроекту обоснованы мотивы разработки этого документа — введение дополнительных ограничений на доступ детей к информации, способной оказать негативное влияние на их патриотическое воспитание.

По мнению авторов законопроекта, исправить существующую ситуацию смогут следующие изменения Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»²: дополнение статьи 2 пунктом 14 «патриотизм — любовь к отечеству, преданность ему, стремление своими действиями служить его интересам» и дополнение пункта 2 статьи 5 подпунктом 9 «отрицающая или искажающая патриотизм».

На наш взгляд, данную законодательную инициативу нельзя оценить однозначно. Во-первых, довольно странным выглядит место размещения определения понятия «патриотизм» — Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», которое законодатель никак не объясняет и не комментирует. Думается, что более подходящим для него был бы Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»³ или Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»⁴.

Во-вторых, не совсем удачным представляется само толкование понятия «патриотизм» законодателем. Характерной чертой понимания «патриотизма» в России является стремление законодателя привить населению «любовь к отечеству» законодательными ограничениями и в строго одностороннем порядке. Однако уже давно большинство ученых пришло к выводу о том, что невозможно заставить людей любить государство, которое не любит своих граждан. Эта «любовь» должна быть взаимной.

* Алексеева Анна Павловна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права ФГКОУ ВПО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации».

«Любовь» государства люди оценивают, прежде всего, по комфортности жизни, по заботе представителей власти о гражданах, по их деятельности, уважительному отношению к потребностям и проблемам населения. «Любовь» государства реализуется в ежедневном общении граждан с представителями власти, в котором люди должны ощущать, видеть, чувствовать, понимать, что государству не безразличны их нужды.

В повседневной же российской жизни граждане постоянно сталкиваются с абсолютно иной реальностью: многие правильные законодательные инициативы, призванные наладить диалог между гражданами и властью, не находят поддержки у высших руководителей. Такие законопроекты рассматриваются Государственной Думой Федерального Собрания РФ годами, после чего снимаются с обсуждения. Подзаконные акты, направленные на регламентацию порядка общения руководителей государственных учреждений с населением, устранение очереди на прием, внедрение современных технологий в процесс обмена информацией между властными структурами и населением, либо не принимаются, либо отменяются как неэффективные.

Так, своеобразным прорывом в 2011 г. было принятие Административного регламента МВД России № 1221 по осуществлению приема граждан⁵. В пункте 154 данного Регламента закреплено положение о том, что «граждане принимаются в порядке очередности. Лица, имеющие льготы в соответствии с действующим законодательством, а также беременные женщины и граждане с малолетними детьми принимаются вне очереди. Иногородние посетители принимаются в день обращения. Допускается осуществление приема граждан по предварительной записи». Причем «срок ожидания гражданина в очереди для записи на личный прием не должен превышать тридцати минут» (пункт 48).

Ограничение времени ожидания граждан в очереди было определенным проявлением уважения к людям со стороны этой структуры. Такое нововведение потребовало пересмотра режима их деятельности, более эффективной организации работы. Хотя отсутствие возможности это сделать, или желания, привело к тому, что в 2013 г. Регламент № 1221 утратил силу⁶, а вместо него был принят другой документ — Инструкция об организации рассмотрения обращений граждан № 707⁷. Из текста Инструкции № 707 все временные ограничения ожидания граждан в очереди были исключены, тогда как норма, закрепляющая прием граждан в порядке очередности, хоть и без перечня исключительных случаев, но осталась (пункт 183).

Стоит учесть, что на протяжении всего срока существования «милиции» она воспринималась населением не иначе как аппарат государственной власти и подавления. Между тем «полиция» теперь позиционирует себя в качестве «защитника» людей, попавших в трудную жизненную ситуацию. Она должна со временем стать обычной социальной службой помощи населению в сложных правовых вопросах, как это принято уже давно во многих зарубежных странах. Для этого следовало бы изменить

и отношение полицейских к гражданам. Но, как видим, все усилия в этом направлении пока не находят поддержки.

У граждан, обращающихся в органы власти, часто создается впечатление равнодушного, даже высокомерного отношения сотрудников данных органов к их проблемам. Этому способствуют некоторые ограничения, содержащиеся в ведомственном законодательстве. Так, пункт 59.3 Регламента № 1221 предписывал должностным лицам органа внутренних дел соблюдать временной режим общения с гражданами, который не должен был выходить за рамки тридцати минут. Пункт 12 другого Административного регламента по приему, регистрации и разрешению заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях № 140⁸ ограничивает сегодня полицейских в общении с заявителем десятью минутами. Думается, что такой порядок не способствует появлению позитивного отношения населения к представителям власти, и вряд ли может вызвать какую-либо другую реакцию у граждан, кроме раздражения.

Неумелая организация деятельности представителей власти, создающая бесконечные препятствия для обращения граждан, очереди, отделяет управляющие структуры от людей, противопоставляя себя населению. Из этого противопоставления возникает недоверие, обида, разочарование. Все усилия патриотического воспитания населения нивелируются данными действиями. Хотя проявить заботу о людях сегодня, в век высоких компьютерных технологий, не так уж и сложно. Практически во всех бизнес-структурах (банках, коммерческих организациях, и т.д.) уже давно успешно действует предварительная запись через Интернет; электронная очередь, управляемая с помощью терминала самообслуживания и информационного табло; и т.д. Эти технологии есть, благополучно применяются, при наличии мотивации. В государственных же структурах они внедряются не очень быстро, поскольку ведут к утрате «значимости» каждого конкретного сотрудника, требуют от них более высокой самоорганизации.

На этом фоне «нелюбви» органов власти к населению у государства остается чуть ли не единственная тема для патриотического воспитания, которая вызывает отклик у всех жителей нашей страны — это военно-патриотическая тема. Однозначного одобрения заслуживает инициатива по просвещению населения об историческом наследии России, по поддержке и помощи ветеранам и т.д. Однако военная тематика не может и не должна быть единственной для патриотического воспитания. Подрастающему поколению нужно прививать любовь к Родине не только примерами военных героев, о которых вспоминают преимущественно по каким-то историческим датам (в День Победы в Великой Отечественной войне или в День Победы в Сталинградской битве).

Это должна быть ежедневная взаимная работа власти и населения, направленная на взаимное стремление своими действиями служить интересам друг друга. Только такой подход позволит людям испытывать на-

стоящую гордость за принадлежность именно к нашей стране, любовь и преданность своему Отечеству.

¹ См.: Проект федерального закона № 516304-6 от 8 мая 2014 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(SpravkaNew\)?OpenAgent&RN=516304-6&02](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(SpravkaNew)?OpenAgent&RN=516304-6&02) (дата обращения: 08.06.2014).

² См.: Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (в ред. от 2 июля 2013 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 1, ст. 48.

³ См.: Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (в ред. от 2 декабря 2013 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3802.

⁴ См.: Федеральный закон от 20 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в ред. от 27 мая 2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53 (ч. 1), ст. 7598.

⁵ См.: Приказ МВД России от 12 декабря 2011 г. № 1221 «Об утверждении Административного регламента системы Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению приема граждан, обеспечению своевременного и в полном объеме рассмотрения устных и письменных обращений граждан, принятию по ним решений и направлению заявителям ответов в установленный законодательством Российской Федерации срок» // Рос. газета. 2012. 4 апр.

⁶ См.: Приказ МВД России от 25 июля 2013 г. № 555 «О признании утратившим силу приказа МВД России от 12 декабря 2011 г. № 1221» // Рос. газета. 2013. 23 авг.

⁷ См.: Приказ МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707 «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 17 янв.

⁸ См.: Приказ МВД России от 1 марта 2012 г. № 140 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации предоставления государственной услуги по приему, регистрации и разрешению в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // Российская газета. 2012. 1 авг.

С.М. Баймолдина*

СУБЪЕКТ НАРУШЕНИЙ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

В уголовно-правовой науке учение о субъекте преступления занимает одно из центральных мест, а сам субъект преступления большинством ученых рассматривается в качестве основного элемента состава преступления. В соответствии с ч. 1 ст. 14 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее УК РК) уголовной ответственности в данном государстве подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее установленного возраста. Из приведенного нормативно-правового положения вытекает, что субъект преступления должен обладать следующими признаками:

- 1) принадлежность к человеческому роду (физическое лицо);
- 2) достижение возраста, с которого наступает уголовная ответственность;
- 3) вменяемость.

* Баймолдина Светлана Маликовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева.

Отсутствие хотя бы одного из перечисленных признаков субъекта преступления свидетельствует об отсутствии состава преступления в целом, в связи с чем нет и основания для привлечения лица к уголовной ответственности¹.

УК РФ предусматривает равенство всех лиц перед законом независимо от происхождения, пола, расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, места жительства или любых иных обстоятельств (ч. 2 ст. 14). Данный принцип гарантируется конституционными нормами, отраженными в статье 14 Конституции Республики Казахстан.

«Лицо, виновное в совершении преступления, подлежит уголовной ответственности и наказанию или иным мерам уголовно-правового воздействия, предусмотренным уголовным законом, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом (дипломатические и иные иммунитеты, поощрительные, уголовно-поощрительные нормы и др.)»².

К физическим лицам, подлежащим уголовной ответственности, относятся граждане Республики Казахстан, а также лица без гражданства, иностранные граждане, совершившие преступление на территории Республики Казахстан.

Возрастные критерии субъекта преступления имеют исключительно важное значение, так как уголовный закон устанавливает минимальные и максимальные возрастные пределы, в которых лицо, совершив общественно опасное уголовно-наказуемое деяние, несет уголовную ответственность.

В процессе исторического развития возрастные критерии субъекта преступления менялись в зависимости от вида преступного посягательства, а также морально-нравственных ценностей общества. В основу определения возрастных границ уголовной ответственности входили физиологические особенности несовершеннолетнего ребенка, который в силу незрелости не мог дать адекватную оценку своим действиям (бездействию), а также наступающим в результате их совершения общественно опасным последствиям.

Проблемам преступности несовершеннолетних посвящено немало научных трудов отечественных и зарубежных ученых. Так, например, характеризуя преступное поведение подростков, М.С. Нарикбаев отмечает, что «в подростковом периоде весьма низок уровень тормозной реакции в поведении и, напротив, усилена активность действий, что обуславливает высокую степень непостоянства в поведении, определяет мотивационную сторону его поступков (зачастую непредсказуемых), а также влияет на специфику умысла и форму осуществления тех или иных намерений. Как правило, подросток идет на противоправные действия под влиянием внезапно возникших у него желаний и без весомых побудительных причин, не задумываясь о его последствиях»³.

Мнения ученых относительно возраста уголовной ответственности расходятся: одни считают целесообразным снижение нижних возрастных

границ, другие — наоборот, их повышения, третьи предлагают новые нормы возрастных исчислений.

Возраст как признак субъекта преступления влияет на уголовную ответственность лиц, совершивших общественно опасное деяние, а также самым тесным образом связан со всеми институтами уголовного права, в связи с чем требует своего дальнейшего осмысления и уточнения с современных позиций видения и совершенствования действующего уголовного законодательства на основе данных психологии, медицины, педагогики и других наук⁴.

Одним из необходимых признаков субъекта преступления является вменяемость. Невменяемость, будучи категорией, противоположной невменяемости, представляет собой такое состояние лица, когда оно не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) или руководить ими вследствие хронического психического заболевания, временного психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния психики (ч. 1 ст. 16 Уголовного кодекса Республики Казахстан; далее — УК РК).

Проблема невменяемости — одна из наиболее сложных, до конца не изученных проблем как в судебной психиатрии, так и в науке уголовного права, хотя ей посвящено значительно больше работ, нежели вменяемости. И если в судебной психиатрии невменяемость является центральной категорией по своей научной и практической значимости, то в теории и практике уголовного права ее значение не меньше, поскольку она самым тесным образом связана с институтами вины, уголовной ответственности и наказания, а также играет важную роль в соблюдении законности в отношении психически больных лиц, совершивших преступное деяние.

Медицинский критерий невменяемости представляет собой обобщающий перечень психически болезненных расстройств, которые подразделяются на 4 группы:

- 1) хроническое психическое расстройство;
- 2) временное психическое расстройство;
- 3) слабоумие;
- 4) иное болезненное состояние психики.

Первая группа включает непрерывно или приступообразно протекающие психические заболевания, имеющие тенденцию к прогрессированию и приводящие к глубоким и стойким личностным изменениям: шизофрения, старческое слабоумие, пресенильные психозы, прогрессивный паралич и др.

Во вторую группу входят психические расстройства, имеющие различную продолжительность и заканчивающиеся выздоровлением. Сюда относятся алкогольные психозы в форме делирия, галлюциноза, параноида, реактивные психозы, исключительные состояния.

Третья группа болезней, составляющих медицинский критерий, объединяет все случаи различных по этиологии состояний стойкого снижения психической деятельности, сопровождающихся поражением интеллекта, в

первую очередь мышления, памяти и критики, необратимыми изменениями личности, выраженным нарушением или невозможностью социального приспособления.

Четвертая группа включает состояния, не являющиеся психическими заболеваниями в узком смысле этого слова, но характеризующиеся теми или иными нарушениями психической деятельности: психопатии, психический инфантилизм и некоторые случаи глухонемоты⁵.

В психологии различают несколько основных видов психических процессов или «сфер» психики, которые в совокупности составляют нормальное функционирование психики человека: 1) восприятие (чувственное познание); 2) мышление; 3) память; 4) эмоции (чувства, переживания); 5) волевые процессы. Для нормальной психической деятельности необходимо совокупное функционирование всех сторон психики, поэтому нарушения в работе одной из этих сторон искажают согласованное действие, как отдельный неправильный фрагмент мозаики изменяет весь рисунок.

В психопатологии различают следующие виды психических расстройств: расстройство восприятия, расстройства мышления, расстройство эмоций, расстройство воли, расстройство памяти, аффективные синдромы, бредовые и галлюцинаторно-бредовые синдромы, кататонические синдромы, синдромы нарушения сознания, синдромы интеллектуального снижения - синдромы слабоумия.

В связи с тем, что большая часть преступлений совершается на фоне психопатогенных состояний, уголовное законодательство Республики Казахстан исключает уголовную ответственность для невменяемых лиц (ч. 1 ст. 16 УК РК).

Совершенное психически больным под влиянием бреда или в период расстроенного сознания или в ином болезненном состоянии опасное деяние (например, убийство), конечно, является фактом, свидетельствующим об особой общественной опасности больного. Однако может быть и так, что совершенное больным общественно опасное деяние по характеру незначительно, но по психическому состоянию больной представляет большую общественную опасность. Еще выдающиеся отечественные психиатры В.П. Сербский и Е.К. Краснушкин указывали, что опасность, представляемая больным, обуславливается не только совершенным уже деянием, но и возможностью повторения других опасных деяний, предсказать время совершения и характер которых иногда невозможно. Одни больные представляют выраженную общественную опасность в связи с наличием у них стойких или часто рецидивирующих болезненных состояний с агрессивным поведением, определяемым бредом преследования, отравления, воздействия, ущерба, бредом ревности, ипохондрическим бредом. Другие опасны для окружающих в связи со склонностью к непредсказуемым аффектным вспышкам, насилию, вандализму жестокости. Третьи — злобные, агрессивные, мстительные, активные и непрогнозируемые в своем поведении⁶.

В связи с этим уголовным законодательством по отношению к лицам, признанным невменяемыми в момент совершения общественно опасного деяния, предусматривается возможность применения принудительных мер медицинского характера (ч. 1 ст. 16 УК РК).

Лица, психическое состояние которых относится к ограниченной (уменьшенной) вменяемости, подлежат уголовной ответственности, и к ним также могут быть применены принудительные меры медицинского характера (ст. 17 УК РК)⁷.

Нарушение нормального функционирования психики происходит также вследствие употребления психоактивных веществ: этанол, различные лекарственные препараты, наркотические средства, химические соединения. Находясь под воздействием указанных препаратов, лицо искаженно воспринимает окружающую действительность, имеет сумеречное состояние сознания, испытывает болезненное возбуждение, что может привести к совершению общественно опасных деяний. В связи с этим лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ, в соответствии со статьей 18 УК РК не освобождается от уголовной ответственности⁸.

В теории уголовного права выделяют общего и специального субъекта преступления. Специальный субъект преступления — это лицо, которое, наряду с общими признаками субъекта преступления (физическая природа, достижение определенного возраста, вменяемость), должно обладать еще и дополнительными признаками, предусмотренными соответствующими статьями Особенной части УК РФ.

Согласно п. «г» ч. 3 ст. 184, 184-1 УК РК, квалифицирующим признаком незаконного использования объектов авторского права и смежных прав, промышленных образцов, полезных моделей и изобретений является его совершение лицом с использованием служебного положения.

При решении вопроса о применении той или иной меры наказания за преступления, связанные с нарушением прав интеллектуальной собственности, важным является учет всех обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого. Это необходимо для выявления и устранения причин и условий, способствующих нарушению прав интеллектуальной собственности, разработки эффективных мер их предупреждения, избрания меры пресечения в отношении обвиняемого или подозреваемого в совершении такого преступления. Судебно-следственные органы должны учитывать гражданство, место работы, трудовой стаж, занимаемую должность, род занятий, возраст, состояние здоровья, семейное положение, отношение к труду, общественной работе, характеристику коллектива по месту работы, привычки, увлечения и др. факторы, характеризующие лицо, совершившее преступление. Для правильной квалификации содеянного также необходимо четко определить занимаемую лицом должность, должностные обязанности, должностные инструкции, по которым он работает, наличие

в его деятельности информации, связанной с государственной или коммерческой тайной, наличие творческих работ, выполненных в соавторстве с другими авторами, с другими правообладателями, наличие регистрационных свидетельств на результаты интеллектуальной деятельности и т.д.

Детальное изучение субъекта нарушения прав интеллектуальной собственности имеет важное практическое значение для определения мотива преступного поведения и степени общественной опасности совершенного преступления, индивидуализации наказания, выявления факторов, детерминирующих нарушение прав интеллектуальной собственности, и выработки эффективных мер борьбы с данными посягательствами.

Как показало изучение судебной практики, нарушителями прав на объекты интеллектуальной собственности являются лица разных социальных слоев, при этом осужденные ранее не привлекались к уголовной ответственности. Некоторые субъекты обладали специальными навыками и определенными творческими способностями. Иногда преступники использовали для совершения преступления свои служебные полномочия. Категория лиц, выполнявшая при незаконном использовании объектов интеллектуальной собственности функции продавца, курьера, менеджера, имела среднее или незаконченное высшее образование, некоторые из них являлись студентами высших учебных заведений.

Преступлениями данного рода занимаются в большинстве своем жители городов или крупных населенных пунктов (85%). Это связано с тем, что в городах индустрия изготовления и распространения контрафактной продукции находится на более высоком уровне по сравнению с небольшими населенными пунктами.

В связи с тем, что законными правообладателями авторских и смежных прав, промышленных образцов, селекционных достижений, топологий интегральных микросхем и других прав интеллектуальной собственности могут быть юридические лица, возникает необходимость введения уголовной ответственности юридических лиц за нарушения прав интеллектуальной собственности. Данная идея получила широкое распространение в зарубежных странах с развитой индустрией интеллектуальной собственности.

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан / отв. ред. И.Ш. Борчашвили, Г.К. Рахимжанова. Караганда, 1999. С. 56.

² Агыбаев Г.А. Действие уголовного закона во времени и пространстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алматы, 2005. С. 24.

³ Нарикбаев М.С. Правовая охрана детства в Республике Казахстан. Алматы, 1996. С. 147.

⁴ См.: Павлов В.Г. Субъект преступления и уголовная ответственность: монография. СПб., 2000. С. 41.

⁵ См.: Жариков Н.М., Морозов Г.В., Хитрин Д.Ф. Судебная психиатрия. Учебник для вузов / под общ. ред. Г.В. Морозова. М., 1999. С. 40.

⁶ См.: Волков В.И. Судебная психиатрия. Курс лекций. М., 1908. С. 106.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

И.Н. Вишневецкая*

РОЛЬ ПРАКТИКИ В ОБНОВЛЕНИИ И КОРРЕКТИРОВКЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Уголовно-правовая практика, будучи одним из элементов механизма уголовно-правового регулирования, непосредственно связана с созданием и функционированием уголовно-правовых норм. Практика служит показателем качества уголовного законодательства, сигнализирует о его недостатках (пробелах и противоречиях), выявляет назревшие потребности его совершенствования. Функция обновления и корректировки правовых предписаний отражает обратное воздействие правоприменительной уголовно-правовой практики на процесс правотворчества. Благодаря посылам практики законодатель принимает решение о необходимости обновления уголовного законодательства путем внесения в него поправок.

С точки зрения юридической практики, правотворчество — это практическая юридическая деятельность по принятию, изменению и отмене правовых норм, а также объективированный результат такой деятельности, выраженный в соответствующих нормативно-правовых актах. Правотворческая практика является первичной, базовой для иных видов юридической практики — интерпретационной и правоприменительной. Именно правотворческая практика, прежде всего, определяет содержание и степень развития интерпретационной и правоприменительной практики. Вместе с тем следует учитывать, что взаимодействие правотворческой, интерпретационной и правоприменительной практики носит не односторонний характер. Интерпретационная и правоприменительная практика оказывают активное обратное воздействие на правотворчество. Правоприменительная практика является критерием и показателем эффективности уголовного законодательства, выявляя его недостатки, противоречивость, декларативность, нередко излишнюю казуистичность, а также возможную пробельность, под которой следует понимать несвоевременную криминализацию относительно распространившихся общественно опасных деяний, требующих уголовно-правового запрета. Однако практика может сигнализировать и об обратном, т.е. о необходимости декриминализации деяний, утративших свою общественную опасность. Именно по сигналам практики законодатель должен более оперативно восполнять пробелы в действующем УК РФ, устранять противоречия и коллизии уголовно-правовых норм, совершенствовать, в случае необходимости, иноотраслевое правовое регулирование отношений, обеспеченных уголовно-правовой охраной.

В юридической науке во взаимодействии правотворчества и юридической практики предлагается выделять определенные стадии: первая стадия связана непосредственно с установлением правовых норм, принятием

* Вишневецкая Ирина Николаевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

(изменением, отменой) законодательства, вторая — с отслеживанием результата правового регулирования с точки зрения достижения (недостижения) преследуемых законодателем целей и эффективности действующего закона, третья — получение законодателем информации о результатах действия закона (через опубликование судебной и иной юридической практики, социологические опросы, публикации средств массовой информации и т.д.); четвертая — восприятие законодателем рекомендаций, выработанных юридической практикой¹.

Конечно, данная схема взаимодействия правотворчества и юридической практики носит весьма схематичный характер и не учитывает всего многообразия данного механизма, но главная идея здесь выражена достаточно четко — правотворчество не заканчивается с принятием (изменением, отменой) правовых норм, законодатель должен отслеживать результаты действия закона, осуществлять мониторинг действующего законодательства и оперативно реагировать на возможные негативные последствия его реализации.

Правоприменительную практику в сфере уголовного законодательства в зависимости от субъекта, ее осуществляющего, можно подразделить на судебную, надзорно-прокурорскую, следственную, уголовно-исполнительную. Каждая из этих разновидностей практики оказывает определенное воздействие на уголовное правотворчество, но особо значимая роль принадлежит судебной практике.

Плодотворным является предложение выделять текущую, прецедентную и руководящую судебную практику. Под текущей практикой, по мнению В.М. Лебедева, следует понимать опыт применения законодательства, выраженный в решениях судов по конкретным делам. Это «первичная» форма судебной практики, где намечаются подходы к решению той или иной категории юридических дел. Прецедентной практикой необходимо считать опыт применения законодательства, выраженный в решениях высших судебных органов по конкретным делам, причем решениях принципиального характера. Решения имеют принципиальный характер в том случае, если текущая правоприменительная практика свидетельствует о неоднозначном понимании (толковании) правовых норм, когда при одних и тех же обстоятельствах принимаются различные решения². Прецедентная практика дает остальным судам образец толкования и применения закона. При этом прецедентное значение имеет не само решение высшего судебного органа, а «ratio decidendi», т.е. доводы и обоснование, суть правовой позиции судьи, на основе которой выносится решение. Следование правоприменительной практики таким «правовым позициям» высших судебных инстанций приводит фактически к ее единообразию, формированию определенной «линии судебной практики при рассмотрении конкретных категорий уголовных дел»³. Н.А. Лопашенко, например, критически оценивает такую устоявшуюся линию судебной практики, в соответствии с которой должностными лицами — субъектами взяточничества стали

признаваться преподаватели вузов⁴. При этом не всегда учитывается, что вузовский преподаватель наделяется свойственными должностным лицам организационно-распорядительными функциями, например, «полномочиями по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия», лишь в тех случаях, когда он участвует в приеме экзаменов и выставлении оценок в качестве члена государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии⁵.

Следовательно, определение судебного прецедента как своего рода «образца» для разрешения аналогичных дел означает придание прецедентного характера именно правовой позиции, т.е. обоснованию, доводам, мотивировке, аргументам, которые содержат решения высших судов и в силу своего авторитета рассматриваются как обязательные для нижестоящих судов. Однако, приобретая нормативный характер, правовые позиции, вместе с тем, нормами права не становятся⁶. Такая трактовка судебного прецедента отличается от смысла, заложенного в традиционной доктрине английского прецедента.

Руководящей судебной практикой, считает В.М. Лебедев, является опыт применения законодательства в особых актах центральных судебных органов, в которых данные практики обобщенно, «вторично» формулируются в виде конкретизирующих нормативных предписаний. Это высшая форма практики, где опыт применения законодательства не связан непосредственно с отправлением правосудия по конкретному делу⁷. Правоположения, образующие эту вторичную практику, «наиболее полно раскрывают свое интеллектуально-волевое содержание, приближаются к нормативным предписаниям правотворчества, к нормам права... Более того, по существу такого рода предписания подчас конкретизируют важнейшие моменты закона и в силу этого являются положениями, «достойными» иметь статус юридических норм»⁸. В этом отношении представляется правильным определение наработанного практикой опыта применения уголовно-правовых норм как своего рода способа их предзаконодательного моделирования, апробирования и совершенствования⁹.

По мнению О.Н. Бибика, судебная практика может рассматриваться в качестве социального источника уголовного права, т.к. сформулированные в ней правовые позиции: 1) формируют представление о тех или иных нормах уголовного права; 2) являются материалом для формулирования новых уголовно-правовых норм¹⁰. При этом роль социальных источников, под которыми автор понимает факторы, влияющие на формирование и реализацию уголовно-правовых норм, но сами лежат вне отраслевой правовой материи, состоит в том, что они создают определенные условия для появления норм уголовного права и перспективно либо ретроспективно формируют у субъектов, осуществляющих правотворчество и реализацию норм уголовного права, представления о содержании данных норм¹¹.

Примером реального осуществления функции обновления и корректировки уголовного законодательства является отказ законодателя от одной

из форм множественности преступлений — неоднократности. Такое решение было predeterminedено практикой применения уголовного закона, которая свидетельствовала о том, что признак неоднократности фактически перекрывался уже имеющимися формами множественности преступлений¹².

Или другой пример: в соответствии с ч. 3 ст. 61 УК, если смягчающее обстоятельство, указанное в ч. 1 этой статьи, предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться как обстоятельство, смягчающее наказание. Последнее правило есть законодательное закрепление сложившейся судебной практики¹³.

Таким образом, если в классическом понимании под судебным прецедентом признают решение суда по конкретному юридическому делу, создающее новую норму права и обязательное для судов при рассмотрении аналогичных дел¹⁴, то в таком смысле в российском праве судебный прецедент пока не признается. Но уже сейчас определенные судебные решения могут рассматриваться как смысловое развитие общих уголовно-правовых предписаний и как содержащие, соответственно, нормативные положения. Применительно к уголовному праву такими решениями, на наш взгляд, являются:

правовые позиции и решения Конституционного Суда РФ по поводу оценки конституционности уголовного законодательства;
постановления Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющие судебную практику по уголовным делам.

Прецедентный характер в данных правовых актах, в отличие от решений высших судебных инстанций по конкретным уголовным делам, имеют не только мотивировочная, но и резолютивная часть, т.е. само решение, которое в этом случае приобретает нормативный характер, формулирует новую норму права. При этом такая норма устанавливается не сверх закона — «extra legem» или вопреки закону — «contra legem», а дополнительно к закону в целях его конкретизации и детализации, наполнения определенным смыслом.

Необходимость судебного нормотворчества во многом определяется пробельностью и противоречивостью российского уголовного законодательства, что требует активной роли суда. Интересным в связи с этим является тот факт, что даже ученые, не признающие нормативной природы разъяснений Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики, вынуждены признать: «фактически в целом ряде случаев Верховный Суд выходит за пределы своей компетенции и, по сути, создает в своих постановлениях новые уголовно-правовые нормы»¹⁵.

Не будучи признанной официально, судебная практика фактически всегда учитывалась нижестоящими судами в качестве ориентира в вопросах применения и толкования уголовного закона, устранения пробелов в нем. Таким образом, на вопрос, выступает ли судебная практика источником права, видимо, уже следует ответить положительно, но с той оговор-

кой, что не судебная практика в целом, а лишь ее статическая часть — акты судебной власти, а среди последних — решения высших судебных инстанций. Однако при этом следует учитывать, что многие представители научного сообщества критически оценивают подобные взгляды¹⁶.

Кроме того, судебная практика должна рассматриваться не в качестве основного источника уголовного права, которым по-прежнему остается уголовный закон, а как источник, вторичный и производный от уголовного закона¹⁷. Подобное понимание определяется тем, что уголовно-правовые запреты могут устанавливаться только уголовным законом. Судебная практика обеспечивает лишь правотворческую конкретизацию, логическое развитие уголовно-правовых запретов в целях их эффективной реализации. Подобная трактовка правотворческой природы судебной практики органично вписывается в широкое понимание источников уголовного права, предложенное М.Д. Шаргородским, который впервые выделил «источники норм, не создающие новых составов, ... и источники уголовного права, предусматривающие новые составы преступлений (нормы уголовного права в узком смысле этого слова), которые имеют специфические черты»¹⁸. Такое широкое понимание источников уголовного права «позволяет относиться к ним и судебную практику Конституционного Суда РФ, и в особенности судов общей юрисдикции»¹⁹.

Уголовно-правовая практика призвана, с одной стороны, более оперативно и эффективно дополнять действующие механизмы уголовно-правового регулирования, повышая их качество и результативность, определять то значимое и важное, что требует поддержки и развития. С другой стороны, практика призвана выявлять и способствовать устранению нежелательных процессов, противоречий, деформаций, которые имеют место в реальной действительности и не отвечают задачам выполнения уголовным правом своего основного предназначения — укрепления законности и правопорядка. В этом смысле практика может рассматриваться в качестве одной из форм «обратной связи» и призвана сигнализировать о качестве и эффективности действующего уголовного законодательства.

Таким образом, анализируя основные направления взаимодействия уголовного законодательства и практики его толкования и применения, следует отметить, что, по мнению многих специалистов в области уголовного права, сама судебная практика и, прежде всего, решения Конституционного Суда РФ и постановления Пленума Верховного Суда РФ, фактически становятся источниками уголовного права, дополнительными к уголовному закону и производными от него. Кроме того, все большее распространение получает мнение, что решения Верховного Суда РФ по конкретным уголовным делам можно рассматривать в качестве судебного прецедента, если и не в качестве обязательной нормы то, по крайней мере, как прецедента толкования уголовного закона, которому, безусловно, следует правоприменительная практика.

- ¹ Реутов В.П. Юридическая практика и развитие законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1968. С. 9-10.
- ² См.: Лебедев В.М. Судебная власть в современной России. СПб., 2001. С. 187.
- ³ Игнатов А.Н., Красиков Ю.А. Курс российского уголовного права: в 2-х т. Т. 1: Общая часть. М., 2001. С. 62.
- ⁴ См.: Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 131.
- ⁵ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Российская газета. 2009. 30 октября.
- ⁶ См.: Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс: учебное пособие. М., 2005. С. 119; Лазарев Л.В. Конституционный Суд России и развитие конституционного права // Журнал российского права. 1997. № 11. С. 4-7.
- ⁷ См.: Лебедев В.М. Судебная власть в современной России. СПб., 2001. С. 189.
- ⁸ Алексеев С.С. Общая теория права: в 2-х т. Т. 1. М., 1981. С. 354.
- ⁹ См.: Мадьярова А.В. Место и роль разъяснений Верховного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2001. С. 10.
- ¹⁰ См.: Бирик О.Н. Источники уголовного права Российской Федерации. СПб., 2006. С. 159.
- ¹¹ См.: Там же. С. 25.
- ¹² Вместе с тем, термин «неоднократность» и в настоящее время присутствует в качестве криминообразующего признака ряда составов преступлений (ст. 151.1, 154, 178, 180 УК РФ).
- ¹³ См.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / М.П. Журавлев, А.В. Наумов и др. М., 2004. С. 215.
- ¹⁴ См.: Богдановская И.Ю. Прецедентное право. М., 1993. С. 22-23.
- ¹⁵ Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия. СПб., 2004. С. 133. См. также: Коняхин В.П., Огородникова Н.В. Роль судебного толкования уголовного закона в процессе нормотворческой и правоприменительной деятельности // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники. М., 2004. С. 116-119.
- ¹⁶ См., например: Нерсисянц В.С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (о правоприменительной природе судебных актов) // Судебная практика как источник права. М., 1997. С. 34-41; Болдырев Е.В., Иванов В.Н. Судебная практика и уголовное право // Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С.Н. Братуся. М., 1975. С. 243-264; Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 130-132.
- ¹⁷ См.: Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М., 1999. С. 119.
- ¹⁸ Шаргородский М.Д. Уголовный закон // Избранные работы по уголовному праву. СПб., 2003. С. 125.
- ¹⁹ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / под ред. Л.В. Иногумовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М., 2007. С. 17.

А.М. Герасимов*

НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

В демократическом государстве уголовное наказание, представляя собой крайнюю меру императивного воздействия на личность, требует пристального внимания с точки зрения нравственности. Согласно принципу гуманизма, уголовное законодательство обеспечивает безопасность человека и исключает применение к преступнику наказаний, причиняющих физические страдания и унижающих достоинство личности. По этой логике результат применения уголовного наказания должен отражаться исключительно на социальной стороне жизнедеятельности личности, не затра-

* Герасимов Александр Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

гивая свойственные человеку биологические качества. Высвечивающаяся в уголовно-правовом принципе гуманизма идея важна для формирования представления о характере и направленности наказания. Однако она не позволяет однозначно решить вопрос о том, является наказание добром или злом для человека. Уголовное наказание априори обладает элементом принуждения, который неоднозначно оценивается в нравственной плоскости. Сказанное обуславливает потребность обращения к заявленной тематике.

Позиция законодателя относительно нравственного содержания уголовного наказания просматривается сложно и выглядит неоднозначно. Так, согласно ст. 43 УК РФ, наказание заключается в лишении или ограничении прав и свобод лица, признанного виновным в совершении преступления. Складывается впечатление, что наказание направлено против интересов лица, пренебрегшего уголовно-правовой обязанностью по воздержанию от совершения преступления. С позиции нравственности ущемление интересов человека, юридически признанного преступником, ассоциируется с неким возмездием за преступление. В контексте представленной мысли обращает на себя внимание официально провозглашенная в ст. 14 УК РФ угроза наказанием для лиц, готовых совершать виновное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом. Само смысловое значение термина «угроза» в словарях определяется как запугивание, обещание причинить кому-либо вред, зло. Наказание воспринимается как инструмент развития в человеке физической боязни перед уголовным законом. Не случайно С.И. Никулин, рассуждая о пределах уголовно-правового воздействия на преступника, категорично отметил: «Законодатель призван ориентироваться на классический гуманистический принцип — экономии уголовной репрессии, ибо не только преступление есть зло, но и наказание тоже неизбежно есть зло»¹.

Данную точку зрения вряд ли можно признать состоятельной. Согласно известной в науке этике закономерности, противостояние одному злу другим злом порождает еще большее зло, что по определению не может отражать действительного нравственного предназначения наказания. В связи с этим уголовное законодательство, претендующее быть нравственным, функцию возмездия полностью исключает.

На взгляд А.Л. Ременсона, нравственную составляющую наказания характеризует внутренняя противоречивость. С одной стороны, предупреждая преступления и исправляя осужденных, наказание выступает в качестве добра. С другой стороны, наказание является злом, поскольку приводит к ограничению социально полезных прав и свобод осужденного и зачастую к разрыву его связей с другими людьми, общественными институтами и государством².

Суждения А.Л. Ременсона также представляются уязвимыми и не отражающими реального положения вещей в части соотношения уголовного наказания и нравственности. Социально-правовая сущность наказания неделима и не может одновременно олицетворять добро и зло как взаимоисключающие друг друга с позиции морали категории.

Совершенно иное представление о нравственном содержании уголовного наказания возникает при осмыслении ч. 2 ст. 43 УК РФ, согласно которой «наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений». В анализируемых аспектах достижение заявленных целей предполагает нейтрализацию зла за счет публичного осуждения преступника, стимулирования его социальных качеств, морального и правового сознания, позволяющих переосмыслить жизненные ориентиры и в будущем отказаться от совершения общественно опасных посягательств. В свете изложенного стоит согласиться с И.И. Карпецом в том, что наказание «не преследует цели причинения человеку излишних страданий и унижения человеческого достоинства, а это значит, что оно, несмотря на принудительный характер, нравственно оправданно, направлено не против человека, а на то, чтобы сделать человека лучше, не связано с мучительством, унижением человека, хотя и влечет для него различные ограничения и определенные моральные страдания, а это значит, что оно нравственно оправданно»³. Поэтому с позиции своих целей уголовное наказание имеет ярко выраженную нравственную направленность.

Все изложенное относительно позволяет сформулировать адресованные законодателю рекомендации по усилению нравственных начал уголовного наказания. Во-первых, в понятии преступления признак «угроза наказанием» логичнее исключить, а само наказание представить в качестве возможного последствия преступления. Ч. 1 ст. 14 УК РФ можно изложить следующим образом: «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом. За преступление устанавливаются наказание и иные меры, предусмотренные уголовным законом». На наш взгляд, подобные нововведения позволят не только провести четкую грань между преступлением, выступающим социальным злом, и наказанием, ориентированным на восстановление разрушенного этим злом добра, но и снять с наказания функцию инструмента для развития в человеке физической боязни перед уголовным законом.

Во-вторых, цели наказания следует сделать органической частью его определения, поскольку именно в них отражено социальное предназначение уголовного наказания. Понятие наказание можно сформулировать так: «Наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда лицу, признанному виновным в совершении преступления, заключающаяся в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица и применяемая в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений».

¹ Никулин С.И. Нравственные начала уголовного права. М., 1992. С. 56.

² См.: Ременсон А.Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 1965. С. 10.

³ Карпец И.И. Уголовное право и этика. М., 1985. С. 189.

А.В. Голикова*

УСЛОВНОЕ ОСУЖДЕНИЕ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ОТСРОЧКИ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В РОССИИ

Эффективность условного осуждения как реакции государства на совершенное преступление регулярно подвергается переоценке. Причинами сложившейся ситуации следует назвать не столько сложности, которые испытывают органы, обеспечивающие исполнение судебных решений в рамках данного института, и большие возможности для судебскому усмотрения, о которых сказано достаточно много, сколько неясность правовой природы условного осуждения и, как следствие, неопределенность его функционирования.

В отечественной уголовно-правовой науке юридическая природа условного осуждения никогда не имела однозначной трактовки. Для объяснения нашего видения сущности данного правового института рассмотрим имеющиеся теоретические подходы.

1. Если условное осуждение отнести к разновидности уголовного наказания¹, то подтверждаются такие его свойства, которые обозначены в ст. 43 УК РФ:

- является средством государственного принуждения;
- назначается судом;
- назначается за совершение преступления;
- назначается виновному;
- содержит ряд правоограничений;
- является следствием осуждения;
- влечет судимость.

В данном контексте и цель достижения исправления осужденного, указанная законодателем в ст. 73 УК РФ, приобретает смысл.

В то же время такой вид уголовного наказания, как ограничение свободы, во многом дублирует правоограничения, которые суд традиционно налагает на условно осужденных. Лицо, осужденное условно, так же, как и ограниченное в свободе, не меняет место жительства и работы, имеет ограниченный доступ к общедоступным местам и ограничивается в возможности свободного проведения досугового времени. Полагаем, столь разительное сходство в сущности налагаемых правоограничений в случае условного осуждения и ограничения свободы делает нецелесообразным существование двух однопорядковых видов наказаний.

Одним из аргументов в пользу необходимости существования условного осуждения принято считать возможность неприменения лишения свободы в ситуациях, когда лицо совершило преступление, не нуждается в

* Голикова Арина Владимировна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

изоляции от общества, а санкция статьи не позволяет назначить иной вид уголовного наказания, кроме как лишение свободы. Полагаем, что такие случаи носят исключительный характер в связи с большим числом альтернативных видов санкций статей Особенной части УК РФ. Кроме того, в аналогичных случаях, когда суд обоснованно считает нецелесообразным назначение наказания, связанного с изоляцией от общества, а санкция не содержит альтернативных видов наказания, есть возможность применить ст. 64 УК РФ — при условии, что виновный действительно этого заслуживает. Также рассматриваемый аргумент имел бы право на существование, если бы условное осуждение способствовало ограничению применения наказаний, связанных с изоляцией от общества, однако в ст. 73 УК РФ помимо лишения свободы предусмотрены наказания, которые не мешают осужденному оставаться в привычном обществе.

2. В отличие от уголовного наказания, условное осуждение не представляет собой меру ответственности (не предусмотрено в санкциях статей Особенной части УК и не указано в перечне видов наказаний), существует параллельно с назначенным приговором суда уголовным наказанием. Обозначенные свойства, казалось бы, дают возможность отнести условное осуждение к иным мерам уголовно-правового характера. Признаки, позволяющие сделать такой вывод:

назначается судом;

назначается за совершение преступления.

В то же время иные меры уголовно правового характера (принудительные меры медицинского характера и конфискация имущества) не ограничиваются в своем воздействии средствами правоограничений. Считать иные меры правоограничительными не совсем корректно, потому что лицо, подвергающееся медицинскому лечению, объективно нуждается в нем, а имущество, связанное с совершением преступления, не может оставаться вне правового поля, из которого «выпало» благодаря преступным действиям. Кроме того, иные меры уголовно-правового характера не имеют отношения к цели исправления осужденного. Они существуют для восстановления социальной справедливости (придания правового статуса лицам, которые нуждаются в лечении, и придания правового статуса предметам, которые выпали из свободного гражданского оборота) и предупреждения совершения новых преступлений этими людьми или при помощи этих предметов. Таким образом, условное осуждение к иным мерам отнести не получается.

3. Условное осуждение иногда относят к особому правовому институту (по месторасположению в УК РФ) — назначению наказания². Здесь имеется неточность не только терминологического порядка (лицу наказание выбирается судом, но вместо него назначается что-то другое), но и содержательного (условным является не осуждение лица, так как виновный осуждается полноценно, по приговору суда, а исполнение избранной меры наказания).

4. Отнести условное осуждение к правовому институту исполнения уголовного наказания, как это делают некоторые ученые³, можно. При этом следует иметь в виду, что на самом деле наказание не исполняется — виновное лицо не претерпевает на себе тех правоограничений, которые входят в круг исправительных работ, ограничения по военной службе, содержания в дисциплинарной воинской части или лишения свободы. Также сроки назначенного по приговору суда уголовного наказания не совпадают с продолжительностью испытательного срока при условном осуждении. В рассматриваемом аспекте условное осуждение больше всего коррелирует с институтом освобождения от уголовного наказания⁴.

5. Обобщение положений уголовного закона позволяет сделать вывод о том, что все виды освобождения от уголовного наказания связываются законодателем либо с утратой общественной опасности лицом, совершившим преступление (ст. 80.1, 81 УК РФ), либо с его исправлением вследствие реализованного уголовно-правового воздействия в рамках уголовного наказания (ст. 79, 80 УК РФ), либо, в особых случаях (ст. 83 УК РФ), с истечением сроков давности исполнения приговора суда. Освобождение от уголовного наказания в связи с болезнью виновного или существенным изменением обстановки, а также вследствие истечения сроков давности не связано с какими-либо правоограничениями или сроками действия, которые имеют место при условном осуждении. То есть названные виды освобождения от наказания относятся к категории безусловных. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и замена наказания более мягким видом предполагают набор правоограничений, характеризуются рядом условий применения. При этом освобождение от наказания связано с констатацией успешности состоявшегося уголовно-правового воздействия, оказываемого в отношении преступника, которых нет при условном осуждении. Кроме того, перечень наказаний, в отношении которых «показано» применение ст. 79 и 80 УК РФ, позволяет сделать вывод о том, что законодатель указанными правовыми институтами снижает репрессивность назначенного судом наказания, связанного с изоляцией от общества. Следовательно, условно-досрочно освобожденные лица и те, кому назначенное наказание заменено более мягким видом, признаются не нуждающимися в дальнейшей изоляции от общества, в то время как условное осуждение избавляет виновного от отбывания наказания вообще и не только от наказаний, связанных с изоляцией от общества.

Сказанное позволяет рассмотреть условное осуждение в качестве разновидности отсрочки отбывания уголовного наказания, наряду с установленными в статьях 82 и 82.1 УК РФ.

6. Институт отсрочки отбывания уголовного наказания так же, как и условное осуждение, предполагает совершение преступления, наличие обвинительного приговора суда с избранным видом и размером уголовного наказания. При этом сам факт отбывания назначенного наказания ставится судом под условие правопослушного поведения в течение некоторого

(испытательного) срока. Так, в ст. 82 УК РФ критериями правопослушного поведения выступают забота о малолетнем ребенке и отказ от совершения новых преступлений. В ст. 82.1 УК РФ признаками правопослушного поведения выступают добровольное лечение от наркомании и отказ от совершения новых преступлений. В ст. 73 УК РФ признаками правопослушного поведения выступают соблюдение правоограничений, установленных судом, и отказ от совершения новых преступлений. Общим для указанных способов неприменения наказания выступает также срочность периода, в течение которого наказание не применяется.

Отличительная черта условного осуждения в сравнении с отсрочкой отбывания наказания — отсутствие прямой зависимости от личности осужденного (ученые довольно часто пишут о необходимости усилить акцент на индивидуализации ответственности при назначении условного осуждения, что диктуется целью исправления осужденного, задействованной в обосновании применения условного осуждения). Еще более принципиальным моментом следует считать предпосылку временного отказа от исполнения наказания в порядке ст. 82 и 82.1 УК РФ — преимущества социальной пользы перед адекватной уголовно-правовой реакцией государства на преступление. С точки зрения общества гораздо важнее воспитание ребенка и излечение от наркомании, нежели реализация наказания здесь и сейчас. Подобного функционального, социально значимого аспекта в современном условном осуждении нет.

Полагаем, что отнесение условного осуждения к особым правовым институтам, таким как «предусмотренный уголовным законом особый порядок индивидуализации уголовной ответственности...»⁵ или особая «мера уголовно-правового воздействия...»⁶ в процессе правоприменения формирует претензии ученых и практиков к данному правовому институту:

во-первых, достаточно сложно делать выводы о состоявшемся исправлении условно осужденного при отсутствии четких критериев. Требования, которые предъявляет суд к осужденному на период испытательного срока, не всегда строго им выполняются, что затрудняет оценку степени его исправления;

во-вторых, многие из правоограничений, налагаемых судом на условно осужденного, требуют привлечения других органов и организаций для проведения контроля в помощь уголовно-исполнительным инспекциям;

в-третьих, около 26% населения страны считают, что условное осуждение выступает средством освобождения от наказания и, тем самым, ухода от ответственности⁷;

в-четвертых, применение анализируемого института отличается повышенной коррупциогенностью⁸.

С нашей точки зрения, смещение акцентов в понимании института условного осуждения с порядка назначения наказания в сторону отсрочки его исполнения позволит оптимизировать как содержание статьи 73 УК РФ, так и практику ее применения. Средствами оптимизации при этом

должны стать обозначение социально значимой цели такой отсрочки с установлением показателей эффективности ее достижения. Например, многие ученые и сотрудники ФСИН России отмечают возможность достижения положительного результата при привлечении условно осужденного к труду⁹.

¹ См., например: Якубович М.И. О правовой природе условного осуждения // Советское государство и право. 1946. № 11–12. С. 59; Ривман Д.В. О юридической природе условного осуждения и участии общественности в перевоспитании условно осужденных // Вестник ЛГУ. 1965. № 23. С. 144.

² См., например: Кленова Т.В. Наказание как средство разрешения задач уголовной политики в России // Шкала уголовных наказаний как способ борьбы с коррупцией в сфере правосудия: материалы международной научно-практической конференции, 7–8 октября 2004 г. М., 2005. С. 48–50.

³ См., например: Шаргородский М.Д. Советское уголовное право. Часть общая. Л., 1960. С. 513; Ломако В.А. Применение условного осуждения. Харьков, 1976. С. 27.

⁴ См.: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева, М., 2009. С. 345; Кригер Г.А. Условное осуждение и роль общественности в его применении. М., 1963. С. 9.

⁵ См.: Алексеев И.Н. Условное осуждение в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 27.

⁶ См.: Социальная эффективность условного осуждения в России / под общ. ред. Н.А. Лопашенко. М., 2014. С. 12.

⁷ Там же. С. 68.

⁸ Там же. С. 102–104.

⁹ Там же. С. 99.

Р.В. Закомолдин*

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И ПРИРАВНЕННЫХ К НИМ ЛИЦ

На первый взгляд, арсенал средств и возможностей уголовно-правового воздействия на военнослужащих достаточно широк и позволяет успешно решать задачи противодействия преступности в условиях военной службы. Однако действующее военно-уголовное законодательство имеет ряд существенных недостатков и пробелов, которые снижают эффективность такого воздействия, что, в свою очередь, негативно отражается на боеспособности и боеготовности армии и, в конечном итоге, на национальной безопасности России в целом.

1. Полагаем, нецелесообразно включать специальные виды уголовного наказания, применяемые к военнослужащим, в общую «систему» уголовных наказаний, поскольку они направлены на достижение целей уголовного наказания в условиях дальнейшего прохождения осужденными военнослужащими военной службы. В связи с этим целесообразно в УК РФ

* Закомолдин Руслан Валериевич — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Тольяттинского филиала НОУ ВПО «Самарская гуманитарная академия».

предусмотреть по аналогии со ст. 88 отдельную норму, которая содержала бы перечень специальных видов уголовного наказания (ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части, арест с отбыванием на гауптвахте, лишение воинского звания), применяемых к военнослужащим, и особенности их назначения. Данная норма стала бы частью военно-уголовного законодательства¹.

Помимо этого, анализ отдельных видов специальных наказаний, применяемых к военнослужащим, позволяет выявить ряд недостатков и спорных моментов в их законодательной регламентации и, как следствие, эффективности воздействия.

Исходя из указания ч. 1 ст. 51 УК РФ, ограничение по военной службе применяется только к осужденным военнослужащим, проходящим военную службу по контракту. Введение данного вида наказания было обусловлено необходимостью достижения целей наказания в специфических условиях прохождения военной службы без изоляции военнослужащего. Содержание данного наказания составляет ряд ограничений по военной службе материального и морального характера: не допускается повышение в воинской должности и в воинском звании, срок службы в период отбывания данного наказания не включается в выслугу лет, производятся удержания из денежного довольствия.

Согласно ч. 1 ст. 51 УК РФ, ограничение по военной службе применительно к военнослужащим может выступать в качестве альтернативы исправительным работам. В связи с этим в ч. 5 ст. 50 УК РФ целесообразно указать, что исправительные работы не применяются к военнослужащим вообще², а в ч. 1 ст. 51 УК РФ сохранить указание на альтернативность данных видов наказаний.

Вызывает недоумение то, что, указывая на альтернативность данных видов наказаний применительно к военнослужащим, законодатель, тем не менее, закрепляет различный размер денежных удержаний: при исправительных работах — от 5 до 20%, а при ограничении по военной службе — до 20%. Такой подход ставит в неравное положение осужденных, отбывающих данные наказания, причем положение военнослужащих представляется более выгодным. Сложившееся положение дел требует своего разрешения, и наиболее предпочтительным здесь представляется исключение ограничения нижнего предела размера удержаний при исправительных работах.

В соответствии с ч. 3 ст. 54 УК РФ военнослужащие отбывают арест на гауптвахте, что опять же связано со спецификой прохождения военной службы и необходимостью достижения целей уголовного наказания. Вместе с тем, полагаем, справедливо замечание А.А. Толкаченко о том, что граждане, пребывающие в запасе и совершившие преступление в период военных сборов, должны отбывать арест на общих основаниях³. Учитывая, что в соответствии с ч. 1 ст. 331 УК РФ данная категория граждан в плане ответственности приравнивается к военнослужащим, указание на данное ограничение следует закрепить непосредственно в ч. 3 ст. 54 УК РФ.

В настоящее время в связи с отсутствием необходимых условий отбывания данного наказания возможность его применения законодательно исключена. Более того, высказываются предложения о целесообразности полного исключения ареста из УК РФ⁴. Вместе с тем следует констатировать, что для отбывания ареста военнослужащими на гауптвахте имеется реальная возможность, поскольку до недавнего времени в России было создано и функционировало значительное количество гарнизонных и войсковых гауптвахт, где военнослужащие отбывали иные виды взысканий и мер пресечения. Такая ситуация позволила одним авторам говорить о сохранении ареста в отношении военнослужащих при исключении его в качестве вида наказания в отношении иных лиц⁵, а другим — настаивать на необходимости реального применения ареста к военнослужащим уже в настоящее время⁶. Полагаем, что с этими предложениями ни в коей мере нельзя согласиться, поскольку они ставят военнослужащих в более выгодное положение в сравнении с другими осуждёнными и тем самым нарушают принцип равноправия граждан перед законом и судом.

2. В соответствии с ч. 1 ст. 331 УК РФ граждане, пребывающие в запасе, в период прохождения ими военных сборов отнесены к категории субъекта преступлений против военной службы. Такая позиция законодателя в целом вполне оправдана. Вместе с тем реализация данного положения в полной мере невозможна в связи с сущностью военных сборов и особенностями правового статуса данных лиц. Так, многие авторы отмечают, что последние не могут быть привлечены к уголовной ответственности за ряд преступлений, предусмотренных главой 33 УК РФ⁷. Положением о военных сборах, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 29 мая 2006 г. № 333, установлен специальный статус данной категории граждан, который, помимо прочего, выражается в том, что они не несут военную службу в полном объеме и не могут быть привлечены к исполнению обязанностей, не связанных с прохождением военных сборов⁸. В частности, на них не возлагаются обязанности по несению специальных (охранных) видов военной службы, в связи с чем они не могут быть субъектами преступлений, предусмотренных ст. 340-344 УК РФ. По этой причине совершаемые данными гражданами преступления нельзя в полной мере считать преступлениями против военной службы. В связи с этим указание на граждан, пребывающих в запасе, необходимо исключить из понятия преступлений против военной службы, сформулированного в ч. 1 ст. 331 УК РФ, и дополнить данную статью частью 1.1 следующего содержания: «Граждане, пребывающие в запасе, в период прохождения военных сборов несут уголовную ответственность за преступления против установленного порядка прохождения военных сборов в соответствии со статьями настоящей главы».

3. В ч. 3 ст. 331 УК РФ закреплено положение о том, что «уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершённые в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодатель-

ством Российской Федерации военного времени». Данное положение имеет ряд существенных недостатков.

Во-первых, отсутствие норм, предусматривающих ответственность за совершение преступлений против военной службы в военное время или в боевой обстановке, является пробелом в военно-уголовном законодательстве. Следствием этого является то, что нормы главы 33 УК РФ применяются независимо от того, в какой обстановке совершены преступления.

Во-вторых, положение ч. 3 ст. 331 УК РФ противоречит тому принципу, что УК РФ является единственным источником уголовного права. Полагаем, что законодательство военного времени должно касаться лишь решения организационных и подобных им вопросов, в то время как вопросы уголовной ответственности должны регламентироваться исключительно нормами УК РФ.

В-третьих, не следует рассматривать как однопорядковые понятия военное время и боевую обстановку. Военным временем следует считать период действия режима военного положения, возможность введения которого предусмотрена ст. 87 Конституции РФ. Режим военного положения регламентируется Федеральным конституционным законом от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении»⁹ и характеризуется, с одной стороны, ещё большим ограничением прав и свобод человека и гражданина, а с другой — усилением ответственности (в том числе уголовной) в отношении государственных служащих (в том числе военнослужащих). Под боевой обстановкой в широком смысле следует понимать такую обстановку, при которой воинская часть (иное воинское подразделение) выполняя боевую задачу, находится в непосредственном соприкосновении с противником. Отличительной особенностью боевой обстановки является то, что она может иметь место как в военное, так и в мирное время. Вооружённые Силы России, другие войска и воинские формирования могут вести боевые действия в ситуациях, когда Россия не находится в состоянии войны, например, при противодействии угрозам регионального и локального характера, при проведении миротворческих и антитеррористических операций, при участии во внутренних вооружённых конфликтах и т.п.

Таким образом, данная ситуация требует законодательного решения. Следует отказаться от положения ч. 3 ст. 331 УК РФ и предусмотреть ответственность за преступления против военной службы, совершаемые в военное время или в боевой обстановке, в действующем УК РФ¹⁰.

4. Одним из существенных условий обеспечения военной безопасности, а также боеспособности и боеготовности войск является сбережение сведений, составляющих военную тайну. Так, Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»¹¹ и воинские уставы в числе важнейших требований, предъявляемых к военнослужащим, предусматривают строгое хранение государственной и военной тайны. Сохранность сведений, составляющих государственную тайну, нормами УК РФ обеспечивается должным образом посредством статей 275, 276, 283, 284. По-

ложения данных норм на общих основаниях распространяются и на военнослужащих, признанных виновными в совершении этих преступлений. Однако военная тайна помимо сведений военного характера, отнесенных к государственной тайне, включает также значительное количество иных сведений военного характера, не подлежащих оглашению, но не относящихся к государственной тайне (графики движения войск, автоколонн, авиаперелетов, схемы минных полей и т.п.)¹². Особенно актуальна данная проблема в связи с прохождением военной службы в России иностранными гражданами и, как следствие, их допуском к сведениям, составляющим военную тайну. В некоторой степени данная проблема может быть решена при помощи ст. 276 УК РФ «Шпионаж», поскольку наряду со сведениями, составляющими государственную тайну, диспозиция данной нормы предусматривает и иные сведения. Однако все случаи разглашения военной тайны данная норма охватить не в состоянии.

Представляется, что данную проблему можно решить двумя способами: либо дополнить главу 33 УК РФ соответствующими специальными нормами, либо изменить уже существующие общие нормы УК РФ¹³.

Так, в 2003 г. имел место законопроект № 130883-3 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»¹⁴, которым предлагалось дополнить главу 33 УК РФ нормами об ответственности за разглашение военной тайны (ст. 352.1) и за утрату документов, содержащих военную тайну (ст. 352.2), ранее содержащимися в УК РСФСР 1960 г. Однако Правительство РФ отрицательно отреагировало на данное предложение, формально мотивируя это тем, что в Законе РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне»¹⁵ имеется понятие «сведения, составляющие государственную тайну в военной области», а понятие «военная тайна» отсутствует¹⁶. Полагаем, что данная законодательная инициатива была отвергнута весьма поспешно. Введение таких статей актуально и могло бы стать одной из мер по обеспечению сохранности сведений, составляющих военную тайну, но не относящихся к государственной тайне. Необходимо лишь во избежание коллизий предусмотреть в данных статьях оговорку «при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьями 283 и 284 УК РФ».

Полагаем, что решение проблем законодательной регламентации уголовной ответственности военнослужащих и приравненных к ним лиц повысит эффективность противодействия преступлениям, совершаемым на военной службе.

¹ Подробнее см., например: Закомолдин Р.В. О недостатках регламентации специальных видов уголовного наказания, применяемых к военнослужащим // Уголовно-правовая политика и проблемы противодействия преступности: сборник научных трудов / под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2006. С. 142-144.

² Такой подход, в частности, неоднократно предлагался авторами законопроекта № 130883-3 «О внесении изменений и дополнений в УК РФ» (п. 2 ст. 1), однако данный законопроект не был принят.

³ См.: Военно-уголовное законодательство Российской Федерации (научно-практический комментарий) / под общ. ред. Н.А. Петухова. Вып. 47. М., 2004. С. 43.

⁴ Правительством РФ было дано поручение № ХВ-П4-09282 от 27 июня 2002 г. Минюсту РФ о разработке соответствующего законопроекта (документ официально не публиковался).

⁵ См., например: *Зателепин О.К.* К вопросу о необходимости сохранения ареста в отношении военнослужащих как уголовного наказания // *Право в Вооружённых Силах.* 2005. № 4 (вкладка Военно-уголовное право. 2005. № 2. С. 4-6).

⁶ См., например: *Косован О.А.* Юридическая ответственность военнослужащих / под ред. А.А. Толкаченко. М., 2004. С. 74.

⁷ Подробнее см., например: *Мелешко П.Е.* Об уголовной ответственности граждан, призванных на военные сборы, за совершение преступлений, предусмотренных главой 33 Уголовного кодекса Российской Федерации // *Право в Вооружённых Силах.* 2012. № 8.

⁸ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 23, ст. 2525.

⁹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 5, ст. 375.

¹⁰ Подробнее см., например: *Закомолдин Р.В.* О структуре и содержании статьи 331 Уголовного кодекса РФ: критический взгляд // *Правовая политика и правовая жизнь.* 2005. № 2. С. 168-169.

¹¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 22, ст. 2331.

¹² См.: *Закомолдин Р.В.* Преступления против военной службы и военные преступления: словарь-справочник (500 терминов, понятий и определений). М., 2013. С. 27.

¹³ Подробнее см.: *Закомолдин Р.В.* Об обеспечении сохранности военной тайны в условиях реформирования военного законодательства // *Военно-юридический журнал.* 2008. № 3. С. 11-12.

¹⁴ См.: *Военно-уголовное право.* 2004. № 5. С. 10-14 (вкладка к журналу *Право в Вооружённых Силах.* 2004. № 10).

¹⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 41, ст. 8220.

¹⁶ См.: *Военно-уголовное право.* 2004. № 6. С. 14-15 (вкладка к журналу *Право в Вооружённых Силах.* 2004. № 12).

О.В. Зайцева*

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

Проблема объекта преступления является одной из наиболее сложных и дискуссионных в уголовно-правовой науке. Взгляды ученых расходятся по таким важным аспектам, как понятие и виды объекта преступления, содержание данного элемента состава преступления и т.п.

Отсутствует в теории уголовного права единодушие и по вопросу о непосредственном объекте преступлений против избирательных прав граждан. Одни авторы рассматривают данные деяния как посягательства на общественные отношения по формированию органов государственной власти и органов местного самоуправления¹, другие — на публичную власть², третьи — на конкретные социальные связи по поводу реализации возможностей конституционных прав политического характера³. Однако большинство ученых придерживается точки зрения, что непосредственным объектом преступлений, предусмотренных ст. 141—142¹ УК РФ, являются общественные отношения по поводу реализации избирательных прав граждан и права на участие в референдуме, а также отношения, регулирующие работу избирательных комиссий и комиссий по проведению рефе-

* *Зайцева Олеся Викторовна* — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

рендума. При этом перечень избирательных прав закреплен общепризнанными нормами международного права, Конституцией РФ, федеральными законами, конституциями (уставами), законами субъектов РФ о выборах.

Так, в соответствии с федеральным законом от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» к числу избирательных прав граждан относятся: а) право избирать (активное избирательное право); б) право быть избранным (пассивное избирательное право); в) право участвовать в выдвижении кандидатов (списков кандидатов); г) право участвовать в предвыборной агитации; д) право участвовать в наблюдении за проведением выборов, работой избирательных комиссий (включая установление итогов голосования и определение результатов выборов); е) право участвовать в иных избирательных действиях⁴. Этот перечень не является исчерпывающим, его можно дополнить такими правомочиями, как право избирателей на беспрепятственный доступ к документированной информации (персональным данным) о себе, на уточнение этой информации в целях обеспечения ее полноты и достоверности, на участие в формировании и работе избирательных комиссий (что предполагает развернутую систему различных правомочий), право на финансирование избирательной кампании и т.д.⁵

В настоящее время в уголовно-правовой литературе можно встретить мнение, что нарушение любых из вышеперечисленных прав образует состав преступления⁶. Однако, на наш взгляд, такое расширение сферы уголовной юрисдикции не совсем оправданно, поскольку является чрезмерным и способно породить произвол в правоприменительной практике. Не следует забывать, что ст. 141 – 142¹ УК РФ находятся в главе 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина», а, следовательно, видовым объектом указанных преступлений выступают конституционные права и свободы человека и гражданина, т.е. наиболее важные, основные права и свободы, получающие закрепление и высшую юридическую защиту в Конституции РФ и в международных документах по правам человека.

Из обширного перечня избирательных прав граждан, предусмотренного избирательным законодательством, в Конституции РФ закреплены лишь два вида: право граждан РФ избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления (ст. 32). Следовательно, только эти виды прав относятся к конституционным избирательным правам, все остальные производны от них. Поэтому основным непосредственным объектом рассматриваемых составов преступлений, по нашему мнению, являются активное и пассивное избирательное право. Иные виды избирательных прав могут выступать в качестве дополнительного непосредственного объекта.

Только с учетом такого понимания возможно, на наш взгляд, разграничение преступлений и административных правонарушений в избиратель-

ной сфере. Например, такие деяния, как нарушение права гражданина на ознакомление со списком избирателей, участников референдума; воспрепятствование деятельности наблюдателя; подкуп избирателей или участников референдума; создание различных препятствий при проведении предвыборной агитации, формально подпадают под признаки воспрепятствования осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (ст. 141 УК РФ). Однако, поскольку вышеперечисленные правонарушения не образуют посягательства на активное либо пассивное избирательное право, за них установлена лишь административная ответственность (ст. 5.1, 5.6, 5.15 (ч. 2), 5.16, 5.48, 5.52 КоАП РФ).

В связи с указанным пониманием объекта преступного посягательства нуждаются в корректировке некоторые нормы уголовного законодательства. Так, Ю.Н. Климова справедливо отмечает, что «тайна голосования — это не избирательное право гражданина и не его право на участие в референдуме, а принцип свободных демократичных выборов, закреплённый в Конституции РФ»⁷. Нарушение тайны голосования может и не привести к воспрепятствованию гражданину в осуществлении своих прав. К примеру, присутствие в кабине для голосования кого-либо из родственников избирателя является нарушением избирательного законодательства (п. 8 ст. 64 федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»), но не влечет за собой в обязательном порядке установления контроля за волеизъявлением последнего. Следовательно, само по себе нарушение тайны голосования не достигает той степени общественной опасности, которая характерна для преступлений и нуждается, на наш взгляд, в декриминализации. Достаточно установления за него административной ответственности, при условии, что данное деяние не было связано с воспрепятствованием свободному осуществлению гражданином своих избирательных прав или права на участие в референдуме. В последнем случае указание в ч. 1 ст. 141 УК РФ на нарушение тайны голосования в качестве самостоятельной формы объективной стороны состава преступления также излишне, поскольку достаточно широкая формулировка диспозиции в виде употребления термина «воспрепятствование» позволяет привлекать виновных к уголовной ответственности за любое действие или бездействие, направленное на создание препятствий, помех, противодействия со стороны других лиц свободной реализации избирательных прав граждан или работе избирательных комиссий, комиссий референдума, в том числе связанное с визуальным наблюдением процесса голосования, пометкой или нумерацией избирательных бюллетеней и т.п.

Еще одним деянием, которое несколько выбивается из общей логики криминализации преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина, является, на наш взгляд, нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума,

иной группы участников референдума (ст. 141¹ УК РФ). Дело в том, что основным непосредственным объектом указанного преступления выступает установленный законодательством порядок финансирования избирательной кампании или референдума⁸, а избирательные права граждан, закрепленные в Конституции РФ, нарушаются во вторую очередь, т.е. являются лишь дополнительным объектом. В связи с этим предлагаем поместить ст. 141¹ УК РФ в главу о преступлениях против порядка управления, поскольку референдум и свободные выборы, как известно, являются формой осуществления народовластия и напрямую связаны с осуществлением законной управленческой деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

Разумеется, разработка концепции объекта преступлений, предусмотренных главой 19 УК РФ, требует проведения дополнительных научных исследований. Однако, думается, что сформулированная в рамках настоящей статьи точка зрения позволяет по-новому взглянуть на проблему разграничения преступлений и правонарушений против избирательных прав граждан, а также предложить возможные пути совершенствования уголовного законодательства. Дальнейшее развитие теоретических представлений в данной сфере поможет сделать уголовное законодательство более понятным и, следовательно, будет способствовать повышению эффективности борьбы с электоральной преступностью.

¹ См.: Толстикова И.Н. Уголовная ответственность за нарушения законодательства о выборах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2005. С. 7.

² См.: Веденеев Ю.А., Князев С.Д. Избирательные правоотношения // Государство и право. 1999. № 5. С. 34.

³ См.: Кошеницын А.С. Преступления против избирательных прав граждан и права на участие в референдуме: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. С. 69.

⁴ См.: п. 2 ст. 28 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 24, ст. 2253.

⁵ Подробнее см., напр.: Матейкович М.С. Защита избирательных прав граждан в Российской Федерации. М., 2003. С. 15–23; Станкевич Г.А. Уголовная ответственность за воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий: дис. ... канд. юрид. наук. Кисловодск, 2002. С. 147–153.

⁶ См., напр.: Князев С.Д. Уголовная ответственность за нарушение избирательных прав и права на участие в референдуме // Журнал российского права. 2001. № 2. С. 26–34; Шарпова Т.Г. Уголовная ответственность за воспрепятствование осуществлению избирательных прав граждан или работе избирательных комиссий // Юридическая мысль. 2006. № 7. С. 217–221; Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2009. С. 486.

⁷ Климова Ю.Н. Электоральная преступность: понятие и проблема эффективности её сдерживания уголовно-правовыми средствами // Следователь. 2003. № 11. С. 47.

А.Л. Иванов*

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ЕЕ РОЛЬ В МЕХАНИЗМЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Под уголовно-правовым воздействием понимается целенаправленная активная деятельность государства, заключающаяся в основном на уголовном законе принуждающем влиянии посредством лишения либо ограничения прав и свобод лица, совершившего преступление либо общественно опасное деяние, лишь формально подпадающее под признаки преступления¹. Нормативной правовой основой такого воздействия является уголовный закон, в котором центральным институтом, обуславливающим действие всех других институтов, выступают уголовно-правовые нормы о понятии преступления (ст. 14 УК РФ) и подразделении всех преступлений на категории (ст. 15 УК РФ).

Категории преступлений представляют собой результат подразделения всех преступлений, предусмотренных в Особенной части УК РФ, на группы (виды) в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния, предусмотренного Кодексом (ч. 1 ст. 15 УК РФ). Анализируя это положение уголовного закона, В.С. Прохоров справедливо замечает, что такое деление («типологизация») осуществляется только по степени общественной опасности, а не по ее характеру, что как раз и объясняет нахождение в одной классификационной группе разных по объекту посягательства преступлений².

Значение категоризации преступлений многообразно. Она имеет теоретическое и юридико-техническое значение, выступая, например, в качестве инструмента, позволяющего вместо длинных перечислений ограничиваться простым указанием на принадлежность преступления к той или иной классификационной группе³. «Внутри» уголовного законодательства она определяет действие целого ряда институтов (освобождения от уголовной ответственности; освобождения от наказания; приготовления к преступлению; назначения наказания; рецидива; условного осуждения; давности; судимости). Практическое значение категоризации преступлений этим не исчерпывается. Нельзя забывать о том, что законодательной классификации подвергается преступление — базовый институт уголовного права, что создает предпосылки для дальнейшей дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и наказания, служит основой для решения вопросов не только уголовного и уголовно-процессуального права, но и криминологии⁴. Практическое значение категоризации преступлений в ст. 15 УК РФ выражается в решении конкретных задач борьбы с преступлениями определенной категории, причем соответствующими этим задачам мерами уголовно-правового характера.

* Иванов Айдар Лазаревич — кандидат юридических наук, первый заместитель прокурора Республики Саха (Якутия).

Между тем теория и практика борьбы с преступлениями отдельных категорий до настоящего времени недооценивают отмеченное обстоятельство. Так, на долю категорий преступлений небольшой и средней тяжести в стране ежегодно, начиная с 2011 г., приходится около трех четвертей всего количества регистрируемых в стране преступлений. Казалось бы, это обстоятельство должно привлекать повышенное внимание государства и общества к этим видам преступлений в части их более всестороннего учета и характеристики по различным параметрам. На деле же ситуация выглядит иначе: за исключением показателей об удельном весе преступлений различных категорий и отрывочных данных о судимости лиц, их совершивших, найти дополнительную информацию по этому вопросу в официальных источниках крайне затруднительно. В связи с этим можно привести и другой пример, связанный с возможной реализацией на практике положения, предусмотренного ч. 6 ст. 15 УК РФ. Применительно к рассматриваемой нами проблеме сказано актуально тем, что, во-первых, при неизменности категории преступлений небольшой тяжести их фактическое количество может отличаться от количества зарегистрированных преступлений данной категории в сторону увеличения вследствие перевода в нее преступлений средней тяжести, во-вторых, аналогичная картина может иметь место и с категорией преступлений средней тяжести за счет отнесения к ним тяжких преступлений. Таким образом, количество преступлений средней тяжести (наряду с тяжкими преступлениями) может как уменьшаться, так и увеличиваться в сравнении с зарегистрированным. Однако, как свидетельствует официальная статистика, отмеченное движение преступлений между категориями в 2012–2013 гг. пока не регистрируется. Из этого можно сделать вывод о том, что либо такое движение отсутствует, либо статистика на него не реагирует.

Картина, во многом аналогичная нами описанной, наблюдается и в криминологической литературе. С одной стороны, исходя из системно-структурного характера преступности, криминологи единодушны в необходимости выделения отдельных ее составляющих, что, как отмечает А.И. Долгова, позволяет судить о качественной характеристике преступности в определенных пространственно-временных пределах, выясняя при этом и соотношение между особо тяжкой и тяжкой преступностью. Автор пишет, что «выделение видов преступлений и преступности позволяет более глубоко изучать их особенности, специфику причинности, детерминации, а также разрабатывать дифференцированные меры борьбы. Не учитывать криминологически значимых особенностей отдельных видов преступности — это значит не обеспечивать целенаправленно дифференцированный подход к разным криминальным проявлениям»⁵. На особую значимость соотношения особо тяжких, менее тяжких и преступлений небольшой тяжести неоднократно обращала внимание Н.Ф. Кузнецова⁶. О необходимости выяснения специфики отдельных видов преступлений с точки зрения степени их общественной опасности говорили другие извест-

ные специалисты-криминологи. Между тем в работах названных авторов мы так и не нашли криминологическую характеристику отдельных категорий преступлений. На деле дальше приведенных констатаций дело не идет. В числе видов преступлений (видов преступности)⁷ обычно называют и анализируют умышленную и неосторожную преступность, корыстную и корыстно-насильственную преступность; пишут об экономической и политической преступности, наряду, например, с преступлениями в сфере экономики, предпринимаются попытки анализировать мужскую и женскую преступность, преступность несовершеннолетних и т.д. Хотя в одном из современных источников утверждается, что категоризация преступлений в ст. 15 УК РФ используется и при создании криминологических характеристик⁸, последние в лучшем случае сводятся к анализу различных видов тяжких и особо тяжких преступлений с противопоставлением их всем остальным. Можно сказать, что современное состояние отечественной криминологии в плане полноценного анализа отдельных категорий преступлений особо не отличается от того времени, когда такая категоризация в уголовном законе вообще отсутствовала. В связи с этим по сей день не утратило своего значения замечание В.П. Махоткина, сделанное автором еще в период действия УК РСФСР 1960 г., об отсутствии исследований, которые были бы посвящены предупреждению отдельных категорий преступлений⁹.

¹ См.: Уголовно-правовое воздействие: монография / под ред. А.И. Рарога. М., 2014. С. 22.

² См.: Уголовное право России: Общая часть: учебник / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006. С. 350.

³ Там же. С. 350.

⁴ См.: Бойко А.И., Ратьков А.Н. Классификация преступлений и ее значение в современном праве. Ростов-на-Дону, 2003. С. 11; Совершенствование мер борьбы с преступностью в условиях научно-технической революции. М., 1980. С. 104-105.

⁵ Криминология: учебник / под ред. А.И. Долговой. М., 2010. С. 529.

⁶ См., напр.: Криминология / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М., 1998. С. 93.

⁷ В данном случае мы оставляем без внимания называемые в криминологии отличия между этими понятиями.

⁸ См.: Новикова Ю.В. Основания систематизации криминологических характеристик преступности (преступлений) // Российский следователь. 2012. № 8. С. 22.

⁹ Махоткин В.П. Преступления, не представляющие большой общественной опасности (уголовно-правовое и криминологическое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. С. 5.

Е.В. Кобзева*

О СОЦИАЛЬНЫХ И ПРАВОВЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ СОЗДАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ В X—XVI ВВ.**

История отечественного уголовного права насчитывает не одно столетие, а если быть точнее, перевалила за тысячелетний рубеж, поэтому вполне объяснимо, что массив принятых на различных этапах российской государственности нормативно-правовых актов, содержащих предписания уголовно-правового характера, весьма и весьма внушителен. Понятно также то, что значимость этих документов для развития как юриспруденции в целом, так и уголовного права в частности, не является идентичной. Причиной тому — и разный уровень юридуко-технического мастерства, примененного при их составлении, и разная степень присутствия в них норм именно уголовного права, и особенности конкретной исторической ситуации, в которой документ принимался и на которую было рассчитано его действие. В рамках настоящей статьи ограничимся анализом социальных и правовых предпосылок создания уголовных законов¹, отражающих ключевые, наиболее значимые, вехи развития отечественного уголовного права — с момента его зарождения и до времен правления Петра I.

Договоры Руси с Византией 911 и 944 гг., по свидетельствам историков, представляют собой первые письменные памятники права, в том числе права уголовного². Наименование и годы заключения Договоров уже сами по себе вскрывают те конкретно-исторические условия, в которых они состоялись. Знаковой исторической характеристикой Руси того периода (Древней Руси, Киевской Руси как раннефеодальной монархии) выступает ее внешняя политика, центральным компонентом которой, в свою очередь, являются отношения с могущественной по тем временам державой — Византийской империей. Длительный мир между государствами сменялся военными конфликтами, и Договоры 911 и 944 гг., заключенные киевскими князьями Олегом и Игорем с Византией, как раз венчают результаты таких конфликтов — походов на столицу Византии Константинополь.

Договоры, таким образом, предназначались для урегулирования взаимоотношений государств и содержали в себе нормы права византийского и права русского — процессуального, гражданского (торгового), международного и уголовного. В качестве преступлений в них описываются убийство, нанесение ударов мечом или другим оружием, кража, грабеж.

* Кобзева Елена Васильевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

** Статья написана по заданию Министерства образования и науки РФ № 29.1367.2014/к на выполнение научно-исследовательской работы в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности.

В частности, признавалось равноценным убийство русским христианина и наоборот — христианином русского³. Определялись правовые последствия преступлений с учетом некоторых обстоятельств их совершения и постпреступного поведения причинителя вреда. В зачаточном виде присутствуют положения о необходимой обороне⁴.

В свете изложенного можно предположить, что социальными предпосылками заключения Договоров (в части норм уголовного права) стали появление и распространение (в том числе в связи с взаимными визитами представителей Руси и Византии на территорию друг друга) некоторых видов общественно опасного поведения, связанных с посягательством на жизнь, здоровье, собственность и, как следствие, необходимость обеспечения их сохранности, а также потребность общества в определении содержания и границ допустимой реакции на такое поведение. Правовая предпосылка — необходимость документального (законодательного) оформления преступления и наказания с учетом имевшихся юридических знаний⁵.

Русская Правда (Правда Роськая) — это основной источник права Древней Руси. Дошедшие до нас ее Краткая редакция⁶ и Пространная редакция⁷ были приняты не позднее 1054 г. и не ранее 1113 г. соответственно. Историки также говорят о Сокращенной редакции Русской Правды, появившейся в середине XV века в результате переработки Пространной редакции⁸.

Уголовно-правовое содержание Русской Правды (наряду с нормами уголовного права в нее входили предписания гражданско-правового и процессуального характера) свидетельствует о том, что спектр совершаемых членами древнерусского общества социально опасных посягательств значительно расширился и, исходя из указываемых казуистическим способом обстоятельств их совершения, они случались довольно часто. А.В. Наумов в своей фундаментальной работе также делает вывод о том, что «к этому времени на Руси преступления были достаточно распространенным явлением»⁹. В качестве преступлений Русская Правда предусматривает убийство, членовредительство и побои (удары), оскорбление, кражу, грабеж или разбой, уничтожение и повреждение имущества, укрывательство преступления — с перечислением применительно к каждому виду различных обстоятельств их совершения и учитывающих данные обстоятельства мер реагирования.

Русская Правда сопровождала процесс феодализации Руси и всем своим содержанием его отражала. Если говорить о нормах уголовного права, то это проявлялось, в частности, в следующем:

в различной степени охраны жизни представителей привилегированного слоя: за их убийство наступала повышенная (двойная) уголовная ответственность;

в отсутствии охраны жизни и здоровья холопов, которые приравнивались к имуществу и, по сути, являлись совершенно бесправными субъек-

тами: их убийство приравнивалось к уничтожению имущества; совершившего преступление холопа можно было убить на месте преступления (в ранний период действия Русской Правды); укрывательство беглого холопа считалось преступлением наряду с укрытием похищенного и скупкой краденного;

в существенном ограничении кровной мести, что свидетельствует об «усилении государственных начал уголовного наказания, резком возрастании роли князя и княжеского суда»¹⁰ и вместе с тем о приоритетности возмещения материального и морального ущерба как цели наказания.

Русская Правда есть результат объединения норм обычного права и Княжеской судебной практики, складывавшейся под влиянием норм канонического византийского права. Считается, что именно под влиянием последнего она и была создана¹¹. Известный историк В.О. Ключевский писал: «Правда нашла в византийских источниках ... образцы кодификации»¹².

Социальными предпосылками создания Русской Правды можно, таким образом, признать необходимость охраны социально значимых интересов личности от появившихся новых видов общественно опасного поведения, значительное распространение преступлений и связанную с этим невозможность справиться с преступностью с помощью обычаев и прецедентных решений княжеских судов, переносимость уголовной репрессии разными слоями общества. Правовой предпосылкой — необходимость законодательного оформления преступления и наказания, в том числе связанную с повышением уровня русской правовой культуры под влиянием канонического византийского права.

XV—XVI века определяются историками как период преобразования Руси в единое государство. Из-за невозможности противостояния Москве прекращаются княжеские междоусобия, отдельные княжества утрачивают свою самостоятельность и переходят в подчинение князю московскому. Феодалная раздробленность преодолевается объединением русских земель под началом Москвы, укрепляется государство в целом, идет сложный процесс централизации по линии усиления власти великого князя, завершившийся в 1547 г. «превращением страны в единую Российскую державу»¹³.

Разумеется, все это нашло отражение в нормативно-правовых актах, принятых под началом новой власти, основными из которых были Судебник 1497 г. князя Ивана III (Судебник «княжеский»)¹⁴ и Судебник 1550 г. царя Ивана IV (Судебник «царский»)¹⁵. Второй во многом развил положения первого, что будет уточняться при их совместной характеристике.

Уголовно-правовыми свидетельствами происходящих в государстве преобразований, в частности, можно признать:

1) использование в законе понятий «лихое дело», «добрый человек» и «ведомый лихой человек».

Лихим делом в Судебниках обозначалось преступление, однако используемые законодателем формулировки об «ином каком лихом деле» указы-

вали на то, что перечень преступлений был открытым, а следовательно к ним могло быть отнесено и иное деяние, не предусмотренное Судебником. И.А. Исаев отмечает в связи с этим: «Преступление — это прежде всего нарушение установленных норм, предписаний и вместе с тем воли государя, которая неразрывно связана с интересами государства»¹⁶. В законе отсутствовали критерии для признания дела лихим, что фактически, по мнению историков, «давало господствующему классу неограниченные возможности в борьбе со своими противниками»¹⁷.

Этому также способствовали понятия «добрый человек» и «ведомый лихой человек». К добрым (лучшим) людям по Судебнику относились представители правящего класса (бояре, дети бояр, дворяне), верхушки посада или крестьянской общины¹⁸. Лихим человеком (от понятия «лихое дело», означавшего преступление) считался преступник. Ведомым же лихим человеком (опасным преступником) становился тот, кого таковым признают добрые люди. Причем это было возможно как при совершении конкретных указанных в законе преступлений (убийства, разбоя и др.), так и при выполнении иного какого лихого дела, несущего угрозу для власти. Признание человека ведомым лихим влекло для него безусловную смертную казнь: «А доведуть на кого татбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное какое лихое дело, и будет ведомый лихой, и боярину того велети казнити смертною казньо...» (ст. 8);

2) развитие системы преступлений путем выделения и дальнейшего расширения видов:

а) государственных преступлений: крамола (измена князю, в том числе связанная с отъездом бояр от великого князя к другому князю), подым (поднятие бунта, восстания против власти, в том числе путем распространения «поносных» писем), передача секретных сведений врагу, поджог города или крепости с целью передачи неприятелю, по Судебнику 1550 г. — также сдача города врагу;

б) преступлений против правосудия: лжесвидетельство, дача суду взятки, по Судебнику 1550 г. — также ложное обвинение судей в умышленном неправосудии, необоснованная или ложная жалоба;

в) должностных преступлений: в основном, по Судебнику 1550 г. — получение взятки, казнокрадство, вынесение заведомо несправедливого решения в результате получения взятки и др.;

г) преступлений против порядка управления: по Судебнику 1550 г. — подписка (подделка документов), фальшивомонетничество и др.;

3) повышенная уголовно-правовая охрана интересов господствующего класса и церкви как оплота феодального государства: например, признание квалифицированным убийством убийство крестьянином своего владельца с введением для данных случаев понятия «государский убийца» и установлением наказания в виде смертной казни (простое убийство чаще всего смертную казнь не влекло); признание квалифицированной кражей кражи имущества, принадлежавшего церкви (церковную татьбу);

4) введение в текст закона и расширение применения смертной казни.

Если в Русской Правде смертная казнь прямо не указывается, хотя и фактически применяется (правители, запрещая применение кровной мести, старались избежать аналогии в глазах населения и не включили данный вид наказания в текст закона), то Судебники 1497 г. и 1550 г. закрепляют ее совершенно открыто, демонстрируя тем самым силу государственной власти;

5) расширение применения иных видов наказаний — торговой казни, тю-ремного заключения.

Кроме того, следует заметить, что в Судебниках получили дальнейшее развитие имущественные преступления (в частности, по Судебнику 1550 г. — первые попытки размежевания грабежа и разбоя, выделение мошенничества, введение уголовной ответственности за злостную неуплату долга), преступления против личности и некоторые иные уголовно-правовые положения.

Таким образом, можно выделить следующие социальные предпосылки создания Судебников 1497 и 1550 гг. (в части норм уголовного права):

на фоне централизации государства возникает необходимость охраны государственного единства и государственной власти от посягающих на них и возможных общественно опасных деяний;

процессы централизации и огосударствления привели к развитию судебной системы и бюрократизации государственного аппарата, что вызвало к жизни новые виды общественно опасного поведения в сфере правосудия и управления и, как следствие, необходимость их запрета и преследования;

для поддержания силы и авторитета власти требовалось использование аппарата принуждения, допускающего применение суровых видов наказаний.

Правовая предпосылка заключалась в том, что за прошедшие столетия судебной практикой были выработаны знания (эмпирического характера), обусловившие необходимость совершенствования отдельных норм и институтов уголовного права.

Смерть царя Федора Иоанновича в 1598 г. положила начало периоду, который в истории Отечества именуется смутным временем. Для этого этапа развития государства характерны борьба за царский престол, многочисленные крестьянские бунты и восстания, их подавление, активные притязания на власть со стороны поляков. Вопросы организации государственного устройства и правового порядка правителей занимали в меньшей степени. В 1612 году Земский собор избирает царем Михаила Романова, с чем, по словам А.В. Наумова, связано «восстановление процесса создания централизованного русского государства»¹⁹ и, как следствие, возобновление дум в направлении обеспечения данного процесса.

В 1649 году был принят новый крупный кодифицированный акт, название которого созвучно разработавшему и принявшему его Земскому собору — Соборное Уложение²⁰.

Социальные предпосылки создания данного закона (в части норм уголовного права) четко просматриваются в следующих его содержательных аспектах:

1) впервые был нормативно определен статус главы государства, коим выступал царь, самодержавный и наследный монарх;

2) осуществленная таким образом легитимация царской власти имела своим продолжением то, что все предписания Уложения были ориентированы на дальнейшее укрепление самодержавия и дальнейшую централизацию государства, а именно:

а) значительно расширились основания уголовной ответственности за государственные преступления. Для их описания в законе использовались понятия злого дела и злого умысленья («злое дело мыслил и делать хотел», ст. 1 гл. II), дурна («чтобы... Московским государством завладеть, или какое дурно учинить», ст. 2 гл. II), великого государева дела (ст. 12 гл. II) и т.п. Таким образом, государственное преступление образовывали как действия, направленные против государя или государства, так и голый умысел на их совершение, а учитывая оценочный характер используемых понятий, антигосударственную направленность действий и помыслов можно было усмотреть в чем угодно.

Кроме того, следует добавить, что преследованию за государственные преступления подвергались не только лица, их совершившие, но также родные и близкие таких лиц — даже при отсутствии какого-либо их участия (ст. 6-10 гл. II);

б) вся регламентация уголовного наказания сводилась к тому, чтобы оно воспринималось как инструмент царской власти — безграничной и беспощадной ко всем «неудобным» для нее лицам. Вот только некоторые средства его законодательного описания: «жестокое наказание, что государь укажет» (ст. 22 гл. II, ст. ст. 9, 11, 12 гл. VII), «смотря по вине» (ст. 30 гл. VII), «зжечь безо всякого милосердия» (ст. 4 гл. II), «казнить смертию безо всякия пощады» (ст. 2 гл. I, ст. ст. 19, 21 гл. II), «бити батоги» (ст. 7 гл. III, ст. ст. 8, 16 гл. VII), «бити кнутом нещадно» (ст. ст. 28, 19 гл. VII, ст. ст. 8, 9 гл. IX), «посадити в тюрьму» (ст. ст. 8, 9, 30 гл. IX, ст. ст. 8, 16 гл. VII), «сослати, куды государь укажет» (ст. 199 гл. IX) и мн. др. Значительно усложнялась система наказаний, но и это в первую очередь было проявлением их ужесточения;

3) в условиях заметного усиления влияния церкви (религии), служившей идеологическим оплотом государства того периода времени, впервые в светском законе были выделены религиозные преступления, ранее находившиеся в ведении самой церкви: богохульство, соращение православного в иную веру и др. Однако И.А. Исаев совершенно точно отмечает еще одно обстоятельство, вытекающее из узаконения ответственности за преступления против церкви: «принятие церкви под защиту государственных институтов и законов указывало на их приоритет в политической системе, развивающейся по пути к абсолютной монархии»²¹;

4) сохраняется сословная дифференциация уголовной ответственности (видов наказания) за одни и те же преступления.

Правовая предпосылка создания Соборного Уложения определялась накопленными юридическими, в том числе уголовно-правовыми, знаниями и сводилась к необходимости принятия нового закона — более совершенного по содержанию и форме. В Уложении получают развитие многие категории и институты уголовного права: делается попытка разграничения преступлений на умышленные, неосторожные и случайные; формируются положения о видах соучастников преступления; выделяются стадии преступления; вводятся понятия рецидива преступлений, необходимой обороны и крайней необходимости; регламентируются смягчающие и отягчающие обстоятельства; совершенствуется система преступлений, в том числе путем ее дополнения новыми видами посягательств — воинскими, против благочиния, против нравственности и т.д. В сравнении с предшествовавшими нормативно-правовыми актами Соборное Уложение отличается и более высоким уровнем законодательной техники. В нем намечается выделение отраслей права и отдельных институтов, хотя, разумеется, способ изложения материала по-прежнему преимущественно казуистический. Историки и правоведы оценивают Соборное Уложение как чрезвычайно прогрессивный для своего времени документ и в доказательство приводят его длительную жизнь. Так, А.В. Наумов пишет: «Будучи принятым в 1649 г., оно вошло в Полное собрание законов Российской империи 1830 г., в значительной мере было использовано при составлении XV тома Свода законов (в этом томе были собраны законы уголовные) и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.»²².

Начавшееся в конце XVIII в. становление абсолютной монархии, проводимые Петром I масштабные внешнеполитические (в том числе военные) кампании, глобальные реформы, затронувшие практически все сферы общественной жизни, сопровождались активной законотворческой деятельностью. В рассматриваемый период было издано колоссальное число нормативно-правовых актов (манифестов, именных указов, указов, уставов, регламентов, пунктов, учреждений и др.), тщательно регламентировавших поведение представителей различных социальных групп и населения в целом. По данным историков, их общее количество за время правления Петра I превысило три тысячи²².

Уголовное право в этом смысле не только не являлось исключением, но и, напротив, было подвержено значительной новеллизации. Данное обстоятельство обуславливалось тем, что бурно развивающаяся государственная и общественная жизнь, во-первых, создавала почву для появления новых и новых видов общественно опасных деяний, не укладывавшихся в казусы, описанные Соборным Уложением 1649 г., а во-вторых, служила основанием для изменения взглядов на преступное и наказуемое по упомянутому Уложению. Изучив уголовное законодательство Петра I, П.С. Ромашкин

приходит к выводу о том, что одних только указов уголовно-правового характера в этот период было принято около четырехсот²⁴.

Общеизвестно и вместе с тем общепризнанно, что наиболее значимым для уголовного права документом петровского времени является Артикул Воинский 1715 г., апреля 26 (Петра I)²⁵. Несмотря на свое название, он распространялся и на «правителей земских» и применялся как военными, так и гражданскими судами. Следует отметить, что Артикул Воинский — это первый в истории отечественного права крупный правовой акт, состоявший исключительно из норм уголовного права.

Социальные предпосылки создания Артикула Воинского тесно связаны с особенностями конкретно-исторической ситуации в стране и, с нашей точки зрения, хорошо видны из его содержания:

1) активная внешнеполитическая деятельность Петра I, во многом проявляющаяся в обеспечении выгодных для России геополитических позиций, пред-полагала существование сильной, боеспособной армии. Последняя могла быть создана только при условии формирования в ее рядах жесткой дисциплины, что предопределило необходимость разработки свода норм, которые бы под страхом уголовного наказания устанавливали запрет на совершение деяний, нарушающих порядок несения военной службы. Преимущественную долю Артикула образует описание именно воинских преступлений: непосредственно им посвящены 15 из 24 глав закона, а кроме того, они упоминаются в иных главах;

2) все изменения в государственной и политической жизни России были пронизаны идеей абсолютизации власти монарха и упрочения самодержавия. Разумеется, она в первоочередном порядке нуждалась в уголовно-правовом обеспечении, которое, в частности, выразилось в следующем:

а) преступление по Артикулу определяется главным образом как нечто «вражеское и предосудительное против персоны его величества», а равно (далее) против «его войск, его государства, людей или интересу государственного» (Присяга или обещание всякого воинского чина людям). Не менее абстрактные конструкции используются законодателем и далее — в преамбуле, тексте присяги, основном содержании Артикула, свидетельствуя своим существованием об отсутствии четкого водораздела между преступным и непроступным и о все еще широчайшей свободе судейского усмотрения, преследующей, очевидно, цель максимальной охраны самодержавной власти императора.

Вот как описывается в Артикуле преступление, состоящее в оскорблении императора словом (арт. 20): «Кто против его величества особы хулительными словами погрешит, его действо и намерение презирать и непристойным образом о том разсуждать будет, оный имеет живота лишен быть, и отсечением главы казнен.

Толкование. Ибо его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен. Но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле

и благомыслию управлять. И яко же о его величестве самом в оном артикуле помянуто, разумеется тако и о его величества цесарской супруге, и его государства наследии».

Примеры других понятий, подтверждающие сказанное: «благопристойно», «тщательно радеть», «благодаяние», «должное послушание», «протчия причины, которые судья за праведныя и необходимыя признает», «что нибудь прикажет, которое к службе его величества не касается, и службе солдатской непристойно» и многие-многие др.;

б) во время правления Петра I церковь прочно входит в систему государственных органов, а сам монарх становится юридическим ее главой. Однако, несмотря на утрату церковью своей автономности и возможности оказывать влияние на решения монарха, на порядок восхождения на престол, религия как источник послушания народа нуждается, в интересах самодержавия, в незыблемой охране. Поэтому в Артикуле на первом месте (даже до воинских преступлений) приводятся преступления против религии с установлением за них суровых наказаний;

в) предусматривая возможность применения уголовного наказания, а уж тем более реально его применяя, государство по-прежнему преследовало цель устрашения, о чем свидетельствуют такие черты наказания, как жестокость и неопределенность. Они, в частности, усматриваются из следующих законодательных формулировок: «в жестоком заключении» (арт. 1), «жестокое наказание» (арт. 26), «взящею жестокостию наказан быть имеет» (арт. 43), «без всякой милости аркебузировать» (арт. 46), «жестоко шпицрутенами наказан будет» (арт. 57), «несколько денег» (арт. 17), «до удобного времени его держать» (арт. 77), «по изобретению дела» (арт. 33), «по благоразсуждению» (арт. 21) и др.;

3) развитие многих сфер государственной и общественной жизни привело к возникновению новых видов общественно опасного поведения и к изменению взглядов на опасность для общества некоторых уже известных ему посягательств;

4) до принятия Артикула подобные процессы получали отражение в указах, посвященных отдельным преступлениям и наказаниям за их совершение, о многочисленности которых было сказано в начале анализа. В результате их нарастания и хаотического состояния, а также противоречия все еще действовавшему Соборному Уложению 1649 г. судебная практика начала испытывать значительные трудности. Несмотря на попытки систематизировать их, предпринятые в 1700–1703 гг. учрежденной Петром I Палатой об уложении, созданная ею Новоуложенная книга представляла собой «простой механический свод статей Уложения с новыми статьями, между которыми не было никакого согласия»²⁶. В результате Петром I было принято решение о продолжении работы над систематизацией законодательства, а судам надлежало руководствоваться нормами Соборного Уложения и теми новоуказными статьями, которые ему не противоречи-

ли²⁷. Существовавший уголовно-правовой порядок (а точнее беспорядок) был неудобен и нуждался в изменении.

Правовая предпосылка создания Артикула Воинского, как и предшествовавших уголовных законов, заключается в достижении более высокого уровня уголовно-правовых знаний и в обусловленной этим обстоятельством необходимости совершенствования закона. О повышении законотехнического и содержательного уровня Артикула Воинского свидетельствует, в частности, следующее:

а) впервые в истории России содержание крупного законодательного акта исчерпывается нормами уголовного права;

б) уголовно-правовые предписания стали носить более абстрактный (обобщенный) характер, намечается отход от использования казуистического способа изложения уголовно-правового материала;

в) несмотря на то, что в Артикуле все еще отсутствовало деление на Общую и Особенную части, в его тексте четко проявляются нормы - общие положения, касающиеся, в частности, понятия преступления, принципов уголовной ответственности, вины, добровольного отказа, необходимой обороны, крайней необходимости, цели наказания, смягчающих и отягчающих обстоятельств;

г) отдельные артикулы сопровождалось особым толкованием, которым законодатель либо конкретизировал уголовно-правовую норму, либо предоставлял судьям свободу в разрешении конкретной уголовно-правовой ситуации.

Подытоживая, отметим, что обращение к конкретно-историческим ситуациям, в которых создавались значимые для уголовного права законы, позволяет усмотреть складывавшиеся для этого социальные и правовые предпосылки и нацеливает на продолжение их выявления вплоть до наших дней.

¹ Под уголовными законами в данном случае понимаются как документы, включающие нормы уголовного права наряду с нормами иной отраслевой принадлежности, так и те, содержание которых исчерпывается предписаниями уголовно-правового характера. При этом и сам термин закон используется в широком значении: как постановление государственной власти, нормативный акт, принятый государственной властью. См., напр.: Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. URL: <http://www.ozhegov.org/words/9095.shtml> (дата обращения: 02.09.2014).

² См., напр.: Владимирский-Буданов М.В. Обзор истории русского права. Ростов-н/Дону, 1995.

³ Крещение Руси произошло позже, в 988 году.

⁴ Подробнее об уголовно-правовом содержании Договоров см.: Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России. В 2 ч. Ч. 1. М., 2014. С. 9-10.

⁵ Следует сказать, что тексты Договоров содержали отсылку к «закону русскому», что позволило некоторым историкам права сделать предположительный вывод о существовании до сего момента в Древней Руси «свода устных норм обычного права». См., например: Исаев И.А. История государства и права России: полный курс лекций. М., 1994. С. 13.

⁶ Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 47-49.

⁷ Там же. С. 64-80.

⁸ См.: История государства и права России: полный курс лекций. М., 1994. С. 13-14.

⁹ См.: Наумов А.В. Указ. раб. С. 10-11.

¹⁰ Там же. С. 11.

¹¹ См. напр.: Исаев И.А. Указ. раб. С. 14.

¹² См.: Ключевский В.О. Русская история: полный курс лекций. М., 2005. С. 127. Цит. по: Наумов А.В. Указ. раб. С. 12.

¹³ См. об этом подробнее, например: История России с древности до наших дней / под ред. М.Н. Зуева. М., 1995. С. 46-47, 52-54, 57-58.

Это было связано с двумя обстоятельствами: принятием князем Иваном царского титула и канонизированием церковным собором большого числа местных святых.

¹⁴ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 54–62.

¹⁵ Там же. С. 97–120.

¹⁶ *Исаев Н.А.* Указ. раб. С. 48.

¹⁷ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 68.

¹⁸ Н.М. Карамзин писал, что «имя доброго гражданина безо всякого иного титула было правом на государственное уважение». См. об этом: Российское законодательство X–XX веков. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 6.

¹⁹ *Наумов А.В.* Указ. раб. С. 23.

²⁰ Российское законодательство X–XX веков. Т. 3: Акты Земских соборов. М., 1985. С. 83–257.

²¹ *Исаев Н.А.* Указ. раб. С. 57.

²² *Наумов А.В.* Указ. раб. С. 24.

²³ См., напр.: *Исаев Н.А.* Указ. раб. С. 108.

²⁴ *Ромашкин П.С.* Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947. С. 16.

²⁵ Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 327–365.

²⁶ *Любавский М.К.* Русская история XVII–XVIII веков. СПб., 2002. С. 133.

²⁷ См., например: *Наумов А.В.* Указ. раб. С. 37–38.

М.М. Лапунин*

ПРОХОЖДЕНИЕ ОБУЧЕНИЯ В ЦЕЛЯХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОЦЕНКА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ НОВЕЛЛЫ**

Федеральным законом от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в УК РФ были введены очередные статьи, направленные на борьбу с терроризмом. Среди них ст. 205.3 «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности». На первый взгляд, этой статьей была осуществлена так называемая ложная криминализация, ведь, строго говоря, противодействие подобным деяниям было возможным посредством норм Общей части УК РФ о приготовлении к преступлению. Вместе с тем новеллу можно рассматривать и шире. Для начала кратко охарактеризуем состав преступления, предусмотренного ст. 205.3 УК РФ.

Объективную сторону рассматриваемого преступления законодатель сформулировал так: прохождение лицом обучения, в том числе приобрете-

* *Лапунин Михаил Михайлович* — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Особенности проявления религиозного экстремизма и основные направления противодействия ему на примере регионов Приволжского федерального округа (Саратовской, Ульяновской областей и Республики Татарстан)», № 14-33-01231.

ние знаний, практических умений и навыков в ходе занятий по физической и психологической подготовке, при изучении способов совершения указанных преступлений, правил обращения с оружием, взрывными устройствами, взрывчатыми, отравляющими, а также иными веществами и предметами, представляющими опасность для окружающих.

В уголовном законе нет расшифровки понятий «знания, умения, навыки». Их толкование можно найти в Модельном образовательном кодексе для государств-участников СНГ (новая редакция, принятая в 2013 году в Санкт-Петербурге).

Знания — результат процесса познания действительности, адекватное ее отражение в сознании человека в виде представлений, понятий, суждений, теорий. Знания могут быть донаучными, житейскими, художественными (как специфический способ эстетического освоения действительности), научными. На основе знаний вырабатываются умения, навыки и компетентность. Умения — способности проделать определенную работу в соответствии с полученными знаниями. Качество умения определяется характером и содержанием знаний о выполняемом действии. Навыки — утвердившиеся в ходе неоднократного использования знаний и умений способности эффективно выполнить определенную работу. В соответствии с видами действий различают навыки: двигательные, сенсорные (действия по восприятию), интеллектуальные.

Для описания предмета преступления нужно обратиться к ряду правовых актов. В статье 1 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии»¹ оружие определяется как устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов (это может быть огнестрельное, холодное, пневматическое, газовое оружие и т.д.).

Как поясняется в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»², взрывчатые вещества — химические соединения или механические смеси веществ, способные к быстрому самораспространяющемуся химическому превращению, взрыву без доступа кислорода воздуха. Это тротил, аммониты, пластиты, эластиты, порох, твердое ракетное топливо и т.п.

Взрывные устройства — промышленные или самодельные изделия, функционально объединяющие взрывчатое вещество и приспособление для инициирования взрыва (запал, взрыватель, детонатор и т.п.)³.

Отравляющее вещество — токсичный химикат, предназначенный для снаряжения средств боевого применения (боеприпасов, устройств, приборов и др.)⁴. Примеры таких веществ — зоман, зарин, иприт, люизит.

В качестве иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, могут выступать сильнодействующие, радиоактивные вещества, горючие жидкости и т.п.

Обучение в целях осуществления террористической деятельности может осуществляться как в коллективной форме (например, в так называемых лагерях для подготовки террористов), так и в индивидуальной.

Преступление следует считать оконченным с момента начала обозначенного обучения, независимо от того, получит в результате виновный желаемые знания, умения, навыки или нет (усеченный состав). Такая трактовка следует как из предназначения введения рассматриваемой нормы (на максимально ранних стадиях пресечь подготовку к преступлениям террористической направленности), так и из лексического толкования. В ст. 205.3 УК РФ речь идет о прохождении обучения, ... «проводимого», а не «проводившегося», соответственно процесс обучения на момент совершения преступления еще не завершен. Вместе с тем нужно оговорить длящийся характер предусмотренного ст. 205.3 УК РФ преступления: фактическое окончание возможно при пресечении преступного деяния, добровольном прекращении обучения или при его окончании.

Субъект преступления — общий, достигший возраста шестнадцати лет. Трудно сказать, осознанно или по недосмотру законодатель не стал упоминать ст. 205.3 в ч. 2 ст. 20 УК РФ (например, менее тяжкое преступление, описанное в ст. 207 УК РФ, там содержится). Тем не менее, лицо, достигшее четырнадцати, но не достигшее шестнадцати лет при прохождении такого обучения, может быть привлечено к уголовной ответственности за приготовление к террористическому акту или захвату заложника при наличии всех признаков состава соответствующего преступления.

Субъективная сторона преступления предполагает прямой умысел. В диспозиции статьи говорится про специальную цель — осуществление террористической деятельности либо совершение одного из преступлений, предусмотренных ст. 205.1, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК РФ. Следует обратить внимание, что в этом списке не указана статья 205 УК РФ «Террористический акт». Вместе с тем это она входит в понятие террористической деятельности, соответственно обучение, например, способам совершения террористических актов образует объективную сторону рассматриваемого состава преступления.

Буквальное прочтение названия статьи дает основание предположить, что указанная цель имеется у самого лица, проходящего обучение. Однако при буквальном толковании диспозиции можно сделать однозначный вывод, что она (цель) не относится к субъективной стороне преступления, а характеризует состояние психики лиц, которые организуют подобные курсы обучения. При этом у самого обучающегося могут быть любые цели: научиться обращаться с огнестрельным оружием, взрывными устройствами, чтобы в дальнейшем стать «заказным убийцей», совершенствовать физические навыки, чтобы повысить самооценку, жить и питаться «за казенный счет» (т.е. за счет террористов) и т.д. Важно при этом, чтобы виновный знал (заранее, наперед — об этом говорит термин «заведомо») о целях организаторов подобных «курсов» обучения.

Как уже было сказано, по сути, в рассматриваемой статье законодатель выделил специальный вид приготовления к преступлению (применительно к преступлениям террористической направленности). Соответственно, при приготовлении к конкретному преступлению (например, захвату заложника) возможна реальная совокупность⁵ преступлений, предусмотренных ст. 205.3 УК РФ, а также ч. 1 ст. 30 и ст. 206 УК РФ: лицо наряду с обучением закупает оружие для совершения захвата в определенное время, разрабатывает его план, готовит пути отхода и т.д.

Любое преступление, совершенное после обучения, требует квалификации по совокупности (ст. 205.3 и, например, ст. 206 УК РФ).

Согласно примечанию к статье, лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст. 205.3 УК РФ, освобождается от уголовной ответственности, если оно сообщило органам власти о прохождении обучения, способствовало раскрытию совершенного преступления или выявлению других лиц, прошедших такое обучение, осуществлявших, организовавших или финансировавших такое обучение, а также мест его проведения и если в его действиях не содержится иного состава преступления. Наличие такого примечания важно в силу уже обозначенного момента окончания преступления: применить положения ст. 31 УК РФ о добровольном отказе к лицу, которое уже начало обучение, нельзя.

Польза от рассмотренной новеллы уголовного закона видится в том, что наличие такого состава преступления позволит бороться с террористами на предельно ранних стадиях. Дело в том, что для вменения приготовления к преступлению следователю нужно будет знать и доказать, к какому именно преступлению готовится экстремист, а это далеко не всегда реализуемо. Ведь даже сам обучающийся может еще не знать, будет ли он совершать захват заложников или теракт, диверсию или убийство государственного деятеля, разбой или вымогательство. Более того, у обучающегося и обучающего могут быть совершенно разные планы на будущее, что было отмечено при анализе субъективной стороны преступления. Следует также учитывать, что некоторые террористические преступления не являются тяжкими или особо тяжкими, а потому приготовление к ним ненаказуемо (ч. 1 ст. 205.2 УК РФ).

При общей положительной оценке ст. 205.3 УК РФ хотелось бы высказать критику в отношении ее санкции, содержание которой, как представляется, лишено всякой логики. Обучение террористической деятельности наказывается лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет или пожизненным лишением свободы, но даже квалифицированный террористический акт (например, совершенный организованной группой, п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ) не влечет за собой пожизненное лишение свободы. Наличие столь строгого наказания не только противоречит принципу справедливости (приготовление к преступлению, фактически, наказывается строже его осуществ-

вления), но и вносит ряд препятствий для смягчения наказания лицу, встающему на путь исправления (в частности, положения ст. 62 УК РФ).

Отметим, что законодатель избежал такой ошибки при введении Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ аналогичной нормы в ч. 4 ст. 213 УК РФ (прохождение лицом обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях организации массовых беспорядков либо участия в них...).

В целом, если применение подобной нормы покажет ее эффективность, можно было бы предложить распространить действие ст. 205.3 УК РФ не только на террористические преступления (их перечень здесь почему-то существенно уже, чем в примечании 1 к ст. 205.1 УК РФ), но и на ряд экстремистских преступлений, многие из которых совершаются с применением насилия. Также известны случаи прохождения за рубежом молодыми людьми обучения в религиозных и псевдорелигиозных учебных заведениях в целях дальнейшего совершения экстремистских преступлений. Разумеется, в случае расширения перечня преступлений, обучение совершению которых будет влечь уголовную ответственность, необходима будет тщательная дифференциация ответственности.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 51, ст. 5681.

² См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 5.

³ Нормативно-правовое определение этих предметов содержится в ст. 1 Соглашения о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с незаконным изготовлением и оборотом огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (Кишинев, 2008): «взрывчатое вещество» - конденсированное химическое вещество или смесь веществ, способных под влиянием внешних воздействий к быстрому самораспространяющемуся химическому превращению (взрыву) с выделением большого количества тепла и газообразных продуктов; «взрывное устройство» - промышленное или самодельное изделие, функционально объединяющее взрывчатое вещество и приспособление для инициирования взрыва.

⁴ См.: Государственная система обеспечения единства измерений. Метрологическое обеспечение уничтожения химического оружия. Термины и определения. ГОСТ Р 8.639-2008 (утв. приказом Ростехрегулирования от 25 января 2008 г. № 8-ст). М., 2008.

⁵ Идеальная совокупность исключена в силу ч. 2 ст. 6 УК РФ.

В.Ф. Лапшин*

ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Состояние современной российской уголовной политики в научной литературе оценивается крайне негативно. Это связывается, прежде всего, с бессистемными изменениями и дополнениями УК РФ, низким качеством техники построения уголовно-правовых норм-новелл, либерализацией

* *Лапшин Валерий Федорович* — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права ФКОУ ВПО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России».

уголовного наказания при отсутствии компенсирования в виде мер интенсивного социально-правового воздействия на осуждённого и прочими обстоятельствами. Описывая высказанные в теории мнения по поводу уголовной политики России XXI в., Н.А. Лопашенко отмечает следующее: «Почти все сходятся в одном: с уголовной политикой в стране — плохо, а, возможно, её и вовсе нет»¹. Аналогичную негативную оценку современной уголовной политике дают Э.Ф. Побегайло², Б.Я. Гаврилов³, А.И. Овчинский⁴ и иные авторы.

Уголовная политика как один из видов государственной деятельности осуществляется на основании специальных принципов — основополагающих идей или фундаментальных начал, которые определяют её цели, задачи, а также систему мер проведения в жизнь. Современная доктрина в качестве принципов уголовной политики называет социальную обусловленность, научную обоснованность, сочетание частных и публичных интересов, устойчивость и предсказуемость, экономию уголовной репрессии и др.⁵

Подробный анализ каждого из указанных принципов и их соблюдения при проведении современной уголовной политики выходит за рамки настоящего исследования. В то же время нельзя не отметить, что некоторые из приведённых принципов игнорируются, что наиболее ярко проявляется в уголовной политике противодействия экономической преступности. Так, на момент разработки и принятия российского уголовного закона было достаточно проблематично определить исчерпывающее, достаточное и минимально необходимое для обеспечения уголовно-правовой защиты интересов хозяйствующих субъектов количество видов экономических преступлений. В этот же период времени существенно обновлялось гражданское законодательство, что создавало объективные трудности для формулирования объекта уголовно-правовой охраны от экономических преступных посягательств и некоторых видов преступлений, ответственность за которые предусматривалась нормами главы 22 УК РФ. Отдельные нормы главы 22 УК РФ критиковались в научной литературе чуть ли не с момента его принятия⁶.

Таким образом, правовой анализ содержания норм о преступлениях в сфере экономической деятельности на момент вступления УК РФ в силу свидетельствует о том, что в ряде случаев законодатель допустил ошибки технико-юридического содержания, из-за которых применение отдельных норм главы 22 УК РФ оказалось крайне затруднительным. В то же время законодатель обеспечил системный и унифицированный подход к изложению базовых юридически значимых признаков составов экономических преступлений, что облегчило процесс толкования и правоприменения. В связи с этим можно констатировать, что отечественное уголовное законодательство в части регламентации уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности преодолело этап постсоветского становления. С 1997 г. оно должно было бы развиваться по пути устранения частных ошибок и неточностей технико-правового характера,

допущенных в отдельных нормах главы 22 УК РФ (ч. 1 ст. 169, ст. 173, 195, 197 и др.). Здесь же можно было бы прогнозировать активную деятельность Пленума Верховного Суда РФ, направленную на упорядоченное единообразное толкование и применение следственными и судебными органами норм-новелл о преступлениях в сфере экономической деятельности. Фактически же деятельность по совершенствованию уголовного законодательства РФ не сводилась к устранению частных пробелов и неточностей, допущенных при описании юридически значимых признаков составов преступлений в сфере экономической деятельности. Думается, что данное утверждение характеризует весь период действия УК РФ. Одно из первых изменений осуществлено уже в 1998 г.: оно сводилось к расширению способов преступного уклонения от уплаты налогов и введению специального основания освобождения от уголовной ответственности недобросовестного налогоплательщика. В соответствии с примечанием к ст. 198 УК РФ таковым признавалось полное возмещение установленного в процессе производства по уголовному делу ущерба, который был причинён преступным уклонением от уплаты налогов и иных обязательных платежей⁷. На практике данные нововведения привели к тому, что любая просрочка по налоговым и иным обязательным платежам при наличии иных юридически значимых признаков могла влечь за собой ответственность по ст. 198 или 199 УК РФ. Налоговая и административная ответственность в данных случаях, как правило, не применялись. В то же время погашение указанной задолженности на любой стадии уголовного производства влекло за собой беспрепятственное прекращение уголовного дела.

Данные изменения, думается, были продиктованы сложнейшей экономической ситуацией: именно в 1998 г., спустя два месяца после внесения указанных изменений в УК РФ, Правительство России официально заявило об отсутствии средств для оплаты ранее выпущенных государственных краткосрочных облигаций. Государственный дефолт сопровождался стремительным ростом цен, падением курса национальной валюты и резким снижением уровня материального благосостояния населения. Критические ситуации, связанные с сомнительной платежеспособностью государства перед такими кредиторами, как Международный валютный фонд, Парижский клуб, неоднократно возникали после дефолта 1998 г., так как, по данным аналитиков, общая сумма внешнего долга России превышала в 1,1 раза размеры валового внутреннего продукта⁸. Поэтому в сложившейся ситуации практика применения уголовного закона за экономические (прежде всего налоговые) преступления стала сводиться к внеэкономическому силовому воздействию на всех хозяйствующих субъектов с целью обеспечения доходной части бюджетов и государственных внебюджетных фондов.

Впоследствии внешнеэкономическая ситуация, особенно на рынке углеводородов, стала складываться весьма благоприятно для России как одного из крупнейших экспортёров полезных ископаемых. Устойчивый рост мировых цен на нефть и газ обеспечил приток иностранной валю-

ты в отечественную экономику, что позволило не только ликвидировать кризисные последствия 1998 г., но и погасить задолженность перед указанными международными организациями-кредиторами. В этой ситуации уголовное законодательство в части возможности чрезмерно агрессивного внеэкономического воздействия на представителей бизнеса оказалось не соответствующим новым экономическим условиям. По этой причине в декабре 2003 г. значительное количество положений уголовного закона было пересмотрено. Глава 22 УК РФ была дополнена ст. 199¹ и 199², которые устанавливали уголовную ответственность за неисполнение обязанностей налогового агента и сокрытие денежных средств и иного имущества, за счёт которого могло производиться взыскание налогов и (или) сборов. Этим же законом устранялась возможность привлечения налогоплательщика к уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов и иных обязательных платежей «безобманным» способом, а равно были исключены специальные основания освобождения от уголовной ответственности за налоговые преступления, предполагающие погашение в полном объёме доначисленных сумм обязательных платежей, т.е. ущерба по уголовному делу⁹.

Данное решение можно прокомментировать следующим образом: государство отказалось от возможности использования уголовно-правовых инструментов для решения проблемы выполнения доходной части бюджетов различных уровней, а равно государственных внебюджетных фондов. С декабря 2003 г. в отношении лиц, совершивших налоговые преступления, действовал общий порядок производства по уголовному делу, в том числе порядок его прекращения. Возмещение лицом ущерба, причинённого в результате совершения налогового преступления, с декабря 2003 г. по декабрь 2009 г. могло быть оценено судом лишь в качестве обстоятельства, смягчающего наказание. Разумеется, данное обстоятельство не стимулировало совершивших преступление граждан добровольно возмещать ущерб в сумме налоговой задолженности и штрафных санкций. Однако, с учётом динамично растущих мировых цен на нефть и газ, указанные дополнительные источники финансирования бюджетов и государственных внебюджетных фондов существенного интереса не представляли. В целом, российская экономика периода 2004–2008 гг. по ряду объективных показателей (создание Стабилизационного фонда, принятие в течение нескольких лет подряд профицитных государственных бюджетов и др.) отличалась положительной динамикой развития¹⁰.

Уголовное законодательство данного периода не отличалось внесением значительного количества изменений и дополнений, уточняющих и (или) дополняющих юридически значимые признаки деяний, совершаемых в сфере экономической деятельности. Так, с декабря 2003 г. по декабрь 2009 г. было принято девять федеральных законов, которые, в основном, несущественно корректировали диспозиции норм главы 22 УК РФ¹¹.

Однако благоприятная ситуация в отечественной экономике длилась недолго. Последствия мирового финансового кризиса стали распространяться на экономику России уже в начале 2009 г.¹², что влекло за собой спады всех показателей производственного сектора, увеличение безработицы и сокращение доходов большей части населения. По этим причинам государство было вынуждено предпринять комплекс антикризисных мер, в том числе пересмотреть подходы к определению преступности и наказуемости деяний, совершаемых в сфере экономической деятельности. В первую очередь речь идёт о повторном введении в УК РФ специального основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренной за совершение налоговых преступлений. Данное основание, как и до декабря 2003 г., закреплялось в примечаниях к ст. 198 и 199 УК РФ и фактически сводилось к необходимости полного возмещения сумм ущерба, определяемого в соответствии с действующим налоговым законодательством. В отличие от предыдущей редакции соответствующих примечаний к ст. 198 и 199 УК РФ, в настоящее время общая сумма ущерба, причинённого в результате совершения налогового преступления, определяется не только размером недоимки по налогам и иным обязательным платежам, но и суммами дополнительно начисляемых налоговыми органами пеней и штрафов за несвоевременную уплату налогов и (или) сборов¹³.

Начиная с декабря 2009 г., официально объявляется курс на целенаправленную либерализацию действующего уголовного законодательства в части установления и реализации уголовной ответственности за экономические преступления. В связи с этим с апреля 2010 г.¹⁴ принимается ряд законов об изменении и дополнении некоторых норм, содержащихся в главе 22 УК РФ¹⁵. Изменения коснулись примечания к ст. 169 УК РФ, вследствие чего в шесть раз были увеличены размеры общих криминообразующих признаков составов преступлений в сфере экономической деятельности, которые определяют последствия совершённого деяния в материальном выражении или характеризуют размах противоправной (преступной) деятельности: с двухсот пятидесяти тысяч рублей до полутора миллионов рублей (крупный размер, крупный ущерб и др.); с полутора до шести миллионов рублей (особо крупный размер, особо крупный ущерб и др.). В данном случае можно наблюдать действительное ослабление уголовно-правового воздействия, поскольку с декабря 2003 г. по апрель 2010 г. показатели инфляции в российской экономике при учёте всех негативных последствий мирового финансового кризиса не могли составлять 600%. В соответствии с результатами аналитических исследований, основанных на официальных статистических показателях Росстата, годовые уровни инфляции периода 2004–2009 гг. включительно составляли чуть больше 65% (см. таблицу 1).

Таблица 1

Годовые уровни инфляции периода 2004–2009 гг.¹⁶

Год	Показатель инфляции (в %)
2004	11,74
2005	10,91
2006	9,00
2007	11,87
2008	13,28
2009	8,80
ИТОГО:	65,6

Таким образом, уровень криминализации большинства деяний, совершаемых в сфере экономической деятельности, объективно был увеличен более чем в пять раз, по сравнению с аналогичным показателем декабря 2003 г., что, безусловно, свидетельствует об ослаблении уголовно-правового воздействия на лиц, совершающих противоправные действия в процессе осуществления экономической деятельности.

Ещё одной разновидностью указанного выше процесса либерализации можно признать решение законодателя об исключении уголовной ответственности за нарушение в рамках предпринимательской деятельности лицензионных требований, что прежде рассматривалось, при наличии иных юридически значимых признаков, в качестве уголовно наказуемого незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ).

Частично были декриминализованы составы налоговых преступлений (ст. 194, 198–199¹), а также легализация имущества, приобретённого лицом в результате совершения им преступления (ст. 174¹). Это было достигнуто путём увеличения размера минимальной суммы умышленно неуплаченных налогов, сборов и (или) иных обязательных платежей. Аналогичное решение принято по поводу криминообразующего признака «крупный размер», предусмотренного диспозицией ст. 174¹ УК, стоимостное выражение которого увеличено на пятьсот тысяч и в настоящее время определяется суммой свыше полутора миллионов рублей.

Обособленной составляющей либерализации уголовной политики в части ответственности за преступления в сфере экономической деятельности можно признать решение законодателя об исключении нижней границы размера или срока наказания, предусмотренного в санкциях значительного числа норм главы 22 УК РФ. Это привело к уравниванию соответствующих размеров и сроков наказаний до той минимальной границы, которая определяется нормами Общей части. Также федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ глава 11 УК РФ дополнена ст. 76¹, которая предусматривает самостоятельный вид освобождения от уголовной ответственности. При этом действие данной нормы распространяется только на лиц, совершивших некоторые преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК): ч. 1 ст. 171, ст. 177, 195, 199 и др.

Кроме этого, из действующего УК РФ периода декабря 2003 г. — декабря 2009 г. были исключены нормы об уголовной ответственности за совершение лжепредпринимательства (ст. 173) и контрабанды (ст. 188), однако в этом случае вести речь о либерализации уголовного законодательства не представляется возможным. Утрата юридической силы ст. 188 УК РФ ни в коей мере не означала декриминализацию контрабандных общественно опасных посягательств: в УК РФ были введены специальные виды контрабанды, дифференциация которых осуществлялась на основании предмета преступления: ст. 226¹, 229¹ и 200¹.

Практическое неприменение ст. 173 УК РФ было вызвано не отсутствием общественной опасности соответствующего преступного посягательства, а явной погрешностью законодательной техники описания преступного посягательства. Буквальное толкование ст. 173 УК РФ позволяло сделать вывод о том, что уголовная ответственность устанавливалась за факт регистрации юридического лица¹⁷. Разумеется, что при таком описании признаков объективной стороны состава преступления, ст. 173 УК РФ была обречена на неприменение. В то же время попытка уточнения юридически значимых признаков лжепредпринимательства была реализована путём введения в декабре 2011 г. норм об уголовной ответственности за незаконные: образование, создание и (или) реорганизацию юридического лица (ст. 173¹) и использование документов для образования, создания и (или) реорганизации юридического лица (ст. 173²). Данное решение исключило возможность существования пробела в уголовном законодательстве в части привлечения к ответственности лиц, использующих правовой статус юридического лица как средство совершения противоправных действий экономического характера.

В то же время законотворческий процесс по изменению и дополнению положений глава 22 УК не был направлен исключительно на либерализацию уголовных правоотношений в экономической сфере. В частности, за период с октября 2009 г. по настоящее время глава 22 УК была дополнена рядом норм, предусматривающим ответственность за неправомерные действия на рынке ценных бумаг, в том числе в области соблюдения правил учёта прав владельцев ценных бумаг (ст. 170¹, 185²-185⁵), незаконных действий, связанных с оборотом немаркированной продукцией (ч. 3, 4 ст. 171¹), осуществления незаконных операций и контрабанды валютных ценностей (ст. 193¹, 200¹), уклонений от уплаты таможенных платежей (ч. 3, 4 ст. 194) и др. Всего за данный период в главу 22 УК РФ были введены нормы-новеллы, которые предусматривают четырнадцать основных и квалифицированных составов преступлений. Подобная репрессивная активность законодателя явно свидетельствует, как минимум, о нестабильности российской экономики, для преодоления которой используются различные средства, в том числе уголовно-правового характера.

Тем не менее, последовательное реформирование уголовного законодательства в экономической сфере в настоящее время не наблюдается.

Подавляющее большинство норм-новелл о преступлениях, совершаемых в сфере экономической деятельности, относится к категориям небольшой или средней тяжести. Наличие данного обстоятельства в совокупности с соответствующими положениями Общей части об основаниях освобождения от уголовной ответственности и наказания позволяет прогнозировать неприменение реальных мер уголовно-правового воздействия в отношении лиц, признанных виновными в совершении соответствующих преступных посягательств. Низкое технико-юридическое качество новелл уголовного законодательства в сфере экономической деятельности существенно сокращает возможности их применения в уголовно-процессуальной деятельности следственных и судебных органов¹⁸.

По этим причинам можно признать неэффективной защиту экономических отношений, осуществляемую путём дополнения главы 22 УК РФ нормами о новых видах экономических преступлений. Аналогичной оценки заслуживает и проводимая в настоящее время уголовная политика по противодействию экономическим общественно опасным посягательствам. Принимаемые решения о криминализации и декриминализации уголовно-наказуемых деяний, предусмотренных нормами главы 22 УК РФ, отличаются крайней противоречивостью. Сопоставительный анализ экономической ситуации в стране и изменений главы 22 УК РФ свидетельствует не о последовательно проводимой реформе уголовного законодательства об ответственности за экономические преступления с целью предупреждения их совершения, а о стремлении государства получить дополнительную имущественную выгоду от применения отдельных уголовно-правовых норм. В какой-то мере это не только умаляет превентивное значение уголовного закона, но и способствует росту преступлений, уголовной ответственности за которые можно избежать на законных основаниях даже при наличии добротной доказательственной базы по делу. Дополнительным аргументом в пользу данного мнения может выступать введение специальных оснований освобождения от уголовной ответственности за совершение налоговых и некоторых иных экономических преступлений, поскольку данные основания являются безупречными как с теоретической, так и с практической точки зрения. Наконец, усугубляет ситуацию крайне низкое качество значительного количества норм об уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности. Их анализ приводит к выводу о том, что законодатель не стремится обеспечить устранение якобы существующего пробела в уголовном праве и стимулировать уголовно-процессуальную деятельность следственных и судебных органов, а, наоборот, создаёт значительное количество уголовно-правовых предписаний, реализация которых крайне затруднительна по причине несогласованности и конкуренции с уже действующими нормами Особенной части УК РФ.

¹ Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009. С. 3.

² См.: Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 4. С. 112-117.

³ См.: Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М., 2008. С. 3.

⁴ См.: Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. С. 15.

⁵ См. подробнее: Лесников Г.Ю., Лопашенко Н.А. Принципы уголовной политики // Энциклопедия уголовного права. Т. 1. СПб., 2008. С. 30-38; Гладких В.И. О некоторых проблемах уголовной политики в сфере противодействия экономической преступности // Российская юстиция. 2012. № 3. С. 43.

⁶ См. подробнее: Гарифуллина Р. Ответственность за преступления в сфере финансово-кредитных отношений // Российская юстиция. 1997. № 2. С. 29-30; Бокова И.Н., Изосимов С.В., Кузнецов А.П. Проблемы назначения и исполнения наказаний по преступлениям, совершаемым в сфере экономической деятельности // Юрист. 2000. № 2. С. 9-16; Кузнецов А.П. Государственная политика противодействия налоговым преступлениям в России: проблемы реализации и законодательной регламентации // Актуальные проблемы юридической ответственности за нарушения в сфере экономической деятельности и налогообложения: материалы научно-практической конференции / отв. за вып. Л.Л. Кругликов. Ярославль, 2001. С. 31-35 и др.

⁷ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 26, ст. 3012; Пастухов И., Яни П. Ответственность за налоговые преступления // Российская юстиция. 1999. № 4. С. 25; Яни П.С. Налоговые преступления // Законодательство. 1999. № 11. С. 48.

⁸ См.: Хмелёв М. Россия и МВФ: смена ролей // РИА Новости. 2007. 17 апр. URL: <http://ria.ru/economy/20070417/63819332.html> (дата обращения: 14.11.2013).

⁹ См.: Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2003. 16 дек.

¹⁰ См.: Федеральный закон от 23 декабря 2003 г. № 184-ФЗ «О внесении дополнений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части создания Стабилизационного фонда Российской Федерации» // Российская газета. 2003. 27 дек. (утратил силу).

¹¹ См.: Федеральные законы от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ, 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ, 19 декабря 2005 г. № 161-ФЗ, 30 декабря 2006 г. № 283-ФЗ, 13 мая 2008 г. № 66-ФЗ, 28 апреля 2009 г. № 66-ФЗ, 29 июля 2009 г. № 216-ФЗ, 30 октября 2009 г. № 241-ФЗ, 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ.

¹² См. подробнее: Сергеев М. Кризис вписали в бюджет // Независимая газета. 2009. 26 февр.

¹³ См.: Федеральный закон от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2009. 31 дек.

¹⁴ См., например: Федеральный закон от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2010. 9 апр. и др.

¹⁵ См.: Скобликов П.А. Основания и последствия ослабления ответственности за экономические преступления в современной России // Закон. 2011. № 9. С. 96-98.

¹⁶ См. подробнее: Уровень инфляции в Российской Федерации. URL: http://уровень-инфляции.рф/таблица_инфляции.aspx (дата обращения: 23.09.2014).

¹⁷ См.: Устинова Т.Д. Уголовная ответственность за лжепредпринимательство. М., 2003. С. 68-70.

¹⁸ Более подробно см.: Безверхов А.Г. Современная уголовная политика в сфере экономики: в поисках адекватной модели // Российская юстиция. 2012. № 10. С. 33; Гладких В.И. Указ. соч. С. 45-46; Кузнецов А.П., Маршакова Н.Н., Палеева К.О. Законодательные дефекты норм, предусматривающие ответственность за преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ) // Преступления в сфере экономики: российский и зарубежный опыт: сборник научных трудов. М., 2009. С. 199-217 и др.

П.И. Левченко*, С.С. Витвицкая**

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА РАЗЛИЧНЫХ СУБЪЕКТОВ ПАССИВНОГО ПОДКУПА

В доктрине уголовного права существуют две диаметрально противоположные точки зрения относительно того, может ли специальный субъект рассматриваться в качестве обстоятельства, участвующего в формировании общественной опасности преступного поведения. Одни ученые это отрицают. Так, В.Д. Филимонов пишет, что в самом специальном субъекте не содержится признаков, характеризующих общественную опасность деяния¹. Другие правоведы (например, А.И. Коробеев) считают, что общественная опасность является признаком, относящимся к преступлению в целом, а не только к деянию, поэтому при оценке степени общественной опасности преступления ими используются, в том числе, признаки субъекта (например, служебное положение)².

На наш взгляд, правовое значение признаков специального субъекта преступления является трояким. Во-первых, некоторые общественные отношения могут нарушаться только посредством противоправных деяний их участников, которые в рамках уголовного права признаются специальными субъектами. Поэтому законодатель с учетом особенностей субъекта преступления в некоторых случаях дифференцирует основание уголовной ответственности. Во-вторых, назначение признаков специального субъекта в основном составе преступления состоит в том, что законодатель посредством их введения ограничивает сферу применения нормы, соотнося ее с определенным кругом ответственных лиц. В-третьих, признаки, относящиеся к субъекту, могут увеличивать степень общественной опасности преступления определенного вида. В последнем случае учет таких свойств, повышающих общественную опасность преступления, позволяет конструировать квалифицированные (особо квалифицированные) составы преступлений со специальным субъектом³.

Указанные обстоятельства определяют дифференциацию уголовно-правового воздействия в отношении отдельных групп субъектов преступления. Однако, к сожалению, анализ действующего уголовного законодательства свидетельствует о том, что дифференциация ответственности специальных субъектов не всегда последовательна и недостаточно полна. В качестве примера можно привести нормы, предусматривающие ответственность за пассивный подкуп лиц, выполняющих управленческие

* Левченко Павел Иванович — адъюнкт кафедры уголовного права ФГКОУ ВПО «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».

** Витвицкая Светлана Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права ФГКОУ ВПО «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».

функции. В действующем УК РФ существуют несколько подобных самостоятельных норм: в главе 30 — ст. 290, в главе 23 — ч. 3 и 4 ст. 204, в главе 22 — ч. 3 и 4 ст. 184.

Прежде всего зададимся вопросом о целесообразности существования этих самостоятельных уголовно-правовых запретов. На наш взгляд, некоторые общественные отношения могут нарушаться только посредством (при участии) противоправных деяний их участников (специальных субъектов). Как правильно отмечает Н.А. Егорова, управленческие функции, выполняемые субъектом преступления, в значительной мере детерминируют объект управленческих преступлений: 1) правовая связь преступления с выполнением его субъектом этих функций обуславливает само существование объекта управленческого преступления; 2) содержание управленческих функций, в связи с выполнением которых совершается преступление, может предопределять особенности основного или дополнительного объекта управленческого преступления; 3) социальная сущность управленческих функций (публичные или частные) должна лежать в основе дифференциации управленческих отношений как объекта данных преступлений на два вида (публичные и частные). От управленческих функций зависит также конкретный механизм посягательства на объект управленческого преступления⁴.

Представляется, что законодатель с учетом особенностей субъекта и объекта преступления обоснованно дифференцирует основание уголовной ответственности в ч. 3, 4 ст. 204 и ст. 290 УК РФ. Вопрос о необходимости введения в УК РФ ст. 184, содержащей специальную норму по отношению к ст. 204, является достаточно спорным, поскольку и одно, и другое посягательство совершается лицами, выполняющими частные управленческие функции, в результате чего страдают сходные общественные отношения.

Как и большинство отечественных правоведов, полагаем, что уровень общественной опасности преступлений, совершаемых лицами, выполняющими публичные управленческие функции, значительно выше по сравнению с преступлениями лиц, выполняющих частные управленческие функции⁵. По идее, эта соотносительная оценка опасности преступлений должна была найти отражение в санкциях соответствующих норм. Однако сопоставление санкций за коммерческий подкуп (ч. 3, 4 ст. 204 УК РФ) и получение взятки (ст. 290 УК РФ) показывает, что наказание за первое преступление в целом ряде случаев может быть значительно строже.

Дело в том, что законодатель в ч. 3 ст. 204 УК РФ установил за пассивный подкуп в качестве самого сурового наказания лишение свободы на срок до 7 лет со штрафом в размере сорокакратной суммы подкупа, за то же деяние, сопряженное с незаконными действиями (бездействием), вымогательством, совершенное группой по предварительному сговору или организованной группой — лишение свободы на срок до 12 лет со штрафом в размере пятидесятикратной суммы подкупа.

Получение взятки должностным лицом может влечь лишение свободы на срок до 3 лет со штрафом в размере двадцатикратной суммы взятки (ч. 1 ст. 290 УК РФ), если это преступление сопряжено с незаконными действиями (бездействием) — лишение свободы на срок от 3 до 7 лет со штрафом в размере сорокакратной суммы взятки (ч. 3 ст. 290 УК РФ), если сопряжено с вымогательством, совершено группой по предварительному сговору или организованной группой — лишение свободы на срок от 7 до 12 лет со штрафом в размере шестидесятикратной суммы взятки (ч. 5 ст. 290 УК РФ).

Справедливости ради надо отметить, что законодатель существенно дифференцирует суровость наказания за получение взятки в зависимости от ее размера. Однако подобные квалифицирующие признаки отсутствуют в ст. 204 УК РФ.

На практике отмеченная бессистемность уголовно-правовых норм может создать ситуацию, когда суд назначит должностному лицу, выполняющему публичные управленческие функции, за пассивный подкуп, не превышающий 25 тысяч рублей, 3 года лишения свободы со штрафом в размере двадцатикратной суммы взятки, а лицу, выполняющему частные управленческие функции, за аналогичное преступление в том же размере — 7 лет лишения свободы со штрафом в размере сорокакратной суммы подкупа.

Возможны и случаи, когда за пассивный подкуп, сопряженный с незаконными действиями (бездействием), должностное лицо на основании ч. 3 ст. 290 УК РФ понесет наказание в виде лишения свободы до 7 лет со штрафом в размере сорокакратной суммы взятки, а управленец за подобное преступное деяние согласно ч. 4 ст. 204 УК РФ будет наказан лишением свободы вплоть до 12 лет со штрафом в размере пятидесятикратной суммы подкупа.

Вывод очевиден: недостаточно четкая градация суровости санкций в законе в зависимости от уровня общественной опасности преступного посягательства может влечь назначение несправедливого наказания на практике.

Не согласованы и санкции норм, предусматривающих ответственность за пассивный подкуп лиц, выполняющих частные управленческие функции, сопряженный с совершением незаконных действий (бездействия) (ч. 4 ст. 204 УК РФ и ч. 4 ст. 184 УК РФ).

В доктрине уголовного права общепризнано, что при установлении уголовно-правовой санкции (ее вида, характера, содержания) следует исходить из характера и социальной ценности объекта преступления и, следовательно, из степени тяжести вреда, причиняемого охраняемым уголовным законом общественным отношениям (последствий преступления), или возникновения угрозы причинения подобного вреда (результата преступного деяния), а также объективных и субъективных свойств преступного деяния. При этом преступления, обладающие примерно одинаковым набором признаков состава, должны получать сходную оценку уровня общественной опасности в санкции.

В составах обоих рассматриваемых преступлений непосредственный объект — управленческие отношения (основной в ч. 4 ст. 204 УК РФ, дополнительный — в ч. 4 ст. 184 УК РФ), деяние — пассивный подкуп, квалифицирующее обстоятельство — незаконные действия, цель — корысть, субъект — лицо, выполняющее частные управленческие функции. Получается, что оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого подкупа, сопряженное с совершением незаконных действий (бездействия), весьма сходно с коммерческим подкупом при тех же обстоятельствах по объективным и субъективным признакам.

Однако эти преступления получили различную оценку уровня общественной опасности в санкции. Так, получение предмета подкупа за совершение незаконных действий спортивными судьями, организаторами официальных спортивных соревнований или членами жюри и организаторами зрелищных коммерческих конкурсов наказывается, согласно ч. 4 ст. 184 УК РФ, вплоть до 7 лет лишения свободы. Иные управленцы за преступление со сходными объективными и субъективными признаками могут быть наказаны на основании ч. 4 ст. 204 УК РФ лишением свободы вплоть до 12 лет со штрафом в размере пятидесятикратной суммы подкупа. Вряд ли такое кардинальное смягчение ответственности в ст. 184 УК РФ оправдано.

Резюмируя изложенное, отметим, что уголовное законодательство, устанавливающее ответственность за пассивный подкуп, является противоречивым и несогласованным. Необходима доработка ст. 204 и ст. 184 УК РФ в части дифференциации ответственности в зависимости от размера подкупа, согласование соответствующих санкций и их смягчение по сравнению с санкциями за сходные разновидности пассивного подкупа, совершаемого лицами, выполняющими публичные управленческие функции (ст. 290 УК РФ).

¹ См.: Филимонов В. Д. Норма уголовного права. СПб., 2004. С. 126.

² См.: Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987. С. 88, 89.

³ См.: Витвицкая С. С. Проблемы формулирования уголовно-правового запрета в сфере экономической деятельности. Ростов-н/Дону, 2009. С. 260, 261.

⁴ См.: Егорова Н. А. Теоретические проблемы уголовной ответственности за преступления лиц, выполняющих управленческие функции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 19.

⁵ См., напр.: Егорова Н. А. Теоретические проблемы уголовной ответственности за преступления лиц, выполняющих управленческие функции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 18; Красноусов С. Д. Коммерческий подкуп как форма коррупции в частном секторе (понятие и противодействие). М., 2014. С. 39; Некрасова Т. А. Коррупционная преступность в коммерческих организациях: криминологическая характеристика и предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 3; Годовникова А. М. Основные тактические комбинации при выявлении и расследовании взяточничества и коммерческого подкупа. Воронеж, 2012. С. 3.

А.М. Максимов*

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИВОТНОГО МИРА КАК СРЕДСТВО УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: СПОРНЫЕ НОВЕЛЛЫ

Осложнение криминальной ситуации в сфере противодействия преступлениям против животного мира побуждает законодателя вносить коррективы в регламентацию механизма уголовно-правового воздействия. При этом используются различные приемы законотворческой деятельности. Во-первых, законодатель, учитывая, что уголовный закон является основой уголовно-правового воздействия на преступность, включает новые статьи в УК РФ либо вносит изменения, дополнения в соответствующие нормы уголовного законодательства. Так, федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 150-ФЗ¹ в систему Особенной части УК РФ включена ст. 258¹ «Незаконная добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации». Этим же законом ст. 226¹ УК РФ дополнительно установлена ответственность за контрабанду особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов. Во-вторых, законодатель довольно часто вносит изменения в дифференциацию уголовной ответственности за эти преступления, корректируя санкции соответствующих норм. Это касается и видов, и пределов наказания, предусмотренных данными санкциями.

Несомненно, подобный подход к правовому обеспечению безопасности животного мира следует признать позитивным. Однако в этой деятельности имеют место отступления от важнейшего принципа законотворческой техники — системности. Включение в систему Особенной части УК РФ новых уголовно-правовых норм без согласования их содержания с уже действующими нормами порождает нежелательные конкуренции этих норм. Подобная ситуация сложилась при введении в действие ст. 258¹ УК РФ. Законодатель породил конкуренцию этой нормы с нормой, сформулированной в пункте «г» ч. 1 ст. 258 УК РФ, устанавливающей ответственность за добычу птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена. Перечень таких животных занесен в Красную книгу Международного союза охраны природы и природных ресурсов (МСОП), а также Красную книгу РФ. Их охране посвящены международные договоры и конвенции.

Следует отметить, что при незаконной добыче особо ценных водных биоресурсов (ст. 258¹ УК РФ) конкуренции со ст. 256 УК РФ, устанавли-

* Максимов Авет Максимович — кандидат юридических наук, докторант кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет».

вающей ответственность за незаконную добычу водных биологических ресурсов, не возникает. Однако при решении вопроса о возбуждении уголовного дела в отношении лица, добывшего дикое животное, которое внесено в Красную книгу РФ, правоприменитель будет поставлен в очень затруднительную ситуацию — какую уголовно-правовую норму следует применить? В рассматриваемом случае нельзя говорить о конкуренции общей и специальной нормы, когда законодательно решен вопрос в пользу специальной нормы (ч. 3 ст. 17 УК РФ). Нормы, сконструированные в п. «в» ч. 1 ст. 258 УК РФ и в ст. 258¹ УК РФ, в подобном соотношении не находятся. Составы этих преступлений имеют идентичные объект и предмет преступления, объективную и субъективную сторону. В то же время последствия квалификации совершенного деяния по той либо иной статье существенно различаются, так как законодатель демонстрирует различный подход к дифференциации уголовной ответственности за эти преступления. Так, за незаконную добычу и оборот особо ценных диких животных и водных биоресурсов (ч. 1 ст. 258¹ УК РФ) максимальное наказание установлено в виде лишения свободы на срок до трех лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей. В то же время за незаконную добычу диких животных, охота на которых полностью запрещена (п. «в» ч. 1 ст. 258 УК РФ), максимальное наказание установлено в виде ареста на срок до шести месяцев. Однако этот вид наказания не применяется, поэтому наиболее строгое наказание за это преступление может быть назначено в виде исправительных работ на срок до двух лет.

Еще более ощутимый диссонанс наблюдается при дифференциации уголовной ответственности за квалифицированные составы этих преступлений. В ст. 258¹ УК РФ законодатель предусмотрел два квалифицированных состава, которые свойственны и для ст. 258 УК РФ:

ч. 2 ст. 258¹ УК устанавливает ответственность за незаконную добычу особо ценных диких животных и водных биоресурсов должностным лицом с использованием своего служебного положения. Максимальное наказание за эти деяния законодатель определил в виде лишения свободы на срок до пяти лет со штрафом в размере до двух миллионов рублей и лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет;

ч. 3 ст. 258¹ УК — за совершение указанных деяний организованной группой. Максимальное наказание за эти деяния законодатель установил в виде лишения свободы на срок до семи лет со штрафом в размере до двух миллионов рублей и с ограничением свободы до двух лет рублей и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет.

В свою очередь, законодатель в ч. 2 ст. 258 УК объединяет те же два квалифицирующих признака: а) незаконная охота лицом с использованием своего служебного положения; б) совершение добычи диких животных, охота на которых полностью запрещена, группой лиц по предваритель-

му сговору или организованной группой. Максимальное наказание за эти деяния законодатель установил в виде лишения свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

В рассматриваемом случае, прежде всего, не совсем понятна позиция законодателя, ограничившего квалифицирующий признак часть 2 ст. 258¹ УК указанием на совершение деяния должностным лицом с использованием своего служебного положения, т. е. по этому признаку будут квалифицированы деяния, совершенные должностными лицами. В ч. 2 ст. 258 УК этот квалифицирующий признак звучит шире: лицом с использованием своего служебного положения. Это могут быть работники рыбинспекции, пограничной охраны, органов внутренних дел, сотрудники заповедников, заказников, должностные лица государственных органов по охране окружающей среды и т.д. В соответствии с законодательной формулировкой по этому признаку будут квалифицированы деяния, совершенные как должностными лицами, так и служащими, не являющимися должностными лицами. Действующее уголовное законодательство содержит понятия этих категорий лиц (примечания 1 и 4 к ст. 285 УК). Почему в рассматриваемых случаях при идентичном посягательстве на идентичный объект и предмет преступления формулировка квалифицирующего признака различная? Осуществленный анализ подхода законодателя к дифференциации уголовной ответственности за рассматриваемые преступления показывает, что подобная конкуренция уголовно-правовых норм не имеет правомерного разрешения. Поэтому для устранения этого нормативного противоречия, по нашему мнению, необходимо соответствующее решение законодателя. Наиболее оптимальным может быть исключение п. «в» ч. 1 из структуры ст. 258 УК РФ либо исключение ст. 258¹ УК. Второе решение, несомненно, снизит степень защищенности особо ценных видов животных от истребления.

В заключение следует отметить, что предупредительный потенциал уголовно-правового воздействия соответствующих норм УК РФ в настоящее время явно не соответствует сложившейся криминальной ситуации в сфере обеспечения безопасности животного мира. Поэтому необходимо внести коррективы в дифференциацию уголовной ответственности за рассматриваемые преступления посредством внесения корректив в содержание квалифицирующих признаков.

¹ См.: Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 150-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 27, ст. 3442.

В.В. Намнясева*

К ВОПРОСУ О КОНСТРУИРОВАНИИ САНКЦИЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ

В Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации¹ в качестве одного из ее основных направлений выделяется повышение эффективности механизма уголовно-правового регулирования. Реализация данного направления включает модернизацию предписаний уголовного законодательства о наказании и иных мерах уголовно-правового характера, в рамках которой требуется оптимизировать систему и содержание уголовных наказаний, обеспечить системный подход и последовательную дифференциацию уголовной ответственности при установлении санкций статей Уголовного кодекса Российской Федерации².

Дифференциация уголовной ответственности — это сложный процесс, требующий обязательного применения комплексного научного подхода. В теории уголовного права выделяются различные виды, средства и способы дифференциации ответственности — образование квалифицированных и привилегированных составов; градирование типового наказания; соотношение наказаний за тяжкое и менее тяжкое преступления; адекватное отражение в санкции характера и степени общественной опасности запрещаемого деяния; изменение типового наказания в сторону увеличения его строгости с учетом квалифицирующих признаков; освобождение от уголовной ответственности и др.³

Еще четверть века назад А.П. Козлов отмечал, что до сих пор остается «белым пятном» проблема формирования санкций: как они строятся; существуют ли какие-то правила, критерии их создания, каковы пределы санкций, каково соотношение видов и размеров наказаний в них и т.д.⁴ Следует отметить, что, несмотря на неоднократно предпринимаемые попытки, до настоящего времени в доктрине уголовного права отсутствует универсальная методика конструирования санкций уголовно-правовых норм — как с точки зрения определения их качественной (характеризующейся набором видов наказаний), так и количественной составляющей (определяемой установленными для каждого вида наказания пределами). Различными авторами неоднократно отмечалось, что санкции в российском уголовном законодательстве проработаны откровенно слабо и бессистемно, их установление носит умозрительный характер⁵.

Некоторые авторы объясняют существующее положение тем, что разработать единую, универсальную методику расчета санкций невозможно. Действительно, не существует рецепта, позволяющего абсолютно точно рассчитать виды и размеры наказаний для каждого преступления. Одна-

* Намнясева Виктория Вячеславовна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права ФГКОУ ВПО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации».

ко сформулировать правила, которые позволят оптимизировать систему санкций, избежать несогласованности и противоречий — задача вполне реальная. И многое в науке уголовного права для решения этой задачи уже сделано. При всем разнообразии взглядов на данную проблематику существует ряд положений, общепризнанных в уголовно-правовой доктрине. В частности, связь между системой санкций и системой наказаний; адекватное отражение в санкции характера и степени общественной опасности запрашиваемого деяния; изменение типового наказания в сторону увеличения его строгости с учетом квалифицирующих признаков (при этом одно и то же отягчающее обстоятельство должно оцениваться одинаково вне зависимости от тяжести вида преступления); конструирование альтернативных и единичных санкций в зависимости от категории преступлений и ряд других⁶. Именно их и необходимо учитывать в законотворческом процессе. Но пока этого, к сожалению, не происходит.

Следует отметить, что и в первоначальной редакции действующего УК РФ система санкций была далека от совершенства. Однако последующие изменения только ухудшили существующую ситуацию, что способствовало внутренней рассогласованности и неупорядоченности уголовного законодательства.

Значительное количество внесенных в уголовное законодательство поправок касается регламентации именно вопросов дифференциации уголовной ответственности — в первую очередь, особенностей построения системы наказаний (изменения связаны как с количественным составом структурных элементов, составляющих систему, так и с их характеристикой) и редакции санкций статей Особенной части УК РФ. По нашему мнению, в последнем направлении активность законодателя явно вышла за пределы разумного. Наиболее глобальные изменения по данному направлению были внесены Федеральным законом от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты российской федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы», Федеральным законом от 6 мая 2010 г. № 81-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части назначения наказания в виде обязательных работ», Федеральным законом от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции», Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

К сожалению, оценка активности законодателя в данном направлении далека от положительной. По данному поводу как нельзя более уместно привести высказывание В.И. Гладких: «Законодательная практика последних лет наводит на мысль, что научная деятельность и практическое законотворчество идут параллельными путями, которые, как известно, никогда не пересекаются... в уголовном законе есть немало примеров явного, совершенно очевидного несоответствия правовой нормы не только реальным правоотношениям, но и здравому смыслу»⁷.

Можно отметить следующие, наиболее серьезные недостатки и упущения: в ряде случаев нарушается принцип справедливости (например, установление за обещание или предложение посредничества во взяточничестве более строгого наказания (до 7 лет лишения свободы), чем за оконченное посредничество (до 5 лет лишения свободы); далеко не всегда можно говорить об адекватном отражении в санкции характера и степени общественной опасности запрещаемого деяния (например, анализ санкций за новые виды мошенничества делает очевидным тот факт, что все содержащие их нормы являются привилегированными по отношению к общей норме, предусмотренной в ч. 1 ст. 159 УК РФ); с исключением нижнего предела наказания в ряде статей Особенной части УК РФ появились почти неопределенные санкции (вряд ли можно признать удачной возможность назначения за одно и то же преступление лишения свободы на срок от 2 месяцев до 15 лет); суду, кроме почти беспредельной свободы правоприменительного усмотрения при назначении наказания, была предоставлена возможность изменять категорию преступлений (что можно расценить в качестве законодательного стимула к коррупционному поведению); на фоне предшествующих новелл особенно странно выглядит появление абсолютно определенных санкций (штраф в качестве обязательного дополнительного вида наказания в ст. 290, 291, 291.1 УК РФ); в дополнение к обязательным и исправительным работам предусмотрен третий вид наказания, связанный с принудительным трудом — принудительные работы (целесообразность такой новеллы довольно сомнительна, особенно с учетом уровня безработицы в России); появился практически неисполнимый вид наказания (штраф в сумме до 500 млн. рублей). И этот перечень может быть продолжен.

Особо следует остановиться на нарушениях принципа системности уголовного законодательства при конструировании санкций, существующих на всех уровнях, вплоть до согласованности между системой наказаний и системой санкций. Так, в санкции ст. 264 УК РФ закреплен вид наказания, не предусмотренный ст. 44 УК РФ — лишение права управлять транспортным средством. Кроме того, создается впечатление, что законодатель даже не задумывается о соотношении санкций общих и специальных норм, в том числе при создании квалифицированных и привилегированных составов. Данный недостаток характерен как для первичного, так и для вторичного

законотворчества. Приведем лишь несколько примеров в подтверждение данного тезиса.

Так, например, совершенно необъяснимой выглядит санкция ст. 302 УК РФ, предусматривающей ответственность за принуждение участников уголовного судопроизводства, совершаемое специальным субъектом. Часть первая анализируемой статьи (в качестве способов совершения преступления закреплены угрозы, шантаж или иные незаконные действия) предусматривает наказание в виде ограничения свободы на срок до трех лет, либо принудительных работ на срок до трех лет, либо лишения свободы на тот же срок; часть вторая (способы совершения преступления в данном случае — насилие, пытки и издевательство) — лишение свободы на срок от двух до восьми лет. Данная норма является специальной по отношению к предусмотренной ст. 286 УК РФ и регламентирует ответственность за превышение должностных полномочий в особой сфере — обеспечения интересов правосудия. В то же время за основной состав превышения должностных полномочий установлено наказание в виде лишения свободы на срок до четырех лет, а превышение должностных полномочий, совершенное с применением насилия или с угрозой его применения (п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ), наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет. Таким образом, сравнение санкций соответствующих норм предопределяет следующий вывод: превышение должностных полномочий, предусмотренное ст. 302 УК РФ, законодатель считает привилегированным составом преступления.

Очень сложно объяснить, чем руководствовался законодатель, решив, что те виды мошенничества, которые заслуживают регламентации в самостоятельных статьях УК РФ (ст. 159.1-159.6), менее опасны, чем другие виды мошенничества. При этом в пояснительной записке к соответствующему законопроекту указано, что совершение таких преступлений (мошенничества в сфере кредитования, при получении выплат, с использованием платежных карт, в сфере предпринимательской деятельности, в сфере страхования и в сфере компьютерной информации) в современных условиях требует со стороны государства адекватных уголовно-правовых мер воздействия, в то время как закрепленный в УК РФ состав мошенничества не в полной мере учитывает особенности тех или иных экономических отношений, а также не позволяет обеспечить на должном уровне защиту интересов граждан, пострадавших от мошеннических действий⁸. Видимо, под адекватной, осуществляемой на должном уровне защитой законодатель понимает исключение лишения свободы на определенный срок из числа видов наказания за основные составы данных видов мошенничества (в отличие от преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159 УК РФ). Еще более необъяснимыми с позиции принципа системности уголовного законодательства выглядят санкции по особо квалифицированным составам мошенничества. За все виды мошенничества (кроме мошенничества в сфере предпринимательской деятельности), совершенные в особо крупном размере, законодатель предусмотрел наказание в виде лишения свободы

на срок до десяти лет. Однако максимальное наказание за совершенное в особо крупном размере мошенничество в сфере предпринимательской деятельности — лишение свободы на срок до пяти лет.

Анализ санкций уголовно-правовых норм иногда формирует впечатление, что при их конструировании законодатель руководствуется методом случайного выбора — причем с точки зрения как качественного, так и количественного наполнения санкции конкретной нормы. Так, загадкой остаются мотивы законодателя при определении видов наказаний для конкретных преступлений. Достаточно наглядно это можно проследить, рассмотрев законодательный выбор для использования одного и того же вида наказания в санкциях норм, предусмотренных одной и той же главой Особенной части УК РФ. Например, арест как вид наказания задумывался в качестве шоковой терапии. В главе 16 «Преступления против жизни и здоровья» УК РФ данный вид наказания предусмотрен за следующие преступления: умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112), умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115), побои (ст. 116), причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ст. 118), угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119), заражение венерической болезнью (ст. 121), заражение ВИЧ-инфекцией (ст. 122), неоказание помощи больному (ст. 124), оставление в опасности (ст. 125). Чем руководствовался законодатель, признавая необходимость «шоковой терапии» при совершении побоев и причинении легкого вреда здоровью, но в то же время отрицая ее при дифференциации ответственности за доведение до самоубийства? Какова целесообразность применения данного вида наказания за неосторожное преступление? Или за совершаемое специальным субъектом неоказание помощи больному? И если в последнем случае, по мнению законодателя, есть основания для применения данного вида наказания, то почему они перестали существовать при конструировании санкции нормы, предусматривающей ответственность за незаконное проведение искусственного прерывания беременности?

Еще один момент, который заслуживает особого внимания — конструирование альтернативных и единичных санкций. В доктрине уголовного права подавляющим большинством авторов поддерживается позиция о том, что санкции за преступления небольшой и средней тяжести должны быть исключительно альтернативными⁹. И с этим трудно не согласиться. Однако необходимо определить оптимальную длину альтернативной санкции.

В Российской Федерации один из наиболее обширных арсеналов наказания, включающих 13 его видов. В настоящее время максимально возможная вариативность основных видов наказаний равна восьми (штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, принудительные работы, арест, лишение свободы). И при анализе санкций уголовно-правовых норм с позиции их вариативности возникает целый ряд вопросов. Так, длина альтернативных санкций

для предусмотренных в главе 21 УК РФ преступлений небольшой и средней тяжести варьируется от двух до семи видов наказаний. Вряд ли и сам законодатель сможет аргументировано обосновать необходимость такого разнообразия. Представляется, что альтернативные санкции с излишней вариативностью лишь затрудняют применение уголовного законодательства, необоснованно расширяют пределы правоприменительного усмотрения. В доктрине уголовного права высказывались различные взгляды об оптимальной длине альтернативных санкций, но большинство авторов единодушны в одном — вариативность основных наказаний должна быть ограничена. Так, Н.А. Лопашенко полагает, что она (вариативность) не должна превышать половины предусмотренных действующей системой наказаний¹⁰. Высказывались и более категоричные взгляды — альтернативная санкция не должна предусматривать более двух видов наказаний¹¹.

Полагаем, что оптимальная длина альтернативной санкции — 2–4 вида наказания. Превышение данного порога, по нашему мнению, излишне расширяет пределы правоприменительного усмотрения и в ряде случаев может провоцировать коррупционное поведение судей, позволяя им причинять ущерб интересам правосудия, формально не нарушая норм ни материального, ни процессуального законодательства. Н.А. Лопашенко совершенно справедливо отмечает, что недостатки законодательной техники и ее состояние по некоторым уголовно-правовым нормам являются самостоятельным криминогенным фактором, порождающим не просто отклоняющееся, но и преступное поведение¹². Несмотря на обязательность антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, в ряде принимаемых уголовных законов коррупциогенные факторы явно не выявлены и не устранены.

В данной статье рассмотрены лишь некоторые, наиболее проблемные вопросы, связанные с законодательной конструкцией санкций уголовно-правовых норм.

¹ Документ подготовлен рабочей группой Общественной палаты по содействию реформам правосудия, в которую входят эксперты Комиссии по проблемам безопасности граждан и взаимодействию с системой судебно-правоохранительных органов, и ведущими специалистами в области уголовного права.

² Статья 12 раздела III Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации: официальный сайт Общественной палаты Российской Федерации. URL: <http://www.oprf.ru/discussions/newsitem/17889>.

³ Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000. С. 174–176; Козлов А.П. Механизм построения уголовно-правовых санкций: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. С. 26–27; Коробов П.В. Дифференциация уголовной ответственности и классификация уголовно наказуемых деяний: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1983. С. 8; Тер-Аколов А.А. Основания дифференциации ответственности за деяния, предусмотренные уголовным законом // Советское государство и право. 1991. № 10. С. 72 и др.

⁴ Козлов А.П. Механизм построения уголовно-правовых санкций: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. С. 1.

⁵ См., например: Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. С. 48; Игнатов А.Н. О реализации принципа справедливости в уголовном праве России // Уголовно-правовые, пенитенциарные принципы и их реализация: правотворческий, правоприменительный уровни: материалы Всероссийской научно-практической конференции (28–29 марта 2005 г.): в 2 ч. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов, 2005. Ч. 1. С. 41 и др.

⁶ Подробнее по данному вопросу см., например: *Вакарина Е.А.* Дифференциация и индивидуализация наказания и средства их достижения (уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001; *Лесниевски-Костарева Т.А.* Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 1998; *Осипов П.П.* Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Л., 1976; и др.

⁷ *Гладких В.И.* Парадоксы современного законодательства: критические заметки на полях Уголовного кодекса // Российский следователь. 2012. № 11. С. 16.

⁸ Пояснительная записка к проекту № 53700-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»: официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: http://www.duma.gov.ru/systems/law/?registration-start=01.04.2012®istration-end=29.11.2012&sort=date&PAGEN_1=42#results (дата обращения: 09.09.2014).

⁹ См., например: *Лопашенко Н.А.* Уголовная политика. М., 2009. С. 166-167; *Непомнящая Т.В.* Мера уголовного наказания: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 12 и др.

¹⁰ *Лопашенко Н.А.* Уголовная политика. М., 2009. С. 166-167.

¹¹ См., например: *Зубкова В.И.* Проблемные вопросы построения санкций в уголовном законе РФ // Научные основы уголовного права и процессы глобализации: материалы V Конгресса уголовного права (Москва, 27-28 мая 2010 г.) / отв. ред. В.С. Комиссаров. М., 2010. С. 679.

¹² *Лопашенко Н.А.* Недостатки законодательной техники Уголовного кодекса России как препятствие для его эффективного применения и криминогенный фактор // Международное и национальное уголовное право: проблемы юридической техники: материалы конференции. М., 2004. С. 49.

К.В. Ображиев*

СИСТЕМА ФОРМАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА КАК ОСНОВА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

На современном этапе развития уголовно-правовой науки мало у кого вызывает сомнения тот факт, что Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) является отнюдь не единственным формальным источником российского уголовного права. Уголовно-правовые нормы и входящие в их состав нормативные предписания содержатся в целом ряде иных правовых актов (например, в Конституции России, решениях Конституционного Суда РФ, международных договорах и развивающих их решениях международных судов, постановлениях Пленума Верховного Суда РФ), что позволяет говорить о существовании системы юридических источников российского уголовного права. Причем такая ситуация характерна не только для отечественного уголовного права. Опыт зарубежных стран показывает, что вне зависимости от их принадлежности к той или иной правовой семье, обойтись одним юридическим источником уголовного права в развитой правовой системе невозможно. Получается, что системность формальных источников уголовного права имеет некие предпосылки, а значит констатировать наличие рассматриваемой системы недостаточно; необходимо уяснить, какие факторы ее детерминируют.

* *Ображиев Константин Викторович* — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин ФГКОУ ВПО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации».

Представляется, что поиск объективных предпосылок системности формальных источников уголовного права следует осуществлять в рамках теоретико-методологических принципов системного подхода, в соответствии с которыми наиболее существенным, действенным системообразующим фактором, а также причиной трансформации системы являются диалектические противоречия¹. Это принципиальное положение полностью согласуется и с постулатами материальной диалектики, которая исходит из того, что именно «взаимодействие противоположностей составляет внутреннее содержание и стимул развития любой конкретной системы»².

Не лишена диалектических противоречий и правовая система, причем именно они (диалектические противоречия) и «выступают источником развития права. Без противоречий нет движения, развития права»³. Сказанное полностью применимо и к уголовному праву, поскольку скрытые в его глубинной сущности объективные диалектические противоречия «служат источником развития и совершенствования уголовного законодательства и в этом смысле оказывают положительное воздействие на процесс функционирования уголовно-правовых норм»⁴. Исходя из этого, необходимо признать, что предпосылками формирования системы формальных источников российского уголовного права (системообразующими факторами) являются диалектические противоречия уголовно-правового регулирования, которые детерминируют не только внутреннее содержание уголовно-правовых норм, но и внешние формы их выражения.

Одним из таких диалектических противоречий, обусловивших формирование системы юридических источников уголовного права, является неизбежное противоречие между абстрактностью уголовного закона и необходимостью его применения для регулирования конкретных уголовно-правовых отношений. Предписания уголовного закона, также как и любые другие нормативные правовые образования, рассчитаны на многократное применение в сходных конкретных ситуациях, что предопределяет их абстрактный характер. «Формулируя конкретный состав преступления, законодатель абстрагируется от особенностей и исключительных признаков, присущих множеству деяний, выделяя в качестве юридически значимых только те признаки, которые являются обобщенными, необходимыми и достаточными при решении вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности»⁵. Подобный прием законодательного конструирования уголовно-правовых предписаний имеет целый ряд преимуществ по сравнению с казуальным изложением уголовно-правовых запретов: он экономит текст уголовного закона; снижает риск возникновения пробелов в уголовно-правовом регулировании; позволяет добиться большей его стабильности, так как абстрактно сформулированная норма лучше адаптируется к изменяющимся общественным отношениям, чем конкретное нормативное предписание.

Вместе с тем абстрактное изложение уголовно-правовых предписаний не лишено недостатков. Неизбежным следствием законодательных обоб-

щений является снижение точности, правовой определенности нормативных предписаний, что затрудняет их использование для уголовно-правовой оценки конкретных общественно опасных деяний, создает потенциальные возможности для их произвольного истолкования и применения. Поэтому в уголовно-правовой литературе справедливо указывается, что «в ходе правотворческой деятельности при разработке уголовно-правовых предписаний (диспозиций уголовного закона) обязательно должна обеспечиваться связь конкретного и абстрактного»⁶; подчеркивается, что «развитая юридическая техника должна обеспечить правильное соотношение абстрактного и казуистичного приемов изложения диспозиций, выбрать меру использования их противоречивых свойств»⁷. Причем поиск «золотой середины» между абстрактным и казуальным приемом изложения уголовно-правовых предписаний актуален не только для уголовного законодательства, но и для правотворчества в целом: «По сути, главным вопросом правообразования ... должно являться то, в какой мере отражение социальных отношений в правовых нормах может иметь абстрактный, типизирующий характер с тем, чтобы эти нормы могли, с одной стороны, полностью охватывать всю сферу регулируемых ими отношений, не поднимаясь, однако, до уровня, при котором отражение было бы чересчур общим, а с другой — приспосабливаться к различным жизненным ситуациям и их разнообразным особенностям и оттенкам, не опускаясь при этом до уровня, на котором отражение становится слишком частным или даже индивидуализированным»⁸.

Однако приходится признать, что оптимальный баланс между абстрактным и казуальным способом формулирования уголовно-правовых предписаний в УК РФ найти не удалось. В нем сочетаются и ст. 126 УК РФ с ее простой (назывной) диспозицией, имеющей предельно высокий уровень абстракции, и сформулированная казуистическим образом ст. 141¹ УК РФ, описательно-бланкетная диспозиция которой состоит из 249 слов и занимает чуть ли не страницу текста. Впрочем, добиться оптимального сочетания абстрактных и казуальных нормативных предписаний в одном юридическом источнике права, как правило, вообще невозможно. Намного проще найти этот баланс при наличии системы формальных источников права, одни элементы которой содержат абстрактные нормативы (первичные правовые предписания), а другие — конкретизирующие нормы (вторичные правовые предписания). Поэтому в большинстве отраслей права наиболее эффективным способом устранения указанного противоречия является конкретизация правовых предписаний с высокой степенью абстракции, которые, как правило, зафиксированы в законах, посредством принятия подзаконных нормативных правовых актов. Как отмечается по этому поводу в общей теории права, «при всей важности закона в системе правовых актов, необходимо отметить, что он всегда содержит предписания абстрактного, общего, неперсонифицированного характера, поскольку рассчитан на многократное применение в типичных ситуациях, попадаю-

щих в сферу правового регулирования. ... Однако абстрактные предписания законов не являются достаточными для эффективного регулирования процесса реального взаимодействия людей в конкретных ситуациях. Зачастую необходимо конкретизировать предписания закона, чтобы обеспечить его реализацию. С этой целью принимаются подзаконные акты, которые приближают закон к материальным и духовным реалиям и возможностям конкретного государства»⁹. Иными словами, баланс общих и конкретных правовых предписаний обеспечивается не столько за счет сочетания абстрактного и казуального способов изложения нормативного материала, сколько посредством распределения их в законе и подзаконном акте. При таком распределении абстрактные предписания закона закладывают основы правового регулирования соответствующей группы общественных отношений, тогда как в подзаконных нормативных правовых актах «отражается масса различного рода подробностей, характерных черт и особенностей регулируемых общественных отношений, которые по объективным причинам не могут быть учтены первоначально в рамках положений закона»¹⁰.

Вполне очевидно, что «спрос» на конкретизирующие нормативно-правовые предписания, обусловленный необходимостью разрешения коллизии между нормативной типизацией и потребностью в регулировании конкретных общественных отношений, имеется и в уголовном праве. Причем так же, как и в других отраслях права, он объективно не может быть удовлетворен в рамках одного юридического источника уголовного права, что само по себе обуславливает формирование их системы, позволяющей сочетать «законный» и подзаконный уровни уголовно-правового регулирования.

В то же время нельзя не признать, что в силу известных отраслевых особенностей возможности подзаконной конкретизации предписаний уголовного закона весьма ограничены. Действующий УК РФ непосредственно допускает только один механизм подзаконной конкретизации отраслевых предписаний — конкретизацию содержания признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 226¹, 228, 228¹, 228³, 228⁴, 229, 229¹, 231, 234, 258¹ УК РФ, в постановлениях Правительства РФ, принятых в соответствии с примечаниями к статьям Особенной части УК РФ. Подобная подзаконная конкретизация уголовного закона, осуществляемая посредством постановлений Правительства РФ, имеет ряд немаловажных особенностей. Во-первых, она используется в строго определенных случаях и исключительно на основании прямого указания УК РФ, в связи с чем Правительство РФ не может конкретизировать содержание признаков составов соответствующих преступлений в инициативном порядке. Во-вторых, сфера подзаконной уголовно-правовой конкретизации, осуществляемой Правительством РФ, ограничена содержанием только одного признака состава — предмета преступлений, предусмотренных ст. 226¹, 228, 228¹, 228³, 228⁴, 229, 229¹, 231, 234, 258¹ УК РФ.

Отмечая важность указанного механизма конкретизации уголовного закона, который имеет значительные перспективы, следует признать, что он не способен полностью удовлетворить объективную потребность в подзаконном уголовно-правовом регулировании и снять диалектическое противоречие между абстрактностью уголовного закона и необходимостью его применения для урегулирования индивидуальных уголовно-правовых отношений. К тому же нельзя не учитывать, что используется этот механизм сравнительно недавно (полномочия по конкретизации предмета преступления были делегированы Правительству РФ федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ в рамках п. 2 примечания к ст. 228 УК РФ), тогда как «спрос» на подзаконную конкретизацию уголовного закона возник задолго до этого.

В советское время ответом на этот социально-юридический заказ стало наделение Верховного Суда РСФСР (1922 г.), а затем и Верховного Суда СССР (1924 г.) правом давать разъяснения по вопросам судебной практики. Как бы ни менялись законодательная основа и доктринальная оценка результатов праворазъяснительной деятельности высшей судебной инстанции, выраженных в постановлениях его Пленума, более чем девяностолетняя практика с очевидностью показывает, что соответствующие разъяснения по вопросам судебной практики применения уголовного законодательства всегда имели обязательное значение и включали нормативные предписания. Именно посредством постановлений Пленума Верховного Суда осуществлялась и продолжает осуществляться подзаконная конкретизация уголовного закона (хотя, как неоднократно отмечалось, в отдельных случаях в них формулируются и первичные уголовно-правовые предписания). Причем для уголовного права этот механизм нормативной конкретизации приобретает особое значение, так как иные возможности подзаконного уголовно-правового регулирования фактически отсутствуют (единственным исключением в этом плане является вышеупомянутая практика принятия подзаконных уголовно-правовых актов в соответствии с примечаниями к статьям Особенной части УК РФ). Это обстоятельство во многом объясняет тот факт, что среди всех постановлений, принятых Пленумом Верховного Суда СССР, РСФСР и РФ, в количественном отношении преобладают постановления именно уголовно-правового характера. Так, в настоящее время (на 28 сентября 2014 г.) действует 37 постановлений Пленума Верховного Суда РФ, непосредственно посвященных вопросам материального уголовного права (не считая постановлений Пленума, в которых эти вопросы затрагиваются попутно с другими), тогда как по вопросам материального гражданского права действует 26 постановлений, и это при том, что ГК РФ по своему объему значительно превышает УК РФ.

Выступая в качестве основного юридического источника вторичных уголовно-правовых предписаний, постановления Пленума Верховного Суда обеспечивают подзаконное опосредование абстрактных предписаний

уголовного закона, т.е. переход от более общего уровня уголовно-правового регулирования к более конкретному. Это позволяет если не устранить противоречие между абстрактностью уголовного закона и необходимостью его применения для урегулирования индивидуальных уголовно-правовых отношений (по всей видимости, оно относится к числу неустраняемых), то, по крайней мере, существенно ослабить его. Сочетание первичных уголовно-правовых предписаний с высокой степенью нормативной типизации, выраженных в уголовном законе, и вторичных, конкретизирующих предписаний, сформулированных в постановлениях Пленума Верховного Суда, позволяет одновременно воспользоваться преимуществами абстрактного и казуального способов изложения уголовно-правового материала, сделать его более доступным для восприятия и применения.

Таким образом, диалектическое противоречие между абстрактностью уголовного закона и необходимостью его применения для урегулирования индивидуальных уголовно-правовых отношений предопределяет формирование подзаконного уровня уголовно-правовой регламентации, на котором осуществляется конкретизация предписаний уголовного закона в форме постановлений Пленума Верховного Суда РФ и постановлений Правительства РФ, принимаемых в соответствии с примечаниями к статьям Особенной части УК РФ.

Система формальных источников уголовного права позволяет нивелировать и другое неизбежное диалектическое противоречие уголовно-правового регулирования — противоречие между относительной стабильностью уголовно-правового запрета и динамизмом стремительно развивающихся и быстро изменяющихся общественных отношений, требующих уголовно-правовой охраны. Сущность этого противоречия весьма удачно выразил основоположник социологического направления в юриспруденции Р. Паунд: право должно быть стабильным и в то же время оно не может стоять на месте¹¹. В уголовном праве это противоречие приобретает особую остроту, поскольку уголовный закон является крайним правовым средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения. Это обуславливает более высокие, чем предъявляются к другим законам, требования к его стабильности, т.е. способности на протяжении определенного периода времени регулировать уголовно-правовые отношения и подвергаться изменениям лишь при возникновении действительных социальных потребностей¹². В то же время уголовный закон по своей природе просто обязан быть динамичным, так как его основное предназначение, его главная, историческая задача заключается в охране от преступных посягательств общественных отношений и интересов, представляющих особую ценность для личности, общества и государства. Эти общественные отношения весьма подвижны, что детерминирует необходимость корректировки уголовного закона, приспособления его к жизни, к изменяющейся преступности, новым криминальным вызовам и угрозам. Таким образом, «уголовному праву в равной мере должны

быть присущи как стабильность, так и динамизм. Стабильность обеспечивает определенность и устойчивость уголовно-правового регулирования, является основой законности. Динамизм позволяет учитывать изменения общественных отношений, делает закон не устаревшей догмой, а современным средством регулирования общественных отношений»¹³.

Поиск оптимального сочетания относительной стабильности уголовно-правового запрета и динамизма общественных отношений, требующих уголовно-правовой охраны — это крупная научная проблема, которая выходит за рамки настоящей статьи. Отметим лишь, что имеющиеся рекомендации по ее решению в основном сводятся к выводам о необходимости социально-криминологической обоснованности уголовного закона и вносимых в него изменений; создания концептуальной базы реформирования уголовного законодательства в виде концепции уголовно-правовой политики России; обеспечения системности и непротиворечивости уголовного закона, его соответствия конституционным предписаниям и международным стандартам; совершенствования процесса уголовного законодательства; повышения уровня законодательной техники и т.п.

Соглашаясь с этими рекомендациями, следует отметить, что их реализация является неперенным, но отнюдь не единственным условием достижения баланса между относительной стабильностью уголовного закона и изменчивостью охраняемых им общественных отношений. Динамика последних в современных условиях такова, что адекватно отразить ее непосредственно в уголовном законе без серьезного ущерба для его стабильности не всегда возможно. В частности, практически невозможно регламентировать в уголовном законе регулярно изменяющиеся специальные правила безопасности (требования охраны труда, правила безопасности на объектах атомной энергетики, правила безопасности при ведении горных, строительных или иных работ, правила дорожного движения и др.), несоблюдение которых причиняет вред жизни и здоровью человека или иные тяжкие последствия; постоянно пересматриваемые перечни предметов, ограниченных в гражданском обороте (специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, наркотических средств и психотропных веществ, стратегически важных товаров и ресурсов, сильнодействующих и ядовитых веществ и др.), за незаконное обращение которых установлена уголовная ответственность; весьма изменчивые условия правомерности совершения каких-либо действий (бездействия), несоблюдение которых расценивается в качестве признака преступления (например, случаи, когда для осуществления предпринимательской деятельности требуется лицензия; основания и условия законного использования объектов авторского права или смежных прав, и др.). Более того, их фиксация в уголовном законе зачастую вообще нецелесообразна, поскольку они, как правило, уже получили нормативную регламентацию в нормах иных отраслей права. В этих условиях проблема сочетания относительной стабильности уголовно-правовых запретов и ди-

намизма позитивных общественных отношений не может быть оптимально решена только в рамках уголовного закона без подключения к нему иных юридических источников. Иными словами, баланс между относительной стабильностью уголовно-правовых запретов и изменчивостью общественных отношений, охраняемых уголовным законом, может быть достигнут только на основе системы формальных источников уголовного права, которая обеспечивает связь относительно стабильного элемента — уголовного закона — с элементами, оперативно отражающими потребности общественного развития.

К числу последних относятся неуголовные нормативные правовые акты, в силу бланкетности связанные с УК РФ. При бланкетной конструкции уголовного закона содержащийся в них иноотраслевой нормативный материал становится неотъемлемой частью соответствующих уголовно-правовых норм, что существенным образом повышает их динамический потенциал. Дело в том, что бланкетная часть уголовно-правовых норм, выраженная в неуголовных нормативных правовых актах, способна более оперативно, в сравнении с собственно уголовно-правовыми предписаниями, реагировать на социальную динамику. Подобная оперативность объясняется довольно просто — во-первых, к регулятивному законодательству, выступающему в качестве источника бланкетной части уголовно-правовых норм, как правило, предъявляются менее строгие требования в плане стабильности, чем к уголовному закону, а во-вторых, у связанных с уголовным законом отраслей права имеется намного более развитый подзаконный уровень правового регулирования, дающий возможность быстро учесть изменения позитивных общественных отношений (гражданско-правовых, трудовых, семейных, административных, налоговых и т.п.).

Изменение связанных с уголовным законом иноотраслевых нормативных правовых актов неизбежно приводит к трансформации бланкетной части соответствующих уголовно-правовых норм, а значит, и их содержания в целом. Причем подобная содержательная корректировка уголовно-правовых норм не нарушает стабильности уголовного закона, так как осуществляется без внесения изменений в УК РФ. Так, например, совершенствование правил охраны окружающей среды при проектировании, размещении, строительстве, вводе в эксплуатацию и эксплуатации промышленных, сельскохозяйственных, научных и иных объектов, осуществляемое посредством внесения изменений в экологическое законодательство, самым непосредственным образом влияет на содержание уголовно-правовой нормы об ответственности за нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ, однако при этом расширение или сужение соответствующего уголовно-правового запрета осуществляется без корректировки ст. 246 УК РФ.

Системообразующая связь уголовного закона с нормативными правовыми актами иной отраслевой принадлежности, которая позволяет сочетать относительную стабильность уголовного закона с динамизмом

охраняемых им отношений, обеспечивается посредством бланкетности уголовного закона, выступающей, таким образом, в качестве своеобразного канала межотраслевых связей. По образному выражению Н.И. Пикурова, «бланкетную диспозицию ... можно сравнить с рессорой, которая позволяет жесткой в целом структуре уголовного закона выдержать колебания — перманентные изменения содержания охраняемого им объекта. Ее достоинством является то, что нет необходимости всякий раз вносить изменения в уголовное право, если изменились специальные правила. Она позволяет ... сочетать стабильность уголовного закона с оперативностью подзаконных нормативных предписаний, реагирующих на изменения в регулируемых общественных отношениях»¹⁴. В связи с этим к бланкетному способу конструирования уголовного закона целесообразно прибегать в тех случаях, когда охраняемые уголовно-правовыми средствами позитивные общественные отношения и их законодательная регламентация имеют значительную степень изменчивости. Причем чем интенсивнее динамика охраняемых уголовным правом общественных отношений, чем изменчивее их законодательное регулирование, тем выше уровень бланкетности уголовного закона. Поэтому неудивительно, что наиболее широкое распространение бланкетный способ конструирования уголовного закона получил в тех главах Особенной части УК РФ, которые устанавливают ответственность за преступления в сфере экономической деятельности, экологические преступления, преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Достижению баланса между относительной стабильностью уголовного закона и динамизмом общественного развития в определенной мере способствует включение в систему юридических источников уголовного права подзаконных уголовно-правовых актов — Постановлений Правительства РФ, принятых в соответствии с примечаниями к статьям Особенной части УК РФ. Посредством изменения указанных подзаконных уголовно-правовых актов законодатель при необходимости имеет возможность оперативно корректировать перечень и (или) уголовно-значимые размеры предметов преступлений, предусмотренных ст. 226¹, 228, 228¹, 228³, 228⁴, 229, 229¹, 231, 234, 258¹ УК РФ, не нарушая при этом стабильности уголовного закона. Так, например, регулярное появление новых видов наркотических средств и психотропных веществ (по информации главы Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков В.П. Иванова, оно фиксируется в среднем каждую неделю¹⁵) обуславливает необходимость внесения изменений в постановление Правительства РФ от 01 октября 2012 г. № 1002 «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228¹, 229 и 229¹ Уголовного кодекса Российской Фе-

дерации». Соответствующие изменения, внесенные постановлениями Правительства РФ от 23 ноября 2012 г. № 1215, от 04 февраля 2013 г. № 78, от 13 июня 2013 г. № 496, от 10 июля 2013 г. № 580, от 09 сентября 2013 г. № 788, от 07 ноября 2013 г. № 998, от 16 декабря 2013 г. № 1159, от 22 марта 2014 г. № 224, от 23 июня 2014 г. № 578, скорректировали содержание уголовно-правовых норм об ответственности за незаконный оборот наркотиков, не трансформируя при этом «букву» уголовного закона.

Таким образом, система юридических источников уголовного права, обеспечивающая функциональную связь УК РФ с иноотраслевыми нормативными правовыми актами (по каналам межотраслевой бланкетности) и подзаконными уголовно-правовыми актами (по каналам внутриотраслевой бланкетности), позволяет уголовному праву непрерывно изменяться за счет динамики бланкетной части уголовно-правовых норм при сохранении относительной стабильности самого уголовного закона.

Указанные выше диалектические противоречия наслаиваются друг на друга, порождая тем самым объективную потребность в системе юридических источников уголовного права, способной обеспечить процесс уголовно-правового воздействия всем необходимым ассортиментом уголовно-правовых предписаний (абстрактных и конкретных; относительно стабильных и динамичных). Объединяя функционально разнообразные источники уголовного права, обеспечивая их непротиворечивое и согласованное действие, эта система создает необходимые предпосылки для эффективного регулирования уголовно-правовых отношений.

¹ См.: *Качала В.В.* Основы теории систем и системного анализа: учебное пособие для вузов. М., 2007. С. 113; *Сурмин Ю.П.* Теория систем и системный анализ: учебное пособие. Киев, 2003. С. 67.

² Философская энциклопедия: В 5 т. / под ред. Ф.В. Константинова. М., 1960-1970. Диалектическое противоречие представляет собой взаимодействие противоположных, взаимоисключающих сторон и тенденций предметов и явлений, которые вместе с тем находятся во внутреннем единстве и взаимопроникновении, выступая источником самодвижения и развития объективного мира и познания (См.: Большая советская энциклопедия: В 30 т. М., 1969-1978).

³ *Бабаев В.К.* Советское право как логическая система. Учебное пособие. М., 1978. С. 53.

⁴ *Яцеленко Б.В.* Противоречия уголовно-правового регулирования. Монография. М., 1996. С. 66.

⁵ Там же. С. 79.

⁶ *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Курс лекций: В 3-х т. Т. 1. М., 2007. С. 219.

⁷ *Панько К.К.* Методология и теория законодательной техники уголовного права России: монография. Воронеж, 2004. С. 129. Поэтому вряд ли можно согласиться с категоричными утверждениями о предпочтительности абстрактного или казуистического способов формулирования уголовно-правовых норм. (См.: *Коган В.М.* Логико-юридическая структура советского уголовного закона. Алма-Ата, 1966. С. 55; *Келина С.Г.* Некоторые принципиальные идеи, лежащие в основе теоретической модели уголовного кодекса // Проблемы совершенствования уголовного закона. М., 1984. С. 5-18). Сделать выбор между ними чрезвычайно сложно, а точнее невозможно, поскольку в работах по законодательной технике к числу нормотворческих ошибок отнесены как излишняя детализация и конкретизация нормативных предписаний, так и их высокая абстрактность (См.: *Москалькова Т.Н., Черников В.В.* Нормотворчество: научно-практическое пособие. М., 2011. С. 339). А значит, следует говорить не о выборе между абстрактным и казуальным приемом изложения уголовно-правовых предписаний, но о поиске оптимального баланса между ними.

⁸ *Трофимов В.В.* Источники права микро- и макросоциального уровней правовой жизни // Источники права: проблемы теории и практики: материалы конференции. М., 2008. С. 70.

⁹ *Гурова Т.В.* Актуальные проблемы теории источников права: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2000. С. 153.

¹⁰ Иванов С.А. Соотношение закона и подзаконного нормативного правового акта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 18.

¹¹ См.: *Round R. Outlines of Lectures on Jurisprudence*. Cambridge, 1943. P. 41.

¹² См.: Яценко Б.В. Противоречия уголовно-правового регулирования. М., 1996. С. 75; Баскова И.В. Стабильность и динамизм советского уголовного закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989. С. 8.

¹³ Баскова И.В. Стабильность и динамизм советского уголовного закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989. С. 8.

¹⁴ Энциклопедия уголовного права. Т. 1: Понятие уголовного права. СПб, 2005. С. 390 (автор соответствующего раздела, посвященного месту уголовного права в системе российского права, Н.И. Пикуров).

¹⁵ См.: Рост наркомании в России остановлен // Российская газета. 2013. 2 апр.

И.В. Пантюхина*

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПОЛОВОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Понятие «уголовно-правовое воздействие» охватывает всякое целенаправленное позитивное влияние уголовного права на криминальную ситуацию в стране. Это тот позитивный эффект, который самим фактом своего существования и практическим их применением производят уголовно-правовые нормы¹. В.К. Дуюнов определил уголовно-правовое воздействие как целенаправленное карательно-воспитательно-превентивное воздействие на лиц, совершивших преступление, и превентивное воздействие на так называемых «неустойчивых» граждан (воздействующее с момента вступления в силу уголовно-правовой нормы), которое реализуется посредством карательных и не карательных мер государственного принуждения. К числу первых он отнес наказание (в том числе освобождение от него) и принудительные меры воспитательного воздействия. Ко вторым — принудительные меры медицинского характера, применяемые не за совершение преступления, а в связи с его совершением и имеющие своей целью обеспечение безопасности лица, совершившего преступление, и для себя самого и иных лиц, и обозначил их мерами безопасности².

Такое понимание мер уголовно-правового воздействия приводит к необходимости оценки их эффективности с позиции предупредительного, карательного и воспитательного (исправительного) воздействия на лиц, совершивших и способных совершить определенные виды преступлений.

В последние пять лет существенные шаги предприняты в направлении повышения эффективности уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших или способных совершить половые преступления.

* Пантюхина Инга Владимировна — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права и процесса ФГБОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина».

Предупредительное воздействие уголовно-правовых мер реализуется через систему уголовно-правовых запретов и суровость санкций за их нарушение (общее предупреждение). Оценка их эффективности сводится к количественным показателям нарушений таких запретов, их динамики, особенно в периоды изменения санкций за их совершение.

Сравнительный анализ статистических показателей регистрируемых половых преступлений показывает, что с ужесточением их санкций (2009 и 2012 гг.) число случаев их совершения сократилось. По данным официальной статистики, с 2006 по 2013 гг. число ежегодно регистрируемых изнасилований и покушений на них сократилось более чем в два раза (с 8871 до 4246 случаев), причем только с 2009 по 2013 гг. на 21,3%³. Аналогична тенденция снижения числа иных насильственных действий сексуального характера. Специальные исследования показывают иную картину. Л.В. Логина отмечает, что с 2009 по 2011 гг. более чем в 2,5 раза выросло число изнасилований и в 4,6 раза — иных насильственных действий сексуального характера несовершеннолетних⁴. Заметим, что санкции насильственных половых посягательств именно в отношении несовершеннолетних и малолетних в 2009 г. были ужесточены.

Зарегистрированных случаев преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ, единицы, тогда как мониторинг сводок МВД за последние десять лет, проведенный национальной независимой комиссией, показал его рост на 38%. Согласно опросам, каждая четвертая женщина в российской провинции и каждая третья в Москве и Санкт-Петербурге подвергались сексуальным домогательствам на работе⁵.

Число официально регистрируемых преступлений, предусмотренных ст. 134 УК РФ, с 2006 по 2009 гг. выросло на 54%. Первые существенные изменения ст. 134 УК РФ, в том числе ее санкций, пришлись на середину 2009 г., и в 2010 г. число таких преступлений снизилось на 23,8%. Другие изменения были внесены в начале 2012 г., и в том же году преступлений по данной статье было зарегистрировано на 53,4% меньше. Однако Л.В. Логина в период с 2009 по 2011 гг. отмечает более чем трехкратный рост преступлений, предусмотренных ст. 134 УК РФ, в отношении лиц старше 14 лет, в 4,7 раза — не достигших 14 лет и в 8,6 раза — не достигших 12 лет. Похожая ситуация наблюдается в динамике развратных действий (ст. 135 УК РФ): с 2006 г. их число почти двукратно сократилось, а в период с 2009 по 2011 гг. пятикратно возросло число малолетних жертв развратных действий⁶.

Изложенное позволяет констатировать тенденцию сокращения числа регистрируемых половых преступлений, и в большей степени по ненасильственным преступлениям (ст. 134 и 135 УК РФ), которое приходится на периоды ужесточения их санкций. Эта тенденция указывает на закономерность: ужесточение ответственности за половые преступления ведет к сокращению их числа, следовательно, ужесточение мер уголовно-правового воздействия является эффективным средством предупредительного

уголовно-правового воздействия. Однако по заявлению большинства специалистов, официальная статистика не соответствует реальному положению дел. Все исследователи половых преступлений подчеркивают высочайший уровень их латентности, и при сокращении числа их регистрации отмечают рост их латентности, особенно в отношении половых посягательств на несовершеннолетних, что обуславливают интимностью половых отношений, инцестом, посягательством близких потерпевшему, страхом и стыдом потерпевшего и т.д.⁷ Согласно данным В.В. Лунеева, учтенные изнасилования соотносятся с латентными как 1:67, Дьяченко А.П. отмечает латентность изнасилований в соотношении 1:10⁸. По мнению экспертов Национальной независимой комиссии по правам женщин и насилию в отношении женщин, реальное число изнасилований составляет 60–80 тыс. в год. По данным кризисного центра, в 2007 г. в правоохранительные структуры обращалось лишь 12 % из всех пострадавших от сексуального насилия женщин, в 2008 г. — 14 %. По результатам социологических опросов за 2010 г., изнасилованию подверглось 22 % российских женщин, а заявления подали лишь 8 %⁹. Некоторые авторы все половые преступления относят к среднелатентным и выводят следующее соотношение зарегистрированных преступлений с латентными: ст. 131 — 1:7,5; ст. 132 — 1:4,2; ст. 133 — 1:6,7; ст. 134 — 1:2,5; ст. 135 — 1:3,5¹⁰.

Предупредительное воздействие уголовно-правовых мер осуществляется посредством реализации назначенного наказания за совершенное преступление, поскольку призвано исключить совершение нового преступления лицом, уже его совершившим (частное предупреждение). Такое же воздействие призваны играть принудительные меры воспитательного и медицинского характера, которые могут быть применены к лицу, совершившему половое преступление. Дать оценку эффективности последних из указанных мер не представляется возможным в связи с кратковременностью их регламентации и фактическим отсутствием судебной практики их применения.

Наказание в наибольшей степени оказывает карательное воздействие. Его эффективность не поддается статистическому анализу и требует правоприменительного и социологического исследования.

Анализ наказаний, назначаемых за совершение половых преступлений, позволил вывести несколько тенденций. Лишение свободы назначается, как правило, за совершение преступлений, предусмотренных ст. 131 и 132 УК РФ. При этом назначаемые сроки наказания приближены к нижней границе санкции (например, по ч. 3 ст. 131 УК РФ — 10 лет лишения свободы¹¹), в том числе в случаях совокупности указанных преступлений (например, 2 года 6 месяцев лишения свободы¹²). Случаев назначения максимального срока наказания, предусмотренного санкциями указанных статей, не выявлено. По основным составам других половых преступлений, как правило, назначаются наказания, не связанные с изоляцией от общества. Лишение свободы назначается за совокупность простых

преступлений, но в средних или минимальных размерах. Так, по одному из дел за совершение 23 эпизодов развратных действий было назначено лишение свободы сроком на 1 год 6 месяцев¹³, тогда как санкция позволяла назначить до 3 лет лишения свободы. Стоит отметить, что по ст. 134 УК РФ достаточно высок уровень случаев освобождения от ответственности за их совершение, как правило, в связи с примирением сторон. Около 50% дел (до изменений УК РФ 2012 г.) прекращались постановлениями судей по заявлению представителей потерпевших в связи с примирением сторон. По квалифицированным составам (ст. 134 и 135 УК РФ) назначаемые сроки лишения свободы также приближены к нижним границам санкций. Случаев назначения максимальных наказаний не выявлено.

Особое внимание обращает на себя количество случаев назначения условного осуждения за половые преступления, причем насильственные и при наличии квалифицирующих обстоятельств (в частности, ч. 2 ст. 131 и 132 УК РФ¹⁴) и совокупности ст. 131 и 132 УК РФ¹⁵. Д.В. Ривман подчеркивал, что в условном осуждении через испытательный срок и угрозу приведения наказания в исполнение проявляется кара, свойственная наказанию¹⁶. Однако опросы условно осужденных к лишению свободы показывают, что 76 % из них, считают такое осуждение равнозначным избежанию наказания (безнаказанности)¹⁷. Поэтому следует констатировать утрату карательного воздействия наказания при его назначении условно. Кроме того, только в 2011 г. 6,7 % условно осужденных направлено судами в места лишения свободы для реального отбывания наказания при том, что представлений в суд было почти вдвое больше. В предыдущие пять лет уровень отмен условного осуждения не превышал 3 %; несмотря на это С.Ю. Скобелин заявляет о высокой эффективности института условного осуждения¹⁸.

В том, что реально назначенное наказание оказывает карательное воздействие, сомнений нет. Что же касается условного осуждения, то наличие в нем карательного потенциала порождает определенные вопросы.

Как отмечалось ранее, карательное воздействие оказывают и принудительные меры воспитательного характера. Согласно видам и категориям половых преступлений их применение возможно только за совершение преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ, но его совершения несовершеннолетними не выявлено.

Третье направление воздействия уголовно-правовых мер — воспитательное (исправительное). Эффективным его можно признать лишь в том случае, если лицо, совершившее преступление и подвергнутое принудительным мерам государственного принуждения, не совершит нового преступления.

По утверждению некоторых авторов, «многие из насильников ранее уже были судимы, чаще всего за хулиганство (нередко связанное с вульгарным отношением к женщинам), грабежи, разбойные нападения, угон автотранспорта (общий рецидив), а также за изнасилования и иные

сексуальные посягательства (специальный рецидив)»¹⁹. По заявлению М.И. Могачева, «каждый десятый насильник продолжал совершать изнасилования после осуждения и отбытия наказания за аналогичные серийные преступления»²⁰. Согласно другим данным, «каждый четвертый насильник состоял на учете в ИДН, ... каждый третий ранее содержался в местах лишения свободы, а две трети ранее привлекались к уголовной ответственности за различные правонарушения, в том числе за сексуальные — 66,7%, подавляющее число из них составляют изнасилования (92,1%)»²¹. Л.В. Логинова отмечает, что среди лиц, совершающих преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, ранее совершившие преступления составляют 40 %, преобладают по ст. 158, 161, 131–135, 162, 115 УК РФ. При этом автор отмечает рост числа специального рецидива²².

Изучение материалов уголовных дел о половых преступлениях, рассмотренных судами Рязанской области, показало, что лишь 9 % осужденных ранее привлекались к уголовной ответственности, причем за иные, чем половые преступления. Случаев специального рецидива не выявлено, но они встречаются в опубликованных материалах судебной практики. Например, осужденный в 2002 г. С. по ч. 1 ст. 132 УК РФ к 4 годам лишения свободы, освобожденный в 2006 г. по отбытию срока наказания, в 2009 г. осужден по п. «д» ч. 2 ст. 131 УК РФ к 9 годам лишения свободы²³.

Рецидив, особенно специальный, показывает недостаточную эффективность мер уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступления. В то же время отрицать их эффективность, ссылаясь на специальный рецидив, было бы неверным, поскольку, в частности, в половых преступлениях он весьма низок. Материалов по применению уголовно-правовых норм, содержащих указание на специальный рецидив в качестве особо квалифицирующего признака половых преступлений (ч. 5 ст. 131 и 132, ч. 6 ст. 136 УК РФ), выявить не удалось. Всего лишь одно дело по ч. 5 ст. 132 УК (два эпизода) поступало в Королевский городской суд Московской области в 2013 г., но в порядке ст. 237 УПК РФ было возвращено прокурору²⁴.

Итак, оценка эффективности мер уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступления определенного вида, в рамках их предупреждения, как правило, подменяется их количественными показателями. Однако статистические данные неоднозначны, а в ряде случаев противоречивы. Проведенный анализ статистики зарегистрированных половых преступлений показывает их положительную динамику, которая совпадает с ужесточением санкций соответствующих уголовно-правовых норм. В то же время уровень их латентности не позволяет однозначно утверждать, что именно ужесточение санкций дало такой положительный эффект. Дать четкую оценку эффективности мер карательного воздействия также затруднительно. Слишком различны подходы судов к назначению наказаний за половые преступления, нет возможности анализа последующего

поведения лиц, освобожденных от ответственности, отсутствуют специальные системы статистического учета рецидива преступлений. Одним из основных средств механизма определения эффективности мер уголовно-правового воздействия должна выступать независимая экспертная оценка специалистов, а также представителей гражданского общества результатов правоприменительной практики, причем как в аспекте назначения наказаний и иных принудительных мер государственного принуждения, так и случаев освобождения от ответственности. Анализ эффективности уголовно-правового воздействия должен производиться с учетом: а) вида, характера и степени тяжести исследуемых преступлений; б) социологических данных (опросов лиц, совершивших преступления, потерпевших от преступления и правоприменителей); в) результатов мониторинга правоприменения.

Таким образом, анализ мер уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших половые преступления, позволяет говорить о наметившихся положительных результатах такого воздействия. Для последующего повышения их эффективности необходимо дальнейшее совершенствование законодательства, практики его применения, регистрационной и судебной статистической отчетности, а также формирование механизма ее доступности, с целью обеспечения анализа и независимой оценки как специалистами, так и общественными организациями и иными представителями гражданского общества.

¹ См.: Мочалова О.А. О понятии мер уголовно-правового воздействия // Вектор науки ТГУ. 2010. № 3. С. 135.

² См.: Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие, теория и практика: монография. М., 2003. URL: <http://lawdiss.org.ua/books/a1837.doc.html> (дата обращения: 15.09.2014).

³ См.: Официальный сайт МВД РФ. URL: mvd.ru (дата обращения: 17.09.2014).

⁴ См.: Логина Л.В. Уголовно-правовое и криминологическое исследование преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2013. С. 3.

⁵ См.: Доклад Национальной независимой комиссии «Территория молчания: Права женщин и проблема насилия в отношении женщин в России». URL: <http://www.anna-center.ru/ru/component/content/article/32/15.html> (дата обращения: 21.09.2014).

⁶ См.: Логина Л.В. Указ. раб. С. 3–4.

⁷ См. напр.: Логина Л.В. Указ. раб. С. 4, 8, 1–12 и др.; Мартиросьян А.М. Насильственные половые преступления в отношении несовершеннолетних (уголовно-правовой и криминологический аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2010. С. 4, 12, 14 и др.; Шувалова Т.Г. Насильственные преступления сексуального характера, совершаемые в отношении малолетних и несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 4, 22, 24, 27 и др.; Тыдыкова Н.В. Насильственные половые преступления: обоснованность криминализации и квалификация по объективным признакам. Барнаул, 2008 и др.

⁸ Цит. по: Каменева А.Н. Дискуссионные вопросы ответственности за изнасилование по уголовному законодательству Российской Федерации и уголовным законодательствам зарубежных государств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 5.

⁹ См.: Доклад Национальной независимой комиссии «Территория молчания: Права женщин и проблема насилия в отношении женщин в России». URL: <http://www.anna-center.ru/ru/component/content/article/32/15.html> (дата обращения: 21.09.2014).

¹⁰ См.: Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография / под ред. С.М. Иншакова. М., 2011. С. 621.

¹¹ См. напр.: УД № 1-108/2006 // Архив Шиловского районного суда Рязанской области.

¹² См.: Надзорное производство № 157-п/2005 // Архив Скопинской межрайонной прокуратуры Рязанской области.

¹³ См.: Приговор Шпаковского районного суда Ставропольского края от 8 декабря 2009 г. // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL:

http://shpakovsky.stv.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=195 (дата обращения: 18.09.2014).

¹⁴ См. напр.: УД № 1-69/2009 // Архив Пронского районного суда Рязанской области.

¹⁵ См. напр.: УД № 1-36/2007 // Архив Пронского районного суда Рязанской области.

¹⁶ Цит. по: Скобелин С.Ю. Условное осуждение в отечественном уголовном праве: монография. Тюмень, 2012. С. 38.

¹⁷ См.: Ларина Л.Ю. Совокупность преступлений: уголовно-правовой и криминологический аспекты: монография. Рязань, 2013. С. 97.

¹⁸ См.: Скобелин С.Ю. Указ. соч. С. 100.

¹⁹ Криминалистика / под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. М., 2000. URL: http://www.adhportal.com/book_1427_chapter_32_GLAVA_30_RASSLEDOVANIE_I_ZNASILOVANIJJ.html (дата обращения: 22.09.2014).

²⁰ Могачев М.И. Серийные изнасилования. М., 2003. URL: <http://scilib.biz/rozyisknaya-deyatelnost-sledstvieoperativno/ugolovno-pravovyye-aspektiy-seriyuyiy-40941.html> (дата обращения: 22.09.2014).

²¹ Курс: Криминальная сексология — Классификации насильников. Особенности серийных изнасилований. URL: <http://www.madrace.ru/kriminalnaya-seksologiya/kurs-kriminalnaya-seksologiya/klassifikatsii-nasilnikov-osobennosti-seriynich-iznasilovaniy> (дата обращения: 22.09.2014).

²² См.: Логинова Л.В. Указ. соч. С. 9.

²³ См.: Постановление Московского городского суда от 24 марта 2011 г. № 4у/2-1655. URL: <http://bazazakonov.ru/> (дата обращения: 25.09.2014).

²⁴ См.: УД № 1-262/2013 // Королевский городской суд Московской области. URL: <http://korolev.mo.sudrf.ru> (дата обращения: 25.09.2014).

Н.В. Петрашева*

КАТЕГОРИЯ «ЛИЦО, СОВЕРШИВШЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ»: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ»

Научный прогресс, в том числе развитие научной мысли, в наши дни вызывает особый интерес к проблемам методологии научного исследования¹. Действительно, только целостный взгляд на проблему, ее всесторонний анализ позволяет выстроить грамотную систему научных знаний, что в свою очередь позволит выработать предложения по совершенствованию и развитию научного элемента. Все это невозможно без методологических исследований. Именно поэтому проблемы методологии наиболее остро встают в процессе разработки новых методов и теорий, что является важнейшим фактором и обязательным условием развития как науки в целом, так и ее любой отрасли².

Уголовное право, являющееся одной из постоянно развивающихся отраслей права, требует к себе пристального внимания. Отдельные его институты содержат догмы, требующие пересмотра с учетом сложившихся современных реалий. Только обоснованные, соответствующие сущности исследуемых явлений методы научного познания позволят получить всестороннюю картину исследуемого объекта и достичь желаемого результата. В связи с этим особое внимание заслуживает диалектический метод, который остается неотъемлемой частью современной методологии.

* *Петрашева Наталья Валерьевна* — кандидат юридических наук, докторант адъюнктуры (докторантуры) ФГКОУ ВПО «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Указанный метод заключается в восхождении мышления от конкретного к абстрактному с дальнейшим переходом от абстрактного к конкретному. Очевидно, что поиск истины может потребовать изучения значительного объема теоретического материала и проведения самостоятельных исследований, что зачастую осуществляется поэтапно. Указанный метод познания может использоваться и при пошаговом изучении объекта от «большого» к «меньшему» то есть от абстракции к конкретизации объекта исследования. В качестве объекта исследования выступает «лицо, совершившее преступление в соучастии», следовательно, необходимо выявление характерных черт этого лица, при учете его индивидуальных признаков.

Важность соблюдения данного порядка проведения исследования подтверждается философским постулатом, согласно которому тот, кто берет за частные вопросы без предварительного решения общих, неизбежно будет на каждом шагу, не осознавая того, наталкиваться на эти нерешенные общие вопросы³.

Необходимость исследования понятия лица, совершившего преступление в соучастии, обуславливается тем, что соучастие представляет собой сложный институт уголовного права, требующий всестороннего, глубочайшего анализа и дальнейшего совершенствования. Чрезвычайно актуальны исследования, ведущиеся на стыке различных наук, в частности криминологии, социологии, социальной психологии и уголовного права⁴. Термин «лицо», фигурирующий в определении понятия соучастия, необходимо наполнить содержанием с позиции права, его дефиниция должна получить законодательное закрепление. Разночтения же, имеющиеся в настоящее время при толковании этого понятия, приводят к ошибкам в правоприменительной практике, что в свою очередь ведет к неверной квалификации содеянного. Существующие разногласия по данному вопросу, в основном, сводятся к двум диаметрально противоположным точкам зрения, представители одной из которых отождествляют понятия «лицо» и «субъект преступления»⁵, сторонники второй, напротив, их разделяют⁶. И те, и другие, проводя многочисленные исследования, аргументируют свои доводы, ссылаясь на уголовный закон. Однако зачастую встречаются нарушения методологии исследования, что приводит к ложным выводам и суждениям. Опираясь на историко-философские, правовые и теоретические позиции, необходимо провести методологическое исследование термина «лицо, совершившее преступление» с целью более глубокого логического познания существующей проблемы, а также с целью обнаружения и закрепления первоочередных направлений исследования.

В словаре С.И. Ожегова понятие «лицо» определяется следующим образом: человек как член общества⁷. В этом же словаре под личностью понимается: человек как носитель каких-либо свойств, лицо⁸. Анализ данных терминов позволяет сделать вывод, что понятия «лицо» и «личность» могут быть отождествлены, так как одно понятие определяется через другое. На это обстоятельство указывает и Н.И. Малыхина, отмечая, что в

криминалистической литературе ряд авторов при обозначении предмета исследования использует термин «личность преступника», вкладывая в него содержание, зачастую равнозначное содержанию термина «лицо, совершившее преступление»⁹.

Бытует точка зрения, согласно которой нет нужды в разработке понятия «личность преступника». Вполне достаточно понятия «субъект преступления»¹⁰.

Многие авторы отождествляют понятия «лицо» и «субъект преступления»¹¹. А.Р. Зайнутдинова отмечает, что «нельзя рассматривать совершение, например, грабежа, разбоя или изнасилования субъектом преступления совместно с малолетним или невменяемым соучастием в преступлении, а также «групповой формой преступления»¹². Анализ указанной позиции позволяет сделать вывод, что понятия «лицо, совершившее преступление» и «субъект преступления» идентичны.

Наибольший научный интерес представляет третья позиция, в соответствии с которой необходимо различать термин «лицо, совершившее преступление» и «субъект преступления». Так, А.М. Трухин указывает, что в ст. 32 УК РФ сказано о лицах, участвующих в совершении преступления, а не о субъектах преступления¹³. Разделяет эту позицию и В.Г. Павлов, который указывает, что отождествление в юридической и другой литературе понятий «личность преступника» и «субъект преступления» является методологической ошибкой¹⁴. Очевидно, что рассматриваемые понятия близки по смыслу и содержанию, однако говорить о совпадении данных терминов невозможно. Дефиниции, подлежащие исследованию, описывают одну и ту же категорию — человека, однако делают это с учетом разной смысловой нагрузки. По объему понятие «субъект преступления» является более узким в сравнении с понятием «личность преступника»¹⁵.

Еще один взгляд на проблему принадлежит С.Ф. Милюкову. Он пишет о частичном совпадении понятий «субъект преступления» и «личность преступника», поскольку всесторонний учет криминологических данных о преступнике не противоречит важнейшему положению уголовного права, в соответствии с которым единственным основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего в себе признаки состава преступления¹⁶.

Изучение понятия «лицо» целесообразно осуществлять с учетом трех основополагающих уровней. В более широком понимании «лицо» может быть рассмотрено как общественно-историческая категория, как часть общества, вобравшая в себя совокупность существующих социальных отношений. При этом следует учитывать, что такое лицо представляет общественную опасность, реализуя ее путем совершения преступления. Данному лицу присущи определенные психологические, социальные, биологические свойства, которые определяют его как человека асоциального, антиобщественного. Понятие «лицо» раскрывается через социальную сущность личности, которая включает в себя совокупность связей, взаи-

моотношений, признаков, характеристик, жизненных факторов, формирующих преступное поведение. Таким образом, при разработке определения «лица» необходимо учитывать социально-психологическую характеристику личности. «Проявляясь в том или ином преступлении вина есть переходящее конкретное настроение, которое сложилось у человека под влиянием двух сил: действия на него различных событий, происходящих в окружающей среде, с одной стороны, и его психической конституции — с другой¹⁷.

Так, большое влияние на развитие правовой мысли в России, в том числе в области познания лица, совершившего преступление, оказал известный философ и исследователь права — И. Кант. Основной идеей его учения служило положение о том, что основой уголовно-правовых построений является свобода воли, которая независима от определений чувственного мира, что влечет уголовную ответственность за действие, совершенное по решению человеческой воли¹⁸.

В узком понимании категорию «лицо» необходимо рассматривать как совокупность индивидуально-определенных свойств и качеств, присущих конкретной личности. В нашем исследовании на этом уровне необходимо изучение категории «лицо, совершившее преступление», что должно происходить с соблюдением определенных правил, выработанных спецификой исследования. Так, по мнению Ф.В. Глазырина, изучение конкретной личности, во-первых, должно основываться на понимании личности в ее общественно-историческом значении, во-вторых, требует прослеживания ее индивидуальных особенностей, совокупности непосредственно ей принадлежащих социальных, психологических свойств и качеств¹⁹.

Представители различных уголовно-правовых школ также уделяли достаточно внимания изучению лица, совершившего преступление. В сферу исследования входили такие вопросы, как уголовная ответственность и наказание, вменяемость и другие аспекты, сопряженные с личностью виновного в совершении преступления. Базовые положения классической школы уголовного права сводились к тому, что ответственность лица наступала только в случае его действия в рамках свободной воли. Напротив, антропологическая школа уголовного права разработала теорию о так называемом преступном человеке — лице, практически обреченном своими физическими и нравственными признаками на роль преступника. В связи с этим воля такого лица, ее участие в выборе поведения абсолютно отрицались²⁰. Представители социологической школы уголовного права в качестве фундамента своих исследований формулировали положение, согласно которому деятельность преступника основана на социальных факторах преступности²¹.

Лицо, совершившее преступление — это прежде всего личность, человек, участник многообразных общественных отношений. Этой же позиции придерживается и Н.С. Лейкина, утверждая, что непризнание правонарушителя личностью означает сведение его лишь к биологическому существу, отрицание его общественных качеств²².

При четкой конкретизации объекта исследования необходимо рассматривать «лицо, совершившее преступление в соучастии». По нашему мнению, это индивид, обладающий отрицательными личностными особенностями, имеющий влияние негативных социальных факторов, способствующих совершению преступления в совокупности с другим лицом.

В ст. 32 УК РФ соучастие определяется как умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. В ч. 2 ст. 33 УК РФ указывается, что исполнителем признается также лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости и других обстоятельств, предусмотренных УК РФ. Анализируя данные статьи, можно косвенно выделить два вида лиц, существующих в рамках института соучастия: 1) лицо, подлежащее уголовной ответственности; 2) лицо, не подлежащее уголовной ответственности. И первый, и второй вид «лица» может с учетом свободной воли совершить общественно опасное деяние. По мнению М.М. Коченова, понятие возраста можно употреблять в законе чаще всего в одном смысле — как указание на количество прожитого человеком времени, а основанием уголовной ответственности являются сам физический возраст и способность в момент совершения преступления регулировать свое поведение²³. Вполне допустима ситуация, где может иметь место совершение преступления в соучастии с несовершеннолетним лицом, достигшим возраста уголовной ответственности, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не имеющим возможности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Этот несовершеннолетний в соответствии с ч. 3 ст. 20 УК РФ уголовной ответственности не подлежит. Возможность такого лица действовать умышленно подтверждается ст. 22 УК РФ, исходя из содержания которой лицо также не в полной мере осознает фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и не может в полной мере руководить ими, однако признается вменяемым. Таким образом, неоправданно смягчать ответственность соучастнику в случае, если совместно действующее с ним лицо не подлежит уголовной ответственности. И наоборот, к осознанному, волевому и противоправному поведению вполне может быть готов и несовершеннолетний, не достигший возраста уголовной ответственности, однако достигший «возраста осознанного интеллектуально-волевого отношения к действиям и последствиям». Такое лицо вполне может в глазах других лиц, действующих с ним совместно, выглядеть как полноправный, полноценный соучастник преступной деятельности.

Показательным, на наш взгляд, может быть следующий пример из судебно-следственной практики. 14 апреля 1999 г. Президиумом Верховного Суда РФ было вынесено постановление по делу О., в котором протест

заместителя Генерального прокурора РФ на приговор Верховного Суда Республики Коми от 16 июня 1998 г. не был удовлетворен. Приговором суда О. признан виновным по п. «в» ч. 3 ст. 162, ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 4 ст. 226, ч. 3 ст. 30, п. «а», «д», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Обстоятельства дела установлено, что в ноябре 1997 г. О. предложил своему знакомому малолетнему М. 11 мая 1984 г.р. совершить нападение на квартиру, где совместно с родителями проживали малолетние братья К-мы. М. с предложением О. согласился. О. и М. заранее договорились о нападении на квартиру К-мов, действовали совместно и согласованно в отношении потерпевших, сознанием каждого из них охватывался факт содействия друг другу при нападении на братьев К-мов в целях завладения чужим имуществом. Совместно и согласованно действовали они и при осуществлении умысла на убийство братьев, оба непосредственно участвовали в применении к ним насилия, опасного для жизни и здоровья. Из материалов дела также установлено, что потерпевшие братья К-мы понимали, что О. и М. в отношении них действовали совместно и согласованно. При таких обстоятельствах, по мнению заместителя Генерального прокурора РФ, нельзя согласиться с решением суда кассационной инстанции об исключении из обвинения О. квалифицирующего признака — совершение преступления группой лиц по предварительному сговору. Еще раз отметим, что данный протест не был удовлетворен. Доводы Президиума были сведены к тому, что М., не достигший возраста, по достижении которого наступает уголовная ответственность, не мог быть привлечен к уголовной ответственности. В соответствии со ст. 8, 19, 32, 35 УК РФ ответственность за совершение преступления группой лиц по предварительному сговору возможна лишь тогда, когда в его совершении участвовали физические лица, достигшие возраста, установленного УК РФ²⁴.

Не соглашаясь с доводами Президиума Верховного Суда РФ, подчеркнем, что в ст. 32 УК РФ говорится о лицах, совместно совершивших умышленное преступление, при этом о виде лица — подлежащем или не подлежащем уголовной ответственности — не упоминается. Следовательно, и при наличии возможной уголовной ответственности двух лиц, и при наличии ответственности только одного из соучастников преступления, учитывать квалифицирующее обстоятельство и применять нормы о соучастии законно и обоснованно. Более того, данное обстоятельство находит подтверждение в практической деятельности судов.

Изучив обобщение практики рассмотрения судами Архангельской обл. уголовных дел за второе полугодие 2013 г., нами были выделены следующие уголовные дела, подтверждающие нашу позицию: приговором Ломоносовского районного суда К. и Я. осуждены по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 166 УК РФ за покушение на угон группой лиц по предварительному сговору с лицом, не достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность (дело № 1-24\2013); Котласским районным судом Я. осужден

за кражу, совершенную группой лиц по предварительному сговору, совместно с лицом, не достигшим возраста 14-ти лет (дело № 1-4/2013)²⁵.

Таким образом, лицо, совершившее преступление в соучастии — это человек, способный к осознанному или (свободному) волевому поведению, обладающий общественной опасностью, сформированной из внешне-социальных и внутренне-психологических факторов, нарушающий запрет уголовного закона совместно с другим индивидом.

¹ См. например: *Материалистическая диалектика: Краткий очерк теории* / П.Н. Федосеев, И.Т. Фролов, В.А. Лекторский и др. М., 1985. С. 327; *Алексеев В.П.* Предмет, структура и функции диалектического материализма. М., 1978; *Денисов Ю.А., Спиридонов Л.И.* Абстрактное и конкретное в советском правоведении. М., 1987.

² *Вицин С.Е.* Проблемы системного подхода к организации борьбы с преступностью: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук // *Российский криминологический взгляд*. 2009. № 3. С. 99.

³ См.: *Гуторова Н.А., Панов Н.И.* О методологии научного исследования проблем Особенной части уголовного права // *Правоведение*. 2010. № 1. С. 87.

⁴ См.: *Милюков С.Ф.* Уголовно-правовое значение криминологической характеристики преступника: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980. С. 4.

⁵ *Тарбагаев А., Куренев Д.* Квалификация убийства, совершенного с участием малолетнего или невменяемого // *Уголовное право*. 2011. № 2. С. 80.

⁶ См.: *Есаков Г.* Квалификация совместного совершения преступления с лицом, не подлежащим уголовной ответственности: новый поворот в судебной практике // *Уголовное право*. 2011. № 2. С. 16; *Пинчку В.И.* Квалификация преступлений, совершенных в соучастии: конспект лекции. Л., 1986; *Зелинский А.Ф.* Соучастие в преступлении. Волгоград, 1971. С. 26.

⁷ См.: *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1987. С. 264.

⁸ Там же. С. 264.

⁹ *Малыхина Н.И.* Определение понятия «лицо, совершившее преступление» // *Российская юстиция*. 2012. № 12. С. 19.

¹⁰ *Гончарова М.В.* Методологические подходы к определению личности корыстного преступника-рецидивиста // *Российский следователь*. 2014. № 2. С. 29-32; *Бурлаков В.Н.* Криминогенная личность и индивидуальное предупреждение преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1998. С. 9.

¹¹ См., например: *Шеслер А.В.* Соучастие в преступлении. М., 2009. С. 7-10.

¹² *Зайнутдинова А.Р.* Ответственность за организованные формы соучастия в преступлении по российскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2001. С. 7.

¹³ *Трухин А.М.* Соучастник преступления // *Уголовное право*. 2006. № 3. С. 46-50.

¹⁴ *Павлов В.Г.* Субъект преступления в уголовном праве (историко-правовое исследование). М.; СПб., 1999. С. 23.

¹⁵ Там же. С. 23.

¹⁶ *Милюков С.Ф.* Уголовно-правовое значение криминологической характеристики преступника: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980. С. 7.

¹⁷ *Познышев С.В.* Очерк основных начал науки уголовного права. М., 1923. С. 183.

¹⁸ *Кант И.* Критика практического разума. М., 1998.

¹⁹ *Глазырин Ф.В.* Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий. Свердловск, 1973. С. 8.

²⁰ *Ломброзо Ч.* Преступный человек. Мидгард, 2005. С. 858; *Его же.* Преступление. Новейшие успехи науки о преступлении. Анархисты. М., 2004. С. 316.

²¹ *Шишов О.Ф.* Становление и развитие науки уголовного права в СССР. М., 1981. С. 30; *Фойницкий И.Я.* На досуге. Сборник юридических статей и исследований. Т. 1. СПб., 1898. С. 612; *Познышев С.В.* Криминальная психология. Преступные типы. М., 2007. С. 320.

²² *Лейкина Н.С.* Личность преступника и уголовная ответственность. Л., 1968. С. 8.

²³ *Коченов М.М.* Теоретические основы судебно-психологической экспертизы: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1991. С. 34.

²⁴ См.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 14 апреля 1999 г. Дело № 192п99пр // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁵ Обобщение практики рассмотрения судами Архангельской области уголовных дел о преступлениях, совершенных в соучастии за второе полугодие 2013 года от 25 сентября 2014 г. URL: <http://www.arhcourt.ru/?Documents/Crm/Gen/201312041200>.

Е.Е. Пономарева*

ПРЕДЕЛЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В БЕСПРЕДЕЛЕ СУДЕЙСКОГО УСМОТРЕНИЯ

В науке уголовного права не сложилось единое представление о том, что следует понимать под уголовно-правовым воздействием и каковы его пределы. В частности, В.К. Дуюнов полагает, что уголовно-правовое воздействие — это специальная деятельность государства, реагирующая на факты нарушения устанавливаемых им уголовно-правовых запретов посредством использования возможностей, заложенных в уголовном праве¹.

По мнению В.М. Когана, в процессе уголовно-правового регулирования общественных отношений осуществляется уголовно-правовое воздействие на преступность, взятую в ее социальной обусловленности. Это воздействие характеризуется пределами, суровостью и справедливостью, вместе составляющими его метод².

Каждая из приведенных позиций имеет свои достоинства и недостатки, плюсы и минусы. Несмотря на то, что позиция В.М. Когана выглядит идеалистической, она нам более близка, особенно в части следующего утверждения автора: «Расширяя либо сужая пределы, усиливая либо смягчая суровость, добиваясь той или иной степени воплощения справедливости, законодатель и органы, применяющие закон, осуществляют защиту общественных отношений. Пределы уголовно-правового воздействия проявляются, прежде всего, в круге деяний, признаваемых преступлениями, а также и в способе определения этого круга: кто и при каких обстоятельствах признает деяние преступлением. Суровость уголовно-правового воздействия проявляется, прежде всего, в наказании и главным образом — в его максимуме, который служит точкой отсчета для дифференциации санкций за отдельные виды преступлений. Справедливость уголовно-правового воздействия проявляется в основании уголовной ответственности и формах ее реализации. Пределы, суровость и справедливость уголовно-правового воздействия находятся в иерархическом отношении: пределы представляют собой частный случай суровости, а суровость, в свою очередь, — частный случай справедливости. Таким образом, справедливость уголовно-правового воздействия является его интегральной характеристикой»³.

Безусловно, права Н.А. Лопашенко, отмечая, что вопрос о правовой природе и пределах судебного усмотрения относится к числу самых сложных и дискуссионных как в науке, так и на практике⁴. Однако ряд законодательных просчетов привел, на наш взгляд, к беспределу судебного усмотрения, который, в свою очередь, породил неверие граждан в закон и справедливость. Причем не всегда это связано с чрезмерной суровостью,

* Пономарева Елена Евгеньевна — кандидат юридических наук, доцент, адвокат Коллегии адвокатов Камчатки.

зачастую наоборот — с непониманием соотношения санкции и назначенного наказания.

Приговором Камчатского краевого суда Р. признан виновным по ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ в покушении на незаконный сбыт наркотических средств, совершенный группой лиц по предварительному сговору в особо крупном размере, за что ему было назначено наказание в виде 4 лет лишения свободы. В порядке ст. 73 УК РФ наказание постановлено считать условным с испытательным сроком 3 года. Этим же приговором Т. признан виновным по ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 и ч. 3 ст. 30 п. «г», ч. 4 ст. 228.1 УК РФ в покушении на незаконный сбыт наркотических средств, совершенный группой лиц по предварительному сговору в особо крупном размере, а также в покушении на незаконный сбыт аналогов наркотических средств в крупном размере, за которые ему по правилам ст. 69 УК РФ было назначено наказание в виде 7 лет лишения свободы. В порядке ст. 73 УК РФ наказание постановлено считать условным с испытательным сроком 4 года⁵. Весьма сомнительна обоснованность столь незначительного срока наказания за совершение особо тяжкого преступления группой лиц по предварительному сговору, нельзя не учитывать и объект преступления, и размер предмета. Однако суд нашел основания не только для применения наказания ниже низшего предела, установленного статьей, но и для назначения условного осуждения.

Приговором Усть-Камчатского районного суда К. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 260 УК РФ, за что ему было назначено наказание в виде 2 лет лишения свободы⁶. Преступление отнесено к категории тяжких, нижний предел наказания в санкции не установлен. Сопоставляя два приговора, с учетом личности виновных лиц, невозможно объяснить мотивы принимаемых судом решений. Если назначение наказания ниже низшего предела за совершение тяжких и особо тяжких преступлений вполне понятно, то применение условного осуждения к лицам, обвиняемым в совершении особо тяжких преступлений, за которые в санкции предусмотрено лишение свободы на срок до двадцати лет либо пожизненно, нам представляется недопустимым.

Правоприменительная практика позволяет выявить ряд законодательных проблем, которые позволяют суду манипулировать нормами уголовного закона, игнорировать установленные пределы. Необходимо отметить, что в рамках настоящей статьи мы рассматриваем судебское усмотрение как проявление беспредела не только в назначении наказания, но и в определении нормы закона, подлежащей применению.

Так, приговором Усть-Камчатского районного суда Камчатского края П. осуждена по ч. 4 ст. 159 УК РФ к 3 годам лишения свободы со штрафом в размере 1 000 000 рублей. На основании ст. 73 УК РФ назначенное наказание в виде лишения свободы постановлено считать условным с испытательным сроком 2 года.

Судебная коллегия приговор суда изменила в связи с неправильным применением уголовного закона, квалифицировав деяние по ч. 3 ст. 159.2 УК РФ — мошенничество при получении выплат, то есть хищение имущества при получении социальной выплаты, установленной законом, путём представления заведомо ложных и недостоверных сведений, совершённое в крупном размере. Наказание назначено в виде лишения свободы сроком на 2 года, с применением ст. 73 УК РФ условно с испытательным сроком 2 года с возложением дополнительных обязанностей.

При этом Судебная коллегия не увидела, что ст. 159.2 УК РФ не входит в перечень, установленный в примечании к ст. 159.1 УК РФ, а сумма вменяемого П. ущерба превысила 5 млн рублей⁷. В кассационном порядке судьей отказано в передаче жалобы защитника и уголовного дела в Президиум Камчатского краевого суда на том основании, что примененная Судебной коллегией ч. 3 ст. 159.2 УК РФ не ухудшила положение П., а улучшила его.

Представления о надлежащих пределах уголовно-правового воздействия и его реальные пределы проявляются, в первую очередь, в круге деяний, признаваемых преступлениями, и в способе определения этого круга: кто и при каких обстоятельствах признает деяние преступлением. Представления о надлежащей суровости уголовно-правового воздействия и его реальная суровость проявляются, прежде всего, в наказании и, главным образом, в его максимуме, его верхнем пределе, который служит точкой отсчета для дифференциации санкций за отдельные виды преступлений. Представления о надлежащей справедливости уголовно-правового воздействия и его реальная справедливость, в первую очередь, проявляются в том, что является основанием уголовной ответственности — свойства деяния или свойства личности, и какой форме государственной реакции отдается предпочтение — мерам социальной защиты или наказанию⁸.

Высказанная В.М. Коганом позиция, безусловно, привлекательна, однако реализовать ее, на наш взгляд, невозможно в связи законодательными недостатками, а именно:

отсутствием минимальных пределов наказания в санкциях статей Особой части УК РФ;

использованием оценочных признаков при описании институтов условного осуждения и назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено законом;

отсутствием ограничений при выборе вида и размера наказания.

Как показывает правоприменительная практика, пока будет существовать даже данный минимальный перечень законодательно возможного судейского усмотрения, говорить о справедливом уголовно-правовом воздействии невозможно.

Следует отметить, что даже в случае решения рассмотренных законодательных проблем качество рассмотрения судами уголовных дел не повы-

сится, беспредел судейского усмотрения не прекратится, поскольку имеются иные причины, названные нами организационными:

судейский корпус становится определенной кастой, допускающей в свои ряды в основном родственников вне зависимости от уровня и качества знаний, наличия и отсутствия практического опыта. Смеем предположить, что данная ситуация имеет место не только в Камчатском крае, но и в других субъектах Российской Федерации;

судейский корпус формируется в основном по принципу: секретарь судебного заседания — помощник судьи — судья. В итоге то, чему учились, в большей степени подзабыли, а в практической деятельности приобрели в основном технические навыки;

суд не является ни стороной обвинения, ни стороной защиты, но в Камчатском крае сложилась ситуация при которой в состав семьи судей входят либо работники прокуратуры, либо Следственного комитета. Возникает вопрос, действительно ли суд не является стороной обвинения.

Не можем не согласиться с мнением Н.А. Лопашенко о необходимости разработки и претворения в действительность обязательных для законодателя правил построения санкций уголовно-правовых норм, которые исключали бы возможность столь большой разницы между минимальным и максимальным значением одного вида наказания, предусмотренного за преступление⁹. Вместе с тем полагаем, что в сложившихся условиях этого недостаточно для преодоления судейского усмотрения. Необходимо, на наш взгляд, изменять правила назначения наказания, ограничить возможность применения условного осуждения, четко установить основания назначения наказания более мягкого наказания, чем предусмотрено законом.

¹ См.: Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. М., 2003. С. 22.

² См.: Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия: автореф. дис. ... д-ра юрид наук. М., 1985. С. 2.

³ Там же. С. 2.

⁴ См.: Лопашенко Н.А. Шкала уголовных наказаний как способ борьбы с коррупцией в сфере правосудия: материалы международной научно-практической конференции (7-8 октября 2004 г.). М., 2005. С. 51-60.

⁵ См.: Камчатский краевой суд [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://oblsud.kam.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=1054.

⁶ Архив Усть-Камчатского районного суда. Дело № 22-585/2014.

⁷ Архив Усть-Камчатского районного суда. Дело № 22-212/2014.

⁸ См.: Коган В.М. Указ. раб. С. 13.

⁹ См.: Лопашенко Н.А. Шкала уголовных наказаний как способ борьбы с коррупцией в сфере правосудия: материалы международной научно-практической конференции (7-8 октября 2004 г.). М., 2005. С. 51-60.

И.А. Попов*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ, АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ, СВЯЗАННЫХ С ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ ТРУДОМ ОСУЖДЕННЫХ

К числу основных наказаний, альтернативных реальному лишению свободы, сопряженных с обязательным трудом осужденного, относятся обязательные, исправительные и принудительные работы. Поскольку применение наказания в виде принудительных работ отложено до 1 января 2017 г.¹, то предметом нашего анализа станут недостатки в правовой регламентации порядка применения и условий исполнения обязательных и исправительных работ.

1. Первой проблемой, на наш взгляд, является ограничение применения сравнительно мягких наказаний, каковыми являются исправительные и обязательные работы, к отдельным категориям граждан.

В настоящее время, согласно ч. 4 ст. 49 и ч. 5 ст. 50 УК РФ, запрещается назначение обязательных и исправительных работ таким социальным группам, которые нуждаются в повышенной правовой защите либо в силу состояния здоровья (инвалиды первой группы), либо в связи с материнством (беременные женщины, женщины, имеющие детей в возрасте до трех лет), либо в связи с исполнением обязанности по защите государства (военнослужащие, проходящие военную службу по контракту на должностях рядового и сержантского состава, если они на момент вынесения судом приговора не отслужили установленного законом срока службы по призыву).

В юридической литературе данный запрет неоднократно подвергался критике². Мы также оцениваем его критически. В обоснование своей позиции приведем следующие аргументы.

В соответствии с п. 7 Правил признания лица инвалидом «в зависимости от степени ограничения жизнедеятельности, обусловленного стойким расстройством функций организма, возникшего в результате заболеваний, последствий травм или дефектов, гражданину, признанному инвалидом, устанавливается I, II или III группа инвалидности, а гражданину в возрасте до 18 лет — категория «ребенок-инвалид»»³.

Не вызывает сомнения неспособность инвалидов первой группы выполнять какие-либо работы. Однако инвалиды второй группы могут быть как трудоспособны, хотя и ограниченно, так и нетрудоспособны. Назначение обязательных или исправительных работ нетрудоспособному инвалиду второй группы несправедливо, хотя и формально законно.

* Попов Игорь Анатольевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГАОУ ВПО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта».

В соответствии с п.п. «г» и «в» ч. 1 ст. 88 УК РФ исправительные и обязательные работы могут быть назначены несовершеннолетним. Несовершеннолетним, при наличии медицинских оснований, может быть установлена только категория — «ребенок-инвалид» без разделения ее на группы. Следовательно, при назначении указанных наказаний нетрудоспособному ребенку-инвалиду буква уголовного закона также не будет нарушена, хотя такое решение и не будет соответствовать принципу справедливости.

Выход из указанного положения видится в изложении ч. 4 ст. 49 и ч. 5 ст. 50 УК РФ в следующей редакции: «обязательные (исправительные) работы не назначаются лицам, признанным инвалидами и являющимся нетрудоспособными в соответствии с действующим законодательством РФ».

По нашему мнению, обязательные и исправительные работы можно было бы назначать беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет. Избежать реального применения этих наказаний могло бы применение отсрочки отбывания наказания на основании ст. 82 УК РФ.

Обратим внимание на законодательный парадокс: исправительные или обязательные работы могут быть назначены женщине, имеющей ребенка в возрасте от трех до четырнадцати лет, а также мужчине — единственному родителю ребенка от новорожденного до четырнадцатилетнего возраста. При этом им может быть предоставлена отсрочка отбывания этого наказания до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста.

Приведем еще один довод в защиту нашей позиции. В соответствии с ч. 3.1 ст. 26 и ч. 5 ст. 42 УИК РФ в случае наступления беременности осужденная вправе обратиться в суд с ходатайством об отсрочке ей отбывания наказания со дня предоставления отпуска по беременности и родам. Нетрудно спрогнозировать, что по такому ходатайству судом будет принято положительное решение.

Указанная новелла положительно оценивается отечественными пениitenciаристами. В частности, П.Е. Конегер и М.С. Рыбак пишут: «Таким образом, законодатель, проявляя принцип гуманизма, в очередной раз предоставил возможность осужденным лично участвовать в процессе отбывания ими уголовных наказаний»⁴.

Мы присоединяемся к мнению вышеуказанных авторов, однако нам непонятно, почему законодатель лишил суд возможности назначить беременной подсудимой обязательные или исправительные работы и одновременно предоставить ей отсрочку исполнения наказания на основании ст. 82 УК РФ? Чем беременная подсудимая отличается от беременной осужденной — не в формально-юридическом аспекте наличия/отсутствия вступившего в законную силу приговора суда, а по своим уголовно-правовым, социально-демографическим и нравственно-психологическим признакам? Нетрудно представить ситуацию, когда указанные криминологические параметры у двух беременных женщин — подсудимой и осужденной — будут

схожи, однако в отношении них будут разные по своим последствиям судебные решения.

Конечно, преступная активность представителей этих групп населения невелика, однако возникает вопрос: какое основное наказание может быть назначено им в случае совершения преступления? К их числу относятся штраф, ограничение свободы и лишение свободы.

Минимальный размер штрафа, согласно ч. 1 ст. 46 УК РФ, составляет 5 тысяч рублей. Принимая во внимание, что жизненный уровень большинства инвалидов, беременных женщин и матерей с малолетними детьми низок, даже минимальный штраф может стать для них чрезмерно суровым наказанием.

Ограничение свободы в соответствии со ст. 44 УК РФ является более суровым наказанием, чем обязательные и исправительные работы. Можно представить такие ситуации, когда карательный потенциал этой уголовно-правовой меры воздействия, не говоря уже о лишении свободы, будет избыточен, но у суда не останется никакой реальной альтернативы по избранию меры наказания, адекватной тяжести содеянного и личности подсудимой.

Действующее уголовное законодательство запрещает назначать обязательные и исправительные работы военнослужащим, проходящим службу по призыву, а также по контракту на должностях рядового и сержантского состава, если они на момент вынесения судом приговора не отслужили установленного законом срока службы по призыву.

В настоящее время в соответствии с п. «д» ч. 1 ст. 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» срок военной службы по призыву составляет двенадцать месяцев⁵. Таким образом, законодатель препятствует назначению обязательных и исправительных работ курсантам военных вузов первого года обучения, а также женщинам, поступившим на военную службу по контракту, ведь на них не возлагается обязанность нести военную службу по призыву.

Согласно ч. 6 ст. 53 УК РФ, военнослужащим не может быть назначено ограничение свободы. Следовательно, законодатель вынуждает суд применять к указанной категории подсудимых либо штраф, либо такие виды наказаний, которые сопряжены с изоляцией от общества.

Между тем ч. 1 ст. 51 УК РФ допускает назначение ограничения по военной службе за совершение общеуголовных преступлений вместо исправительных работ, если таковые предусмотрены санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ. Мы полагаем, что нужно разрешить заменять ограничением по военной службе также и обязательные работы. При этом следует снять ограничения на применение исправительных и обязательных работ к военнослужащим по призыву и по контракту, существующие в настоящее время.

2. Привлечение к организации исполнения наказания таких органов, в компетенцию которых не входит исполнение приговора.

В соответствии с действующим УИК РФ органы местного самоуправления наделены правом определять вид обязательных и исправительных работ, назначаемых осужденным, не имеющим основной работы и объекты (места) их отбывания (ч. 1 ст. 49, ч. 1 ст. 50 УК РФ, ч. 1 ст. 25, ч. 1 ст. 39 УИК РФ).

Данное положение было обоснованным в то время, когда потенциальные места отбывания исправительных и обязательных работ — предприятия ЖКХ по озеленению населенных пунктов и их уборке от мусора — находились в муниципальной собственности. В настоящее время в связи с массовой приватизацией муниципальных предприятий оно утратило смысл. Обязательные и исправительные работы теперь могут отбываться на предприятиях любой формы собственности, занимающихся не только уборкой территории, но и различными иными видами деятельности.

Согласие предоставить работу осужденным или отказ от сотрудничества с уголовно-исполнительной инспекцией относится к исключительной компетенции собственника и органа управления таких предприятий. Органы местного самоуправления не могут в рамках действующего законодательства повлиять на волеизъявление собственника.

В то же время они могут заблокировать включение в Перечень объектов, на которых осужденные отбывают наказание, конкретного предприятия, с руководством которого у уголовно-исполнительной инспекции достигнута договоренность о принятии осужденного на исправительные работы. Проведенное нами интервьюирование начальников межрайонных уголовно-исполнительных инспекций показало, что такие факты имеют место, хотя и не часто. Мотивом такого поведения глав местных администраций является стремление благоустроить населенные пункты за счет бесплатного (при выполнении обязательных работ) или низкооплачиваемого (исправительные работы) труда осужденных.

Однако данное устремление может войти в противоречие как с интересами самого осужденного к исправительным работам, которому уголовно-исполнительная инспекция подобрала место работы с более высокой зарплатой, так и с фискальными интересами (удержания в бюджет из заработной платы осужденных к исправительным работам). Конечно, человека можно из-под палки заставить какое-то время отработать на низкооплачиваемой нелюбимой им работе. Вот только при этом не удастся сформировать у него уважительное отношение к труду, убежденность в необходимости соблюдения законодательства, а, следовательно, и достичь цели его исправления.

Кроме этого, в соответствии с п. «о» ст. 71 Конституции РФ уголовное и уголовно-исполнительное законодательство отнесены к ведению Российской Федерации.

В связи с изложенным представляется целесообразным ч. 1 ст. 49, ч. 1 ст. 50 УК РФ и ч. 1 ст. 25, ч. 1 ст. 39 УИК РФ изложить в следующей редакции: «вид работ и объекты, на которых они отбываются, определяются

уголовно-исполнительной инспекцией по согласованию с собственником предприятия (учреждения, организации)».

3. В соответствии с ч. 2 ст. 27 УИК РФ время обязательных работ в рабочие дни не может превышать двух часов после окончания работы, службы или учебы. Если осужденный работает или учится во вторую (вечернюю) смену, то, следуя буквальному толкованию вышеуказанной нормы права, трудиться на обязательных работах он должен в ночное время. Очевидно, что организовать исполнение данного наказания в таком случае будет практически невозможно, ведь подавляющее большинство предприятий и организаций работает в дневное время.

Положения ч. 2 ст. 27 УИК РФ входят в противоречие с положениями ч. 1 ст. 49 УК РФ, согласно которой обязательные работы заключаются в выполнении в свободное от основной работы или учебы время бесплатных общественно полезных работ. Свободным у осужденного может быть время как до начала, так и после окончания основной работы или учебы. На данное обстоятельство уже указывалось в уголовно-правовой литературе⁶.

Поэтому считаем, что уголовно-исполнительное законодательство нужно привести в соответствие с УК РФ, указав, что обязательные работы могут отбываться как до начала, так и после окончания основной работы или учебы, с учетом графика сменности осужденного.

Полагаем, что реализация наших предложений позволит улучшить правовую регламентацию порядка исполнения обязательных и исправительных работ, а также расширит возможности по реальному применению наказаний, альтернативных лишению свободы.

¹ См.: Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 28 декабря 2013 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 190.

³ Постановление Правительства РФ от 20 февраля 2006 г. № 95 «О порядке и условиях признания лица инвалидом» (в ред. от 4 сентября 2012 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Конегер П.Е., Рыбак М.С. Уголовно-исполнительное право: курс лекций. Саратов, 2007. С. 217.

⁵ См.: Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (в ред. от 25 ноября 2013 г.) «О воинской обязанности и военной службе». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ См.: Энциклопедия уголовного права. Т. 8: Уголовная ответственность и наказание. СПб., 2007. С. 341.

И.Д. Рыжкова*

НЕЗАКОННЫЙ ДЕТСКИЙ ТРУД: К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РАБОТОДАТЕЛЕЙ

Многие страны сегодня используют детский труд. Достаточно обратиться к примеру таких стран, как Индия, чтобы понять всю опасность существующего положения. Миллионы детей вовлечены в сферу труда, низкооплачиваемую, зачастую опасную. Родители сами посылают своих детей на заработки, чтобы увеличить доход семьи.

В 1999 г. на 87-ой сессии Генеральной конференции МОТ была принята Конвенция № 182 «О запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда», ратифицированная Российской Федерацией Федеральным законом от 8 февраля 2003 г. № 23-ФЗ. «Наихудшие формы детского труда» включают, в частности, работу, которая по своему характеру или условиям, в которых она выполняется, может нанести вред здоровью, безопасности и нравственности детей.

Мы привыкли считать, что детского труда, особенно в наихудших его формах, в нашем государстве нет. В последнее время, однако, незаконное привлечение детей к труду становится заметным. Серьезный по своим последствиям несчастный случай с малолетним П. произошел в Воловском районе Липецкой области. 18 июля 2012 г. малолетний П., 21 апреля 2000 г. рождения, был незаконно привлечен к труду в сельскохозяйственный кооператив «Заветы Ильича». В акте о несчастном случае на производстве его статус обозначен как работник по найму. Профессия (должность) — разнорабочий. Согласно ст. 63 Трудового кодекса РФ, в трудовых отношениях он состоять не может, поскольку заключение трудового договора допускается с лицами, достигшими возраста шестнадцати лет.

Лица, получившие общее образование или получающие общее образование и достигшие возраста пятнадцати лет, могут заключать трудовой договор для выполнения легкого труда, не причиняющего вреда их здоровью. С согласия одного из родителей (попечителя) и органа опеки и попечительства трудовой договор может быть заключен с лицом, получающим общее образование и достигшим возраста четырнадцати лет, для выполнения в свободное от получения образования время легкого труда, не причиняющего вреда его здоровью и без ущерба для освоения образовательной программы.

В нашем случае привлеченному к незаконному труду мальчику было всего двенадцать лет.

Здесь также возникает вопрос о действительном наличии трудовых отношений. В сельскохозяйственном кооперативе ребенок проработал три дня, которые и составили его стаж работы до несчастного случая. Никако-

* Рыжкова Ирина Дмитриевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Липецкого филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

го инструктажа (ни первичного, ни целевого) с П. проведено не было. Ни стажировка, ни обучение по охране труда по виду работы, при выполнении которой произошел несчастный случай, также не имели места.

18 июля 2012 г. П. находился в здании-модуле, приспособленном для хранения зерна. Модуль изготовлен из несущих металлических дугообразных ферм и ограждающих элементов в виде металлических листов. Размер модуля 14х60 кв. м. Въезд и выезд осуществлялся через двое ворот. Внутри модуля, в центре, находился скребковый погрузчик-зернометатель ПЗС-150 «Вулкан-1». По всей длине модуля по центру было насыпано зерно. Из акта о несчастном случае на производстве известно, что около входа на внутренней стороне модуля расположен главный электрический рубильник, на этой же стороне по центру расположен второстепенный рубильник, к которому был подключен зернометатель. По заключению государственного инспектора труда, условия труда сопряжены с опасным производственным фактором: с машинами и механизмами, находящимися в движении.

Несчастный случай произошел при следующих обстоятельствах. 18 июля 2012 г. П. с другими несовершеннолетними Л. и И. пришел на производственную территорию, принадлежащую СХПК «Заветы Ильича», где с 15 июля 2012 г. они по устной договоренности с заведующим центральным складом Л. осуществляли различные виды работ. Завскладом Л. фиксировал дату, фамилии и имена несовершеннолетних, а также вид и объем выполненных работ в своей рабочей тетради.

В начале рабочего дня несовершеннолетние П., Л., И. по распоряжению завскладом Л. занимались уборкой территории и производственного модуля. Во второй половине дня эти же несовершеннолетние, согласно полученному указанию, занимались подработкой зерна на току в помещении производственного модуля, где осуществлялась переброска (просушка) зерна.

Стоит ли говорить о том, что работа на подработке зерна не является безопасной? Согласно Типовой отраслевой инструкции № 23 по охране труда при подработке зерна на токах вручную¹, подработка зерна представляет собой подгребание зерна к загрузочным транспортерам машин, перелопачивание буртов зерна, затаривание зерна, погрузка в транспортные средства и т.д. В соответствии с Инструкцией лица, поступающие на подобные работы, в обязательном порядке проходят медицинский осмотр. К самостоятельной работе допускаются только лица, прошедшие инструктажи (вводный и первичный на рабочем месте), ознакомившиеся с особенностями и приемами безопасного выполнения работы и прошедшие стажировку в течение 2–14 смен под руководством бригадира или опытного наставника. При этом разрешение на самостоятельное выполнение работ (после проверки полученных знаний и навыков) дает руководитель работ. Прохождение инструктажей и допуск к самостоятельной работе фиксируются в журнале регистрации проведения инструктажей на рабочем месте

с указанием даты, темы, номера инструкции или ее наименования и сопровождаются подписями инструктируемого и инструктирующего. В нашем случае ничего подобного сделано не было.

Отдельно п. 1.15 Инструкции поименованы опасные состояния:
движущийся по территории зернотока транспорт;
движущиеся загрузочные транспортеры машин;
нарушения изоляции кабелей электрифицированных машин;
скопление углекислого газа в приемках норий;
недостаточная освещенность рабочей зоны.

П. 1.16 называет опасные действия работников. К таковым относятся:
работа вблизи движущихся загрузочных транспортеров;
нахождение в бункере-накопителе, завальной яме, приемном бункере без разрешения руководителя работ;
работа в одежде со свободно развевающимися концами;
отдых и курение в неустановленных местах.

Тем не менее, ничего из перечисленного нанимателем несовершеннолетних учтено не было. Трое несовершеннолетних, не имеющих статуса официальных работников, не относящихся к лицам, с которыми вообще возможно заключение трудового договора, не прошедших инструктажа, по устному указанию взрослого занимались подработкой зерна. Работой зернометателя управлял машинист зерноочистительной машины З. Несовершеннолетний П. стоял слева от погрузчика, несовершеннолетние Л. и И. — справа по ходу движения зернометателя. Во время подработки зерна зернометатель перестал работать и отключился. Оказалось, что триммер забит зерном. Несовершеннолетний П. решил помочь очистить триммер от зерна. При этом он в присутствии взрослых работников (с которыми трудовой договор был заключен официально) зашел с правой стороны зернометателя, поднялся на колесо и левой рукой, предварительно сняв рукавицу, начал очищать барабаны триммера. В это же время работником З. был включен рубильник. Левая рука несовершеннолетнего П., находившаяся в приемной воронке триммера, была захвачена натяжным барабаном и катушкой.

Несовершеннолетний П., в нарушение ст. 63 Трудового кодекса РФ, фактически был допущен к работе с ведома представителя работодателя к участию в производственной деятельности, без письменного согласия родителей. При этом представитель работодателя, привлекая к труду несовершеннолетних, не уведомил председателя сельскохозяйственного кооператива, приняв решение самостоятельно.

В результате нарушения правил охраны труда несовершеннолетнему П. был причинен тяжкий вред здоровью. Врачи были вынуждены ампутировать раздробленную руку. Несовершеннолетним П. был также получен травматический шок второй степени.

Государственной инспекции труда по Липецкой области стоило огромных усилий добиться признания возникших отношений трудовыми с целью обеспечения несовершеннолетнего П. выплатами по социальному страхо-

ванию. Наниматель (в данном случае СХПК никак не вписывается в понятие работодателя) ответственности попытался избежать: с точки зрения закона, двенадцатилетние подростки — не работники.

Ч. 1 ст. 143 «Нарушение требований охраны труда» УК РФ устанавливает: «Нарушение требований охраны труда, совершенное лицом, на которое возложены обязанности по их соблюдению, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, — наказывается...».

Удивительно, но даже при такой, казалось бы, всеобъемлющей диспозиции (благодаря слову «человека», а не «работника») привлечь лиц к уголовной ответственности не удалось. Каждый из официальных и совершеннолетних работников был непосредственно занят осуществлением своей трудовой функции. Никаких поручений о производстве инструктажа несовершеннолетним, оказавшимся на территории СХПК, также не поступало. Серьезное сопротивление ГТИ последовало и от руководства сельскохозяйственного кооператива, которое наотрез отказалось признавать факт трудовых отношений с несовершеннолетним П. На работу его никто официально не принимал. Тем более что и закон оказался на стороне так называемого работодателя. Трудовых отношений подобного рода в этом возрасте просто не может быть. Отметим, что со стороны самого несовершеннолетнего П. имела место грубая неосторожность, позволяющая формально переложить значительную степень вины на него самого. Только вот с правилами техники безопасности никто не знакомил.

С другой стороны, а что, если бы ознакомили? Разве способен двенадцатилетний мальчик осознать всю серьезность и важность соответствующей инструкции? Способен ли он понять производственный процесс, не имея начального профессионального образования?

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 1 от 23 апреля 1991 г. № 1 «О судебной практике по делам о нарушениях правил охраны труда и безопасности при ведении горных, строительных и иных работ» отметил, что в связи с исследованием причинной связи между названными нарушениями и наступившими вредными последствиями суду следует выяснять также роль потерпевшего в происшествии. Если при этом будет установлено, что несчастный случай на производстве произошел вследствие небрежности потерпевшего, суд должен, при наличии к тому оснований, решить вопрос о вынесении оправдательного приговора в отношении подсудимого, а в случае признания его виновным — учитывать при назначении наказания факт небрежности, допущенной самим потерпевшим.

Также Пленум разъяснил, что ответственность по ст. 143 УК РФ могут нести лица, на которых в силу их служебного положения или по специальному распоряжению непосредственно возложена обязанность обеспечивать соблюдение правил и норм охраны труда на определенном участке работ, а также руководители предприятий и организаций, их заместители, главные инженеры, главные специалисты предприятий, если они не при-

няли мер к устранению заведомо известного им нарушения правил охраны труда либо дали указания, противоречащие этим правилам, или, взяв на себя непосредственное руководство отдельными видами работ, не обеспечили соблюдение тех же правил.

В нашем примере нет ни соответствующего служебного положения (основной фигурант — заведующий складом), ни специального распоряжения, ни заведомости руководства. Итог — признание трудовых отношений судом (осмелимся сказать, вопреки Трудовому кодексу РФ), установление выплат по социальному обеспечению. Уголовного наказания никто не заслужил.

Пытаясь разрешить проблему, мы вновь возвращаемся к вопросу незаконного привлечения к труду. Приняв общую норму, мы могли бы действительно защитить права и интересы тех, кто в этом нуждается особенно остро, что в полной мере отвечало бы ст. 2 УК РФ. Необходима комплексная разработка института ответственности за незаконное привлечение к труду. Только в таком случае мы сможем говорить об уголовно-правовой защите лиц, не достигших возраста, с которого имеется возможность заключения трудового договора; лиц, с которыми договор заключен, но обманутых работодателем в силу умышленного нарушения им условий договора; лиц, которые полагают, что работают по трудовому договору, однако скрыты работодателем как работники.

¹ См.: Сборник типовых отраслевых инструкций по охране труда при производстве продукции растениеводства. ГОИР-97300-001-95 (утв. приказом Минсельхозпрода Рос. Федерации от 23 ноября 1994 г. № 289) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

З.И. Сагитдинова*

О САРАТОВСКОЙ ЛЕТНЕЙ ШКОЛЕ МОЛОДЫХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ДИСЦИПЛИН КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА

Школа... У каждого с этим словом связаны разные ассоциации: первая школа, высшая школа, научная школа, школа жизни. Для меня же это слово в последние несколько лет ассоциируется с Саратовской Летней школой для молодых ученых криминального цикла (далее — СЛШ).

Школа для молодых ученых, то есть лиц, прошедших, как минимум, высшую школу — довольно новое явление в российской образовательной среде. И одной из первых подобных школ стала СЛШ. Ее инициатором, организатором и руководителем была, есть и будет доктор юридических наук, профессор, профессор Саратовской государственной юридической

* Сагитдинова Зульфия Индусовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Башкирского государственного университета.

академии, директор Саратовского Центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции Наталья Александровна Лопашенко. Первая сессия школы состоялась в 2003 году. И сразу же школа стала событием в уголовно-правовой и криминологической науке не только России, но и зарубежных стран.

Школа для меня представляет собой уникальный «микс» на компонентах которого остановлюсь подробнее».

Научно-образовательный. Как и любая школа, СЛШ в первую очередь направлена на обучение и повышение знаний участников мероприятия. Как пишут сами организаторы: «Целью проведения Саратовской Летней Школы является совершенствование навыков научного мышления молодых ученых путем ознакомления их с последними достижениями российской и зарубежной уголовно-правовой, уголовно-исполнительной, криминологической, криминалистической, уголовно-процессуальной доктрины в рамках концептуального направления деятельности Центра; обмена их исследовательским и педагогическим опытом; установления деловых контактов между ними». Скажу честно, достигается эта цель на все 200%. При этом, в отличие от иных школ для молодых ученых, организаторы СЛШ разработали очень эффективные методики достижения указанной цели.

Во-первых, тематика школьных сессий всегда актуальна и представляет собой целый пласт уголовно-правовых, криминологических и смежных проблем: начиная от теоретических вопросов уголовно-правовой науки, заканчивая насущными проблемами правоприменительной практики.

Во-вторых, состав экспертов, приглашаемых на сессии школы, весьма представительен. За одиннадцать сессий на СЛШ побывали практически все известные в уголовно-правовой и не только науке ученые. При этом на каждую школу организаторы старались приглашать и практикующих работников, обеспечивая тем самым единство науки и практики. О представительном составе экспертов свидетельствует география: 6 стран мира: США, Италия, Болгария, Грузия, Украина, Россия; 16 городов России от Санкт-Петербурга до Владивостока.

Жесткий регламент выступления эксперта — 40 минут и ни минутой больше — позволял эксперту концентрированно изложить свои тезисы, а слушателям — максимально «впитать»: ведь известно, что длинные монологи очень тяжело воспринимаются. После каждого выступления эксперта в программе на вопросы слушателей обязательно выделялось 10–15 минут, которых, естественно, не хватало. Но Наталья Александровна всегда четко требовала соблюдения регламента, поэтому незадаанные вопросы можно было задать эксперту уже после выступления в кулуарах.

В-третьих, одной из самых ярких «фишек» саратовской школы были и остаются интерактивные формы занятий. Н.А. Лопашенко с первой же сессии школы начала практиковать интерактивное обучение и сама разработала целый ряд интерактивов, который постоянно обновляется. Правила интерактивов раздаются всем слушателям, их нужно изучить и нельзя

нарушать. Самое главное, что нельзя делать — отказываться от участия в интерактивах. Если ты назвался слушателем, то будь добр, участвуй (активно участвуй!) в интерактиве.

Хотелось бы остановиться на некоторых из них.

1. Деловая игра. Самый традиционный для СЛШ интерактив. Каждый рабочий день заканчивается деловой игрой. Все слушатели делятся на группы, из их числа назначается куратор группы. Каждая группа получает задание, на выполнение которого отводится от 40 минут до часа. В течение этого времени группа должна не только выполнить задание, но продумать концепцию презентации своего ответа на задание. Тут очень важно творческое начало: презентация не может быть просто докладом, она должна быть наглядной, интересной, оригинальной. Соревновательный характер деловой игры — дополнительный стимул для групп в выработке концепции защиты их работы. В последние сессии задания каждой деловой игры становились частью общего задания на всю школу. Таким образом, в конце сессии результатом всех деловых игр становился либо проект федерального закона о внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ и иные законодательные акты, либо проект экспертного заключения на законопроекты о внесении изменений и дополнений, которые находились в Государственной Думе РФ на рассмотрении. При этом данные документы благодаря Наталье Александровне и некоторым экспертам не оставались в пределах школы, а становились достоянием общественности. Так, мнение слушателей школы — молодых ученых о новой волне гуманизации уголовного законодательства было опубликовано в Российской газете и в блоге Президента РФ.

2. «Идея дня». Самый «страшный» для слушателей интерактив. В отличие от других интерактивов, его включают в программу максимум два раза, но его боятся все: и старички, и новички. По правилам, автор идеи дня узнает об этом за минуту до начала интерактива. И за эту минуту он должен придумать и сформулировать проблему уголовно-правового или смежного характера. Таким образом, на подготовку времени совсем нет, а от того, какую проблему заявит автор идеи, зависит весь интерактив. Поэтому этот интерактив и держит всех в страхе. В не менее «экстремальных» условиях находятся и другие участники игры: оппоненты и защитник. Они должны найти доводы как «за», так и «против» высказанной идеи. Тем не менее, «шоковый» характер игры учит максимально быстро концентрироваться, мобилизовывать все свои знания, кратко и четко излагать мысли.

3. Игровая защита диссертации. Самый ответственный интерактив. При этом неважно, в роли кого ты участвуешь: диссертанта, оппонента, председателя совета. В первый день сессии слушатели узнают, кто активно участвует в игровой защите, и начинают готовиться: диссертант отрабатывает защитительную речь, оппоненты готовят отзывы, ведущая организация — заключение. И в назначенный день «Х» школа превращается в диссертационный совет, где неактивные слушатели становятся членами

совета. По результатам защиты все члены «диссертационного совета» тайным голосованием принимают решение о том, заслуживает ли диссертант присуждения ученой степени кандидата юридических наук. На моей памяти все диссертанты были признаны заслуживающими такой чести, но при этом были голоса и «против», что свидетельствует об объективности игры. И действительно, все «игровые» диссертанты впоследствии по-настоящему защитили свои диссертации и стали кандидатами наук, благодаря, в том числе, и данному интерактиву.

Выше описаны только три интерактива, в СЛШ же их намного больше. И каждый из них полезен для всех участников школы. На мой взгляд, интерактивная часть школы — одна из самых сильных сторон СЛШ, прежде всего потому, что заставляет работать всех и каждого. При этом работать не столько индивидуально, сколько в коллективе, а, как известно, мозговой штурм — весьма эффективный инструмент при разработке новых идей. Поэтому интерактив становится тем катализатором, который обогащает знания как слушателей, так и экспертов.

Коммуникативный. Каждая сессия СЛШ проходит в течение 8 дней, из них 6 дней — рабочих, 2 — дни заезда и отъезда. И все восемь дней слушатели общаются друг с другом, с экспертами, организаторами. Такая возможность пообщаться с коллегами в рабочей и не очень обстановке выпадает очень редко, а в течение нескольких дней — практически никогда, кроме как на школе. Для этого общения организаторы делают все возможное и даже невозможное, а именно:

1) все слушатели-гости Саратова проживают в одном месте. Раньше этим местом были гостиницы «Волна» и «Арена», в последнее время им стал санаторий-профилакторий «Нефтяник». Когда проводишь почти 24 часа в сутки вместе, каждый слушатель становится родным и близким человеком, с которым ты можешь не только обсудить научные проблемы, но и поговорить на совсем отвлеченные темы. И самое главное — тебе интересно со всеми и с каждым в отдельности;

2) помимо общего места жительства организаторы стараются обеспечить как можно больше точек соприкосновения, единения участников школы. От профилактория «Нефтяник» всех проживающих там слушателей забирает автобус и везет на учебу. В день заезда обязательно организуется экскурсия по Саратову, в которой участвуют не только слушатели, но и эксперты. Кофе-брейки в столовой и в Центре позволяют продолжить дискуссию на затронутые темы;

3) чтобы стать ближе, надо знать друг о друге больше. Исходя из этого принципа, в программе СЛШ предусмотрено представление экспертов, организаторов и слушателей. Во время представления эксперта ведущий (им всегда выступает Наталья Александровна, за исключением случая, когда представляют ее) презентует краткую информацию об эксперте и задает десять вопросов, на отдельные из которых, в случае личного неудобства, эксперт может не отвечать. После этого эксперту могут задать

вопросы слушатели школы с условием, что нельзя спрашивать по теме выступления эксперта;

4) самое главное неформальное, объединяющее всех и вся, мероприятие школы — это, конечно же, теплоходная прогулка по Волге. Красота и мощь Волги, дружеская обстановка, песни под гитару, великолепные тосты, танцы на теплоходе, купание в Волге и еще много-много приятных незабываемых ассоциаций, связанных с этой школьной традицией.

Организаторский. Все вышеописанное было бы невысказано и невозможно без организаторского гения Наталья Александровны и ее команды. Начну с того, что организаторов такого масштабного мероприятия очень мало: Наталья Александровна, сотрудники Центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции (или как мы называем их любя — центровские): Арина, Катя, Руслан, Казбек, Миша, и несколько волонтеров. Но, может, в этом и есть секрет успеха и идеальной организации школы. Все продумано до мелочей. Команда начинает работать над следующей сессией школы буквально сразу же после окончания предыдущей. Разработка концепции школы, написание заявки на грант, финансовые вопросы, согласование с экспертами, отбор слушателей... Это только то, о чем мы догадываемся. А сколько того, чего мы не знаем...

На СЛШ цепляют даже мелочи: цветная программка, папки с именами слушателей, список адресов всех слушателей. А сколько фишек придумано Натальей Александровной и ее командой. Так, после первых сессий возникла идея создать Совет старейшин, который отвечает за организацию досуга, прием новичков, сохранение традиций школы, сплочение рядом школьников. И быть членом Совета старейшин — большая честь. Фотографирование и анкетирование, обязательные атрибуты СЛШ, больше не встретишь ни на каком мероприятии. Согревают теплом в течение года до школы милые сувениры: кружки с фотографией со школы, значки с прикольными надписями...

Обо всем этом и не только (далеко не только) думают организаторы во главе с Натальей Александровной. Каждый раз я поражаюсь их таланту организации: все настолько слаженно и продуманно, что кажется, что все это легко дается. А ведь за этой слаженностью стоит колоссальная работа.

Для каждого слушателя, организатора, эксперта Саратовская летняя школа значит что-то свое. Я уже не представляю, как может быть июнь без Саратовской летней школы. Именно на школе я получаю гигантский заряд для научного творчества, саморазвития, желания что-то сделать интересное для своих студентов. Но самое важное — я получаю незабываемые, непередаваемые эмоции от общения с коллегами и друзьями. Мне посчастливилось стать частью мира Саратовской летней школы. Надеюсь, что и вам также повезет.

А.Н. Сайгашкин*

УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЁННОГО РЕБЁНКА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕШЕНИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Одним из привилегированных видов убийств по действующему Уголовному кодексу РФ является убийство матерью новорождённого ребёнка (ст. 106).

В УК РСФСР 1960 г. подобная разновидность детоубийства в качестве самостоятельного состава преступления не выделялась. Исходя из совокупности обстоятельств, содеянное надлежало квалифицировать как простое умышленное убийство по ст. 103 (без отягчающих и смягчающих обстоятельств) либо, при наличии отягчающих обстоятельств, как квалифицированное убийство (ст. 102).

Причинами, по которым законодатель счёл необходимым сформулировать в УК РФ 1996 г. убийство матерью собственного новорожденного ребенка как самостоятельный состав преступления, послужили определённая распространённость такого рода общественно опасного поведения, данные медицины и гуманистический вектор устремлений правотворца. В период беременности и родов женщина подвержена значительным физиологическим и психологическим нагрузкам, что толкает её порой на весьма импульсивные и выходящие за рамки здравого смысла поступки. Находясь в состоянии выраженной физической и эмоциональной напряженности, женщина во многом руководствуется аффективной мотивацией. Данное обстоятельство существенно снижает возможность адекватно оценивать реальность и свои действия, сковывает способность контролировать поступки и прогнозировать их возможные последствия.

Увеличение числа совершаемых убийств такого рода, как показывают результаты исследования правоприменительной практики¹, чаще всего приходится на времена социальных потрясений, сопровождающихся тяжёлой социально-экономической ситуацией, когда у значительной части населения существенно падает жизненный уровень. Рост национального благосостояния, выделение значительных ассигнований на социальную сферу (в т.ч. поддержка материнства и детства) даёт обратный эффект.

Необходимо отметить, что квалификация деяния, предусмотренного ст. 106 УК РФ, как в теории, так и на практике порождает немало острых вопросов. Вместе с тем при всей тяжести деяния недопустимо толкование уголовного закона в ущерб виновному. Нам бы хотелось представить собственное видение некоторых спорных моментов и предложить возможные способы их разрешения.

Так, противоречит здравому смыслу и общим положениям уголовного закона утверждение о том, что если роженица, убившая новорождённого

* Сайгашкин Андрей Николаевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

ребёнка, достигла 14, но не достигла 16 лет, то содеянное надлежит квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии). Получается, что лица от 16 лет и старше находятся в более выгодном положении, чем несовершеннолетние в возрасте от 14 до 16 лет. Данные выводы совершенно расходятся с логикой законодателя. Лицо, совершившее деяние, предусмотренное ст. 106 УК РФ, и не достигшее при этом 16-летнего возраста, вообще не подлежит уголовной ответственности, так же как и лицо, совершившее убийство, предусмотренное ч. 1 или ч. 2 ст. 105 УК РФ, но не достигшее 14-летнего возраста.

Возникают вопросы относительно уголовно-правовой оценки случаев, когда женщина, находящаяся в состоянии беременности, уже имела намерение лишить жизни новорожденного и затем реализовала свой замысел. По мнению отдельных исследователей, если это произошло во время или сразу после родов, содеянное полностью укладывается в предусмотренные законом рамки и квалифицируется по ст. 106 УК РФ, если же мать убила ребёнка позже обозначенного периода, при отсутствии условий психотравмирующей ситуации или состояния психического расстройства, не исключаяющего вменяемости, то нет. Однако при таком подходе получается, что женщина, имеющая конкретные и недвусмысленные намерения и чётко реализовавшая свой преступный замысел в момент родов или сразу же после них, должна будет отвечать по ст. 106 УК РФ. Та же, которая до конца колебалась, но убила ребенка не во время родов или сразу после них, а, к примеру, в месячный срок после его рождения, должна будет отвечать по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Полагаем, это неверно. Аргументом может послужить то, что в диспозиции ст. 106 УК РФ время возникновения умысла никак не конкретизируется. Учитывая, что убийство матерью новорождённого ребёнка является разновидностью убийства как такового, умысел как в первом, так и во втором случаях может быть как внезапно возникшим, так и заранее обдуманным.

Другим фактором, оказывающим существенное влияние на принимаемые правоприменителем решения, является то обстоятельство, что, в отличие от уголовных дел, возбуждённых по ст. 106 УК РФ (убийство матерью новорождённого ребёнка), которые в соответствии с ч. 2 ст. 31 УПК РФ подсудны районным судам, рассмотрение уголовных дел по ч. 2 ст. 105 УК РФ (квалифицированное убийство) в соответствии с ч. 3 ст. 31 УПК РФ находится в компетенции Верховного Суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда. Поэтому следователю гораздо проще квалифицировать содеянное по ст. 106 УК РФ, учитывая, что по своим объективным и субъективным обстоятельствам оно подпадает под признаки данного состава преступления, а лицо, совершившее деяние, является специальным субъектом. Показания, которые даёт подозреваемая или обвиняемая, можно скоррек-

тировать, особенно если речь идёт о явке с повинной или постановлении приговора в особом порядке без проведения судебного разбирательства (в соответствии со ст. 316 УПК РФ). Причём, если в случае совершения преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, особый порядок возможен, так как санкция не превышает 10 лет лишения свободы, то в случае квалификации деяния по ч. 2 ст. 105 УК РФ это исключено. Прилагать же усилия по доказыванию вины в совершении убийства лица, заведомо для виновного, находящегося в беспомощном состоянии (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ), то есть по делу, которое в дальнейшем имеет весьма туманные перспективы (учитывая, что все неустранимые сомнения, согласно ч. 3 ст. 49 Конституции РФ и ч. 3 ст. 14 УПК РФ, толкуются в пользу обвиняемого), вряд ли сочтут целесообразным.

Для того чтобы исключить возможность различных интерпретаций закона, необходимы конкретные шаги. Выходом из ситуации могли бы стать разъяснения на уровне высшей судебной инстанции. Другой способ — внесение изменений в действующее законодательство. По мнению ряда авторов², статью 106 УК РФ следует изложить в новой редакции, предусматривающей часть вторую, где будет содержаться ряд квалифицирующих признаков, например, убийство двух и более новорождённых или убийство новорождённого с особой жестокостью. Однако если с первым квалифицирующим обстоятельством ещё можно согласиться, то со вторым — нет. Достаточно распространёнными являются ситуации, при которых роженица избавляется от новорождённого сразу после родов посредством нанесения ему множественных колото-резаных ран³, бросая его в выгребные ямы⁴, оставляя на холоде⁵. Все эти способы, в принципе, подпадают под признаки особой жестокости, но ситуация убийства новорождённого тем и характерна, что роженица, желая поскорее избавиться от ребёнка, менее всего в этот момент думает о том, причиняет ли данный способ особые страдания потерпевшему, ее ребёнку. Поэтому проводить параллели с п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, по нашему мнению, вряд ли уместно.

В заключение необходимо отметить, что предложения, направленные на оптимизацию уголовно-правовой нормы об ответственности за убийство матерью новорождённого ребёнка (ст. 106 УК РФ), нуждаются в отдельном глубоком осмыслении.

¹ См.: Кургузкина Е.Б. Убийство матерью новорожденного: природа, причины, предупреждение. Воронеж, 1999. С. 22.

² См., например: Белоусов С.Н. Убийство матерью новорождённого ребёнка. Проблемы правоприменительной практики // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См., например: Приговор Алтайского районного суда Республики Хакасия № 1-66/2013 от 11 июля 2013 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Приговор Ленинского районного суда г. Иркутска № 1-269/2014 от 13 мая 2014 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Приговор Солнцевского районного суда г. Москвы № 1-270/2013 от 2 октября 2013 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Р.А. Севостьянов*

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 171.2 УК РФ

Статья 171.2 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за незаконные организацию и проведение азартных игр. Ее появление стало закономерной, хотя и запоздалой реакцией государства на стремительное распространение азартных игр. Кроме того, Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» давно нуждался в уголовно-правовой защите, поскольку сам по себе не был в состоянии обеспечить регулирование деятельности по организации и проведению азартных игр на территории России.

Законодатель разместил ст. 171.2 в главе 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности» наряду с такими составами, как воспрепятствование законной предпринимательской и иной деятельности (ст. 169), незаконное предпринимательство (ст. 171), производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт немаркированных товаров и продукции (ст. 171.1).

А.В. Силаев разделяет точку зрения законодателя о размещении статьи об ответственности за незаконные организацию и проведение азартных игр в главе 22 УК РФ, полагая, что данная деятельность опасна для общества и государства, а именно для их экономической сферы. Кроме того, данный автор рассматривает незаконные организацию и проведение азартных игр как разновидность незаконного предпринимательства¹.

Следуя логике законодателя, поставившего незаконные организацию и проведение азартных игр в один ряд с посягательствами на общественные отношения в сфере экономической деятельности, непосредственным объектом данного деяния являются общественные отношения в сфере экономической деятельности по организации и проведению азартных игр.

По мнению Н.А. Лопашенко, видовыми объектами преступлений в сфере экономической деятельности выступают общественные отношения, отвечающие принципам свободы экономической деятельности, осуществления деятельности на законных основаниях, добросовестной конкуренции и добропорядочности субъектов экономической деятельности². Как отмечает М.В. Талан, «видовым объектом преступлений в сфере экономической деятельности являются общественные отношения, обеспечивающие функционирование рыночной экономики, добросовестной конкуренции и свободного рынка, реализацию прав граждан на осуществление

* Севостьянов Роман Александрович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности»³.

Однако размещение рассматриваемой статьи в главе 22 УК РФ весьма дискуссионно, поскольку, на наш взгляд, общественная опасность азартных игр лежит главным образом в сфере общественной нравственности. Следовательно, если норма, закрепленная в ст. 171.2 УК РФ, призвана обеспечить уголовно-правовую охрану норм Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ, то объектом ее охраны должна стать общественная нравственность, поскольку, согласно ст. 1 данного закона, ограничения в сфере азартных игр устанавливаются именно в целях защиты нравственности.

Для того чтобы окончательно определить, в какой главе УК РФ должна находиться соответствующая уголовно-правовая норма, следует выявить основной непосредственный объект посягательства⁴.

Проанализировав приговоры судов по делам о незаконном предпринимательстве, приходим к выводу, что на практике как незаконное предпринимательство квалифицируется деятельность в сфере строительства⁵, погрузо-разгрузочных работ на транспорте⁶, продажи товаров народного потребления⁷ и т.п., связанные с извлечением прибыли.

Общественная опасность незаконного предпринимательства состоит в том, что данная деятельность выходит из сферы государственного регулирования и становится недостижимой для налогообложения, пенсионного регулирования и иных видов государственного контроля.

Безусловно, с учетом сегодняшних рыночных реалий нельзя исключать сферу азартных игр из экономической жизни страны. Однако ставить азартные игры в один ряд со строительством, отделочными работами или торговлей товарами народного потребления, на наш взгляд, не представляется возможным по следующим обстоятельствам.

Проведем аналогию с другими многообъектными составами преступлений. Например, при вымогательстве в качестве факультативного объекта могут выступать честь и достоинство личности⁸, однако это обстоятельство не является основанием для перевода данного состава преступления в главу 17 УК РФ «Преступления против свободы, чести и достоинства личности».

Еще по утверждению А. Лохвицкого, «распространение в народе азартных игр всегда вело к общей бедности и деморализации, увеличивало число преступлений»⁹. Увлечение азартными играми ведет к обесцениванию человеческого труда, стремление к легкой наживе приводит зачастую к полному нравственному падению личности. Нередки случаи, когда человек, увлекшись азартной игрой, становится пациентом психиатрических клиник. Игромания официально признана эмоциональным заболеванием, она рассматривается психиатрами как одна из форм психических зависимостей, сопровождающихся нарушениями волевой сферы¹⁰. Психотерапевтические методы ее лечения во многом совпадают с методами лечения

наркомании и алкоголизма. «Лечение игромании не ограничивается единичным воздействием, вроде кодирования. Очень часто требуется пребывание пациента в стационаре, длительная реабилитация, в ходе которой с больным работают психологи и аддиктологи», — утверждает руководитель наркологического реабилитационного центра «Начало» (г. Казань) А.А. Кубай¹¹.

Изложенные обстоятельства, на наш взгляд, позволяют сделать вывод о том, что бесконтрольное распространение азартных игр в первую очередь представляет опасность для общественной нравственности и здоровья населения. Следовательно, рассматриваемую норму следует перенести в главу 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности».

Вместе с тем осуществление азартных игр вопреки требованиям законодательства не может не влиять и на экономическую сферу. Казино, игорные дома, клубы игровых автоматов притягивают большое количество наличных денежных средств. Так, 13 августа 2014 г. ГУЭБиПК МВД России пресечена деятельность элитного казино, расположенного в двухэтажном нежилом доме в центре г. Москвы, ежемесячный доход от противоправной деятельности которого превышал 30 млн руб. в месяц¹².

В связи с этим полагаем справедливым признать общественные отношения в сфере экономической деятельности дополнительным объектом преступления, ныне предусмотренного ст. 171.2 УК РФ.

С.М. Кочои под дополнительным непосредственным объектом понимает «общественное отношение, посягательство на которое не составляет социальной сущности данного преступления, но которому всегда причиняется вред»¹³. Социальная же сущность незаконных азартных игр кроется, на наш взгляд, в нанесении ущерба общественной нравственности и здоровью населения. Экономическая деятельность при этом, безусловно, страдает, но при сопоставлении ценности соответствующих объектов уголовно-правовой охраны выбор складывается в пользу нравственности и здоровья.

Таким образом, в качестве основного непосредственного объекта незаконных организации и проведения азартных игр следует рассматривать общественные отношения, связанные с охраной нравственных норм и здоровья населения, а в качестве дополнительного — экономические общественные отношения, что, на наш взгляд, является основанием для перемещения нормы об ответственности за их совершение в главу 25 УК РФ.

¹ См.: Силаев А.В. Проблемы уголовной ответственности за незаконное предпринимательство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. С. 4.

² См.: Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания. Саратов, 1997. С. 20.

³ Талан М.В. Преступления в сфере экономической деятельности: вопросы теории, законодательного регулирования и судебной практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2002. С. 6.

⁴ См.: Винокуров В.Н. Объект преступления: история развития и проблемы понимания. Красноярск, 2009. С. 73.

⁵ См.: Приговор Козловского районного суда Чувашской республики от 4 августа 2014 г. по уголовному делу № 1-34/2014 по обвинению Н. в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ // Архив Козловского районного суда Чувашской республики за 2014 г.

⁶ См.: Приговор Карабудахкентского районного суда Республики Дагестан от 22 июля 2014 г. по уголовному делу № 1-39/2014 по обвинению Г. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 171 УК РФ // Архив Карабудахкентского районного суда Республики Дагестан за 2014 г.

⁷ См.: Приговор Бабушкинского районного суда г.Москвы от 12 июня 2014 г. по уголовному делу № 1-73/2014 по обвинению О. в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ // Архив Бабушкинского районного суда г. Москвы за 2014 г.

⁸ См.: Верина Г.В. Объект и предмет преступлений против собственности (история и современность): учебное пособие. Саратов, 2010. С. 57.

⁹ Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб., 1871. С. 455.

¹⁰ URL: www.spravzdrav.ru.

¹¹ URL: www.narkotester.ru.

¹² URL: www.mvd.ru.

¹³ Кочои С.М. Уголовное право. Общая и Особенная части: краткий курс. М., 2010. С. 26.

В.М. Степашин*

ИНСТИТУТ ЗАМЕНЫ НАКАЗАНИЯ БОЛЕЕ СТРОГИМ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ

Важнейшими этапами реализации уголовной ответственности выступают назначение и последующее исполнение определённого приговором суда наказания. Фактическая реализация наказания предполагает взаимодействие двух сторон: государства в лице органов и учреждений, исполняющих наказание, и самого осуждённого (отбывание наказания, претерпевание кары).

В литературе подчеркивается, что «наказание в теории уголовного права рассматривается как реализация уголовной ответственности, т. е. реализация обязанности претерпеть страдания и лишения за совершенное преступление»¹. Эффективность наказания, как отмечал М.Д. Шаргородский, определяется в первую очередь его неотвратимостью, которая означает, что «наказание должно быть применено», и свидетельствует о реальности применения репрессии², и, следовательно, под эффективностью наказания надлежит понимать достижение тех целей, которые ставятся перед наказанием законодательством и судом³. Именно этот подход разделяется в теории права⁴.

Уклонение осужденного от отбывания назначенной меры государственного принуждения влечет негативные для него последствия, предусмотренные действующим законодательством, в первую очередь уголовным и уголовно-исполнительным.

Доля осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, в России и ее регионах постепенно возрастает.

* Степашин Виталий Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского».

Современная судебная практика исполнения наказаний без изоляции осужденных от общества свидетельствует о том, что около одной восьмой части осужденных к подобным видам наказания злостно уклоняются от их исполнения⁵. Однако сам механизм замены наказания более строгим вследствие злостного уклонения осуждённого от отбывания наказания (а равно субинститут отмены мер уголовно-правового характера в отношении лиц, не выдержавших испытание) остается относительно малоизученным, а в юридической литературе ему даются различные оценки. К числу пробелов в законодательной регламентации замены наказания, в частности, относят: отсутствие в уголовном праве законодательного определения замены наказания и ее целей, понятий злостного уклонения от конкретных наказаний, четко сформулированных оснований применения данного института и др.

Переход к другому виду наказания не должен быть номинален: он призван обеспечить ухудшение правового положения осуждённого. В этой связи заслуживают внимания проблемы построения системы наказаний, конструирования санкций статей Особенной части УК РФ.

В изучении и уточнении нуждаются сами правила назначения отдельных видов наказания и других мер уголовно-правового характера. Их совершенствование позволит оптимизировать применение этих мер согласно принципам уголовного и уголовно-исполнительного права и тем самым устранить часть причин, обуславливающих уклонение осуждённых от отбывания назначенной меры государственного принуждения.

В последние годы учеными правомерно ставится вопрос о необходимости изучения и создания уголовно-правового механизма обеспечения наказания в целом как меры государственного принуждения⁶, составной частью которого и выступает замена наказания более строгим.

Л.И. Гаманенко отмечает: «Во-первых, невозможно говорить об обеспечении реализации наказания, если в УК РФ не будет системы соответствующих норм, представляющих собой единый механизм... Во-вторых, говорить буквально об обеспечении наказаний, не связанных с лишением свободы, как и любого наказания данного или иного вида в отдельности, не всегда правильно. Например, при применении замены наказания на более строгое речь необходимо вести уже о реализации совершенно иного наказания, в качестве которого может выступать и лишение свободы». Он определяет уголовно-правовой механизм обеспечения реализации назначенного наказания как систему уголовно-правовых норм, направленных на осуществление в необходимом (достаточном) объеме лишений и ограничений прав и свобод, предусмотренных для наказания, в отношении осужденного лица за совершенное преступление. Данный механизм выступает своеобразным гарантом соблюдения принципа неотвратимости наказания⁷.

Разделяя данный подход в целом, следует, однако, отметить, что, во-первых, механизм обеспечения реализации назначенного наказания не может носить исключительно уголовно-правовой характер хотя бы потому, что процедура исполнения наказания и, соответственно, требования

к поведению осуждённого, понятие уклонения (злостного уклонения) от отбывания наказания определяются уголовно-исполнительным законодательством. Другое дело, что правовые последствия злостного уклонения от отбывания наказания, предполагающие существенное изменение характера (содержания) применяемой меры государственного принуждения, должны устанавливаться исключительно уголовным законом.

Во-вторых, следует уточнить, что рассматриваемый механизм обеспечивает не реализацию якобы уголовно-правового принципа неотвратимости наказания (если бы этот принцип действительно носил уголовно-правовой характер, то под сомнение следовало бы поставить, например, само существование институтов освобождения от ответственности и наказания, амнистии и помилования), а обеспечение исполнения (отбывания) назначенного судом законного и справедливого наказания.

Например, Ф.Р. Сундуров справедливо учитывает это обстоятельство применительно к механизму достижения целей наказания и рассматривает его на этапе назначения наказания и этапе исполнения наказания⁸.

Соблюдение осужденными требований порядка исполнения наказаний (непенитенциарного режима) обеспечивается положительными и отрицательными стимулами. К их числу относятся стимулы как «средства воздействия на человека в форме наказания или поощрения, а равно угрозы применения наказания или обещания поощрения»⁹, которые могут изменить поведение людей. В.М. Баранов справедливо подтверждает, что стимулирование в праве осуществляется не только с помощью поощрительных мер, но и путем установления юридической ответственности за ненадлежащее поведение или нарушение установленного правовыми нормами порядка¹⁰, в этом случае угроза применения принуждения также может выступить в качестве побудителя (стимула) позитивного, социально желательного поведения¹¹.

Следует учитывать и то, что согласно п. 13 ст. 397 УПК РФ освобождение от наказания или смягчение наказания вследствие издания уголовного закона, имеющего обратную силу в соответствии со ст. 10 УК РФ, относится к вопросам, подлежащим рассмотрению при исполнении приговора. Вопросы исполнения приговора в части освобождения от наказания или смягчения наказания вследствие издания уголовного закона, имеющего обратную силу, решаются судом по ходатайству осужденного (п. 2 ч. 1 ст. 399 УПК РФ). Таким образом, рассмотрение ходатайств о приведении приговора в соответствие с новым законом в отношении осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания и находящихся в розыске, законом не предусмотрено.

Несомненно, что именно уголовно-правовому обеспечению реализации наказания принадлежит немаловажная и даже ключевая роль¹². При этом в части обеспечения альтернативных лишению свободы непенитенциарных видов наказания значимые функции выполняет институт замены

назначенного наказания более строгой мерой государственного принуждения.

Верно отмечается, что собственно «уголовно-правовой механизм обеспечения реализации наказания включает в себя нормы Особенной части (в случае если уклонение признается самостоятельным преступлением) и нормы Общей части уголовного законодательства (если имеет место замена одного вида наказания другим, более строгим видом)»¹³. Тем самым выделяется два основных направления противодействия уклонению от отбывания наказания: а) установление уголовной ответственности за акты уклонения как самостоятельные преступления против правосудия; б) регламентация замены назначенного (и неисполненного) наказания другим, более строгим его видом¹⁴.

Институт замены назначенного судом наказания более строгим вследствие злостного уклонения от отбывания определённой судом меры государственного принуждения является важным элементом правового механизма обеспечения реализации наказания. Однако рассматриваемый институт в уголовно-правовой науке определяется по-разному. А.В. Жуковым замена наказания в широком смысле трактуется как совокупность уголовно-правовых норм, предусматривающих возможность изменения вида установленного в санкции статьи УК за совершенное деяние вида наказания как при его назначении, так и в процессе исполнения наказания, а в узком смысле — как совокупность норм уголовного права, регламентирующих основания, правовые условия и порядок изменения судом вида уголовного наказания в ходе его исполнения с целью стимулирования осужденных к добросовестному отношению к отбыванию назначенного судом наказания¹⁵. Л.Р. Сафин определяет замену наказания как уголовно-правовой институт, нормы которого регламентируют изменение вида уголовного наказания осужденному в связи с возникновением посткриминальных (новых) юридических фактов: а) предусмотренного уголовным законом позитивного и негативного посткриминального поведения и б) события, наступившего в период после вступления приговора в законную силу и обращения приговора к исполнению и до истечения срока погашения судимости¹⁶. Д.Н. Матвеев трактует замену наказания как систему уголовно-правовых норм, применяемых судом для корректировки ранее назначенного наказания, в целях стимулирования исправления осужденных, закрепления результатов исправления и предупреждения совершения ими новых преступлений¹⁷. О.Ф. Сундунова отмечает, что замена наказания — это качественный уровень усиления наказания в процессе его исполнения¹⁸. А.Р. Саруханян видит в замене наказания как институте уголовного права определённую уголовным законом ситуацию, когда осужденному вместо уже назначенного вида наказания суд может назначить или назначает другой, более строгий вид наказания¹⁹.

Подобные дефиниции требуют существенных уточнений. Во-первых, институт замены наказания более строгим, как отмечалось ранее, не

является сугубо уголовно-правовым. Нормы о замене наказания более строгим фактически (объективно) сформировали самостоятельный правовой институт²⁰, включающий в себя нормы уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права²¹.

Во-вторых, большинство представленных в юридической литературе дефиниций не отражает юридической природы и специфической цели института замены наказания — обеспечения реализации назначенной меры государственного принуждения. Акцент делается лишь на «переходе» к другому наказанию, «корректировке» назначенной меры и т.д. Л.М. Прокументов и А.В. Корнилов обращают при этом внимание на то, что термины «замена», «переход», «отмена», «изменение» представляют собой лишь различные формы изменения наказания и иных мер уголовно-правового характера в процессе их реализации. Несмотря на имеющуюся терминологическую обособленность употребляемых в законе дефиниций («замена», «отмена» и т. п.) все они по своей сути обладают общим свойством — выражать отказ от дальнейшего исполнения установленной приговором (определением) суда меры уголовно-правового воздействия с одновременным указанием достаточно жесткого варианта перехода к другой²².

Установленное уголовным законом предписание о замене назначенного судом наказания в случае уклонения лица от его исполнения на более суровый вид наказания, в том числе если таковой не предусмотрен санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ, призвано обеспечить неотвратимость ответственности. К такому выводу пришел Конституционный Суд РФ в определении от 24 июня 2008 г. № 376-О-О (применительно к случаям замены обязательных работ на ограничение свободы, арест или лишение свободы — ч. 3 ст. 49 УК РФ)²³ и в определении от 16 февраля 2006 г. № 62-О (применительно к случаям замены исправительных работ ограничением свободы, арестом или лишением свободы — ч. 4 ст. 50 УК РФ)²⁴. Конституционный Суд РФ установил, что федеральный законодатель вправе предусмотреть в уголовном законе как возможность назначения лицу, признанному виновным в совершении преступления, наказания, не связанного с лишением свободы, в том числе в виде исправительных работ, так и возможность его замены иным наказанием в случае нарушения осужденным установленных законом требований к его отбыванию. Анализ правовых позиций Конституционного Суда РФ по вопросам, касающимся назначения наказания, позволяет сделать вывод о том, что предписание о замене назначенного судом наказания в случае уклонения лица от его исполнения на более суровый вид наказания, в том числе если таковой не предусмотрен санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ, призвано обеспечить неотвратимость уголовной ответственности²⁵. В итоге Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что ч. 4 ст. 50 УК РФ создает условия для исполнения приговора и обеспечивает тем самым неотвратимость и справедливость ответственности за преступление, за совершение которого лицо осуждено, и не может рассматриваться как нару-

шающая конституционные права человека и гражданина, гарантируемые ст. 49 (ч. 1) и 50 (ч. 1)²⁶.

Поскольку при применении замены наказания приговор под сомнение не ставится, а суд решает задачи исправления осужденного и предупреждения совершения им нового преступления²⁷, иногда делается не совсем точный вывод о том, что применение заменяющего наказания не свидетельствует о возникновении «новой» уголовной ответственности; речь в этих случаях может идти только об изменении одной из её составляющих — наказания и, следовательно, только её содержания; заменяющее наказание свидетельствует лишь об определённой корректировке уголовной ответственности и меры наказания, определённой в обвинительном приговоре²⁸. По мнению Ю.М. Ткачевского, именно индивидуализация исполнения наказания, в частности, может привести к замене одного наказания другим, влекущей значительное ухудшение правового положения осужденного²⁹. Л.Р. Сафин также полагает, что замена наказания по своей юридической природе, а не этимологическому значению, представляет собой изменение судом вида наказания в стадии исполнения приговора и выступает уголовно-правовой мерой (средством) индивидуализации ответственности осужденного³⁰. Похожий подход демонстрирует Э.М. Абдуллин, говоря об индивидуализации наказания в стадии исполнения приговора, которая, по его мнению, представляет собой такую корректировку правового положения осужденного путем изменения карательного воздействия на него, которая не ограничивается рамками приговора и зависит как от поведения осужденного, так и от применяемых по объективным причинам уголовно-правовых мер с целью экономии репрессии, повышения эффективности наказания и стимулирования позитивного поведения осужденного³¹. А.И. Чучаеву и А.П. Фирсовой наиболее приемлемым видится не термин «индивидуализация наказания в стадии исполнения приговора», а термин «посткриминальная дифференциация уголовно-правового ограничения (лишения)»³².

Другие ученые, напротив, возражают против взгляда на замену наказания как проявление индивидуализации наказания³³. Прав, как представляется, В.Д. Филимонов, который обращает внимание на то, что от норм, предназначенных регулировать индивидуализацию наказания в процессе его исполнения следует отличать те нормы уголовного права, которые по своему содержанию близки к ним, но имеют иную целевую направленность... они находят применение и в тех случаях, когда исполнение наказания даже не начиналось. К ним он относит нормы о замене наказания более строгим, целевая направленность которых «состоит в первую очередь в том, чтобы обеспечить реализацию определенной судом меры государственного принуждения»³⁴.

В литературе в связи с этим справедливо отмечается, что ответственность за злостное уклонение от отбывания уголовного наказания является ответственностью в уголовном праве (а та, в свою очередь, составной частью и разновидностью юридической ответственности)³⁵; при этом от-

ветственность в уголовном праве надлежит рассматривать как категорию более широкую по объему, чем уголовная ответственность, и потому уголовный закон предусматривает различные формы правовой реакции на совершение иных, помимо преступления, правонарушений к числу которых относятся и деяния, выражающиеся в нарушении правил отбывания наказания, невыполнении предусмотренных уголовным законом требований и соответствующих обязанностей, возложенных приговором суда³⁶.

Таким образом, замена наказания более строгим может рассматриваться как межотраслевой институт, призванный обеспечить реализацию назначенного судом наказания как меры государственного принуждения в форме специфической посткриминальной ответственности как реакции на злостное уклонение от отбывания осуждённым назначенного вида наказания, выражающейся в изменении вида отбываемого наказания на более строгий. Субинститутом замены наказания более строгим следует рассматривать отмену назначенной судом меры уголовно-правового характера (условного осуждения или отсрочки отбывания наказания) с последующим фактическим отбыванием назначенного наказания.

Институт замены наказания более строгим в полной мере соответствует и современным международным стандартам в сфере уголовного и уголовно-исполнительного права. Например, п. 14.1 Стандартных минимальных правил ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением («Токійских правил»), прямо предусматривает, что «при нарушении условий, подлежащих соблюдению правонарушителем, мера, не связанная с тюремным заключением, может быть изменена или отменена»³⁷.

Реализация обеспечительной функции института замены наказания более строгим требует устранения его наиболее значимых недостатков, направленного на фактическое обеспечение неотвратимости исполнения наказания как такового и упорядочение судебского усмотрения. Возможными направлениями такой модернизации института замены видятся следующие:

1) достаточная и необходимая унификация уголовно-правовых последствий злостного уклонения от отбывания наказания (отказ от криминализации злостного уклонения от отбывания наказания; установление единых последствий такого уклонения только в зависимости от вида наказания, а не его статуса как основного или дополнительного);

2) формализация замены наказания более строгим (установление императивности замены при установлении судом признаков злостного уклонения осуждённого от отбывания применяемого к нему наказания, возможности многоступенчатой (многоэтапной) замены, пропорциональности замены для всех видов наказания, обязательности учёта фактически отбытого наказания);

3) обеспечение фактического ужесточения наказания (ухудшения правового положения осуждённого).

¹ Прохоров Л. А., Прохорова М.Л. Уголовное право. М., 2004. С. 148.

² См.: Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность // Избр. труды. СПб., 2004. С. 361-364.

³ См.: Злобин Г.А. О методологии изучения эффективности уголовного наказания в советском уголовном праве и криминологии // Вопросы предупреждения преступности. Вып. 1. М., 1965. С. 60; Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность. Л., 1973. С. 86-87.

⁴ См.: Перминов О.Г. Проблемы реализации уголовного наказания: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 214.

⁵ См.: Титаренко А.П. Влияние правил замены наказания при злостном уклонении осуждённого от его отбывания на уголовно-исполнительные отношения // Алтайский юридический вестник. 2013. № 3. С. 62.

⁶ См.: Чучаев А.И. Уголовно-правовое обеспечение реализации наказания // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 4. С. 261-264.

⁷ См.: Гаманенко Л.И. Понятие уголовно-правового механизма обеспечения реализации назначенного наказания // Человек: преступление и наказание. 2009. № 4. С. 61.

⁸ См.: Сундуров Ф.Р. Наказание и альтернативные меры в уголовном праве. Казань, 2005. С. 205-250 См. также: Гаманенко Л.И. Указ. соч. С. 61.

⁹ Голик Ю.В. Позитивные стимулы в уголовном праве (понятие, содержание, перспективы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994. С. 9.

¹⁰ См.: Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1978.

¹¹ См.: Петражицкий Л.И. Теория государства и права в связи с теорией нравственности. СПб., 1907. Т. 2. С. 644. См. также: Жуков А.В. Замена наказания в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002. С. 9; Красоткин П.Н. Поощрение и взыскание как парные меры воспитательного воздействия на осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде исправительных работ, по законодательству Российской Федерации // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 17. С. 29.

¹² См.: Гаманенко Л.И. Указ. соч. С. 60.

¹³ Чучаев А.И. Указ. соч. С. 261.

¹⁴ См.: Иванова С. И. Уклонение от отбывания уголовного наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 3; Сафин Л.Р. Ответственность за уклонение от наказаний по уголовному законодательству зарубежных стран // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: материалы IV Международной научно-практической конференции (Москва, 27-28 мая 2004 г.). М., 2005. С. 526-527; Тарханов И.А. Уклонение от наказания как вид уголовного правонарушения: дискуссионные вопросы юридической природы // Там же. С. 575.

¹⁵ См.: Жуков А.В. Замена наказания в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002. С. 5.

¹⁶ См.: Сафин Л.Р. Ответственность осужденных за злостное уклонение от наказаний, не связанных с изоляцией от общества в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 10.

¹⁷ См.: Матвеев Д.Н. Замена наказания как институт уголовного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. С. 7.

¹⁸ См.: Сундурова О.Ф. Усиление (отягчение) уголовного наказания: вопросы дифференциации и индивидуализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 19.

¹⁹ См.: Долгополов К.А., Жукова Т. Г., Иванов С. А., Купрова Н. П., Саруханян А.Р., Третьяк М. И., Узденов Р.М. Доктринальные и законодательные понятия в уголовном праве России. Учебное пособие. Т. 1. Ростов н/Д., 2013. С. 417.

²⁰ См.: Прокументов Л.М., Корнилов А.В. Нормы, предусматривающие изменение наказания и иных мер уголовно-правового характера в процессе исполнения приговора, и их классификация // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Право». 2008. Т. 4. Вып. 2. С. 48-49.

²¹ См.: Бабаян С.Л. Вопросы замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания в отношении осуждённых к лишению свободы // Человек: преступление и наказание. 2011. № 1. С. 56.

²² См.: Прокументов Л.М., Корнилов А.В. Нормы, предусматривающие изменение наказания и иных мер уголовно-правового характера в процессе исполнения приговора, и их классификация // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Право». 2008. Т. 4. Вып. 2. С. 48-49.

²³ Определение КС РФ от 24 июня 2008 г. № 376-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ячменевой Марины Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью третьей статьи 49 Уголовного кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁴ Определение КС РФ от 16 февраля 2006 г. № 62-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Северского городского суда Томской области о проверке конституционности части чет-

вертой статьи 50 Уголовного кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁵ См.: *Елинский А.В.* Отдельные вопросы, связанные с назначением наказания в решениях Конституционного Суда России // *Российский следователь.* 2010. № 19. С. 14-15.

²⁶ Однако высказано и мнение о том, что утверждение Конституционного Суда по вопросу замены уголовных наказаний не согласуется с нормами международного права (пункт 1 ст. 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод устанавливает, что ни на кого не может налагаться наказание более тяжкое, нежели то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления. Данные положения норм международного права не допускают замены назначенного осужденному наказания вне пределов, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части уголовного закона), а вынесенное им отказное определение от 16 февраля 2006 г. № 62-О необоснованно устранило возможность реабилитации лиц, в отношении которых применялись иные наказания в результате замены, а также повлекло дальнейшую судебную практику применения к осужденным несправедливых наказаний в случаях, когда при их замене назначается более строгое наказание, не предусмотренное санкцией статьи Особенной части УК РФ. Верхние пределы санкций статей Особенной части УК РФ становятся размытыми и уже не определяют максимальной степени лишения или ограничения прав и свобод осужденного за конкретное преступление. Наказание за то или иное общественно опасное деяние уже не является очевидным для виновного: *Жданов С.* Произвольная замена наказаний // *Новая адвокатская газета.* 2011. № 2.

²⁷ См.: *Абдуллин Э.М.* Замена наказания в уголовном праве России: юридическая природа, виды, характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008. С. 15.

²⁸ См.: *Нурмиев М.М.* Заменяющие наказания по российскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 19-20.

²⁹ См.: *Ткачевский Ю.М.* Замена одного уголовного наказания другим в процессе их исполнения // *Вестник Московского университета. Серия «Право».* 1996. №. 6. С. 3.

³⁰ См.: *Сафин Л.Р.* Ответственность осужденных за злостное уклонение от наказаний, не связанных с изоляцией от общества в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 10, 22.

³¹ См.: *Абдуллин Э.М.* Замена наказания в уголовном праве России: юридическая природа, виды, характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008. С. 14.

³² *Чучаев А.И., Фирсова А.П.* Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация. Москва, 2011. С. 215.

³³ См.: *Тарханов И.А.* Уклонение от наказания как вид уголовного правонарушения: дискуссионные вопросы юридической природы // *Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: материалы IV Международной научно-практической конференции (Москва, 27-28 мая 2004 г.).* М., 2005. С. 575.

³⁴ *Филимонов В.Д.* Норма уголовного права. СПб., 2004. С. 270-271.

³⁵ См.: *Тимофеева Е.А.* Уголовно-правовые средства реагирования на уклонение (злостное уклонение) от отбывания наказания: проблемы дифференциации ответственности и законодательной техники: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 9.

³⁶ См.: *Сафин Л.Р.* Ответственность осужденных за злостное уклонение от наказаний, не связанных с изоляцией от общества в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 8, 15. На это обращалось внимание и ранее: см., например: *Сабитов Р.А.* Посткриминальное поведение. Омск, 1985. С. 78; *Звечаровский И.Э.* Уголовно-правовые нормы, поощряющие посткриминальное поведение личности. Иркутск, 1991. С. 84; *Тарханов И.А.* Поощрение позитивного поведения в уголовном праве. Казань, 2001. С. 188.

³⁷ *Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия.* Нью-Йорк, 1992. С. 184.

В.А. Тирранен*

ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК МЕСТО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В науке уголовного права место совершения преступления считается в достаточной мере изученным признаком объективной стороны состава преступления. Многие исследователи, осмысливавшие этот вопрос, особо акцентировали внимание на тех случаях, при которых место совершения преступления выступало признаком составов отдельных преступлений, определяя тем самым повышенную общественную опасность последних. Сложность проблемы обусловлена тем, что уголовный закон не закрепляет понятие места совершения преступления, предоставляя простор для научной мысли в этом направлении. В то же время развитие преступлений с использованием компьютерных технологий ставит вопрос о месте совершения преступления ребром, поскольку данный фактор определяет право, применимое к совершенному деянию, а также саму возможность реализации мер уголовно-правового воздействия.

Многие преступления с использованием компьютерных технологий совершаются посредством сети Интернет и иных информационно-коммуникационных сетей, причем при таком способе совершения деяния субъект преступления может находиться и действовать в одном государстве, имуществу, на которое будет направлено преступное посягательство — в другом, а потерпевший — в третьем. Каждое из этих государств имеет самостоятельную правовую систему и самостоятельную юрисдикцию, что, в конечном счете, помогает преступнику избежать мер уголовно-правового воздействия.

Текущее правовое регулирование рассматриваемой ситуации оставляет желать лучшего. 23 ноября 2001 г. в Будапеште была принята Конвенция Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185, которая, в числе прочего, определяет необходимость для государств-участников обязать Интернет-провайдеров проводить сбор, фиксацию и перехват информации пользователей с помощью имеющихся технических средств, а также способствовать в такой деятельности правоохранительным органам, сохраняя это в тайне от пользователей. Впрочем, установленное Конвенцией право на получение компьютерной информации на территории другой страны без её согласия было оспорено при подписании данной Конвенции Российской Федерацией¹, а впоследствии это подписание было вообще отменено². На данный момент Россия в Конвенции не участвует, создавая собственные, отличные от международных и зарубежных тенденций, правила борьбы с преступлениями, связанными с использованием компьютерных технологий. Нельзя не отметить, что

* Тирранен Василий Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет».

отсутствие согласованности действий в указанной сфере с зарубежными странами негативно влияет на их результативность.

Далеко не все преступления с использованием компьютерных технологий попадают под действие «специализированных» статей УК РФ (ст. 158.6, 272, 273, 274). Использование компьютерных технологий является одним из наиболее доступных способов совершения многих опасных преступлений (например, распространение экстремистских материалов, порнографической продукции с изображениями несовершеннолетних и т.п.). Зачастую преступник прибегает к нему именно потому, что он существенно затрудняет либо делает невозможной реализацию мер уголовно-правового воздействия. Из-за несовершенства уголовного законодательства и несогласованности действий разных государств возможность раскрытия преступлений, совершаемых таким способом, достаточно низка, в первую очередь из-за сложностей расследования. Попытка ограничить киберпреступность территориальными границами государств обречена на провал, поскольку глобальные информационно-телекоммуникационные сети развиваются без прямого участия государства, не имея единой юрисдикции, органов управления и контроля, что исключает воздействие на них традиционными способами.

Для решения проблемы реализации уголовно-правового воздействия на преступников, использующих для совершения преступлений глобальные информационно-телекоммуникационные сети (в том числе Интернет), необходимо местом совершения преступления определить виртуальное пространство, находящееся вне территории любого государства.

Полагаем, что преступлением, совершенным в виртуальном пространстве, необходимо считать не просто преступление, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных компьютерных сетей, но преступление, которое совершается путем действия, выражающегося в распространении, обмене, копировании, перемещении, модификации, блокировании или уничтожении компьютерной информации в информационно-телекоммуникационных компьютерных сетях. При этом для реализации уголовно-правового воздействия нет необходимости присваивать виртуальному пространству государственную принадлежность либо вводить в данном пространстве «виртуальную юрисдикцию» различных стран. Для обеспечения возможности применения мер уголовно-правового воздействия, предусмотренных уголовным и уголовно-процессуальным законодательством России, к лицам, причастным к совершению преступлений в виртуальном пространстве, достаточно дополнить статью 12 УК РФ частью 4 следующего содержания: «4. Граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, совершившие в виртуальном пространстве преступление против интересов, охраняемых настоящим Кодексом, подлежат уголовной ответственности в соответствии с настоящим Кодексом, если в отношении этих лиц по данному преступлению не имеется решения суда иностранного государства».

В данном случае виртуальное пространство не может рассматриваться ни как находящееся на территории России, ни как расположенное за пределами её территории именно в силу своей виртуальности, т.е. невозможности или нецелесообразности определения его физических границ. В виртуальном пространстве отсутствуют таможи и пункты контроля, отслеживающие «перемещение» лиц, использующих информационно-телекоммуникационные сети, в том числе Интернет, включая социальные сети и иные компьютерные способы обмена информацией или ее распространения.

Выделив преступления, совершаемые данным способом, в отдельную группу, мы получим возможность поручить производство процессуальных действий, связанных с данными преступлениями, специально уполномоченному органу, который, с одной стороны, будет обладать достаточным техническим обеспечением и соответствующими навыками, а с другой — будет иметь необходимые для осуществления таких действий полномочия. Место расположения данных органов (возможно, созданных на базе Бюро специальных технических мероприятий МВД России) не должно зависеть от физического расположения потерпевших, преступников, оборудования, которое использовалось при совершении преступления, а также имущества, на которое могло быть направлено преступное посягательство.

Еще одной проблемой реализации уголовно-правового воздействия на лиц, совершающих преступления в виртуальном пространстве, является их условная анонимность. Далеко не всегда возможно установить физическое лицо, стоящее за действием виртуального субъекта, как по техническим (анонимайзеры, в том числе анонимные прокси-серверы; элементы «луковой маршрутизации»; виртуальное туннелирование; шифрование), так и по юридическим (анонимный доступ к сетям, использование подложных документов при доступе в сеть) причинам. Однако без решения проблемы установления ответственности за совершаемые в виртуальном пространстве преступные действия деанонимизация не имеет шансов на успех, а принудительное ее внедрение даже в ограниченных масштабах способно вызывать резкое неприятие со стороны широкого круга лиц, что можно было наблюдать при установлении ограничений на анонимный доступ к беспроводным сетям³.

¹ Распоряжение Президента РФ от 15.11.2005 №557-рп «О подписании Конвенции о киберпреступности» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 47, ст. 4929.

² Распоряжение Президента РФ от 22.03.2008 №144-рп «О признании утратившим силу распоряжения Президента Российской Федерации от 15 ноября 2005 г. №557-рп «О подписании Конвенции о киберпреступности» // Собр. законодательства. Рос. Федерации. 2008. № 13, ст. 1295.

³ Постановление Правительства РФ от 31.07.2014 № 758 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 32, ст. 4525.

М.А. Тулиглович*

МЕТОДОЛОГИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Современное состояние науки уголовного права характеризуется все усиливающимся интересом к исследованию теоретических и практических аспектов уголовно-правового воздействия, поиску путей и закономерностей его активизации, анализу содержания, структуры и достигаемых результатов.

Вместе с тем познание глубинных процессов воздействия на преступность уголовно-правовыми средствами недостижимо при поверхностном анализе отдельных его элементов. Проникновение в его сущность предполагает, прежде всего, понимание того, каким закономерностям оно подчиняется, какие внешние изменения в социальной, политической, экономической сферах жизнедеятельности общества способны привести к его внутренним преобразованиям, осознание его как сложного системного явления, структурные составляющие которого не только взаимосвязаны, но и взаимообусловлены, осмысление достигаемых им результатов и соотнесение их с целями уголовно-правового регулирования.

Последовательное решение обозначенных вопросов, их детальная проработка становятся возможными только после выбора соответствующей методологической основы, включающей в себя набор соответствующих «способов и форм научного познания»¹. Важность определения соответствующей методологии при исследовании проблем уголовно-правового воздействия обуславливается «все возрастающими требованиями к точности, строгости, логической последовательности научного мышления, без которого невозможно не только овладеть той огромной массой знаний, которые уже накоплены человечеством, но и осуществлять дальнейшее, более всестороннее и углубленное проникновение в тайны исследуемых объектов, явлений и процессов»².

В настоящее время методология уголовно-правовой науки стремительно развивается. В ней самым причудливым образом переплетаются принципы, правила и приемы прошлой, настоящей и будущей научной деятельности³. Подтверждением этому являются попытки уяснить и правильно оценить ее состояние и перспективы развития⁴.

Актуальность решения методологических вопросов при исследовании уголовно-правового воздействия приобретает особое значение в условиях социальных преобразований, изменения идеологических основ уголовного права, когда следует «по-новому оценивать и даже переоценивать многие традиционные методологические постулаты»⁵. Поиск путей повышения

* Тулиглович Максим Анатольевич — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника по научной работе ФГКОУ ВПО «Дальневосточный юридический институт МВД России» (г. Хабаровск).

эффективности системы уголовно-правового воздействия на преступность приводит нас к мысли о том, что описать природу правового регулирования общественных отношений, возникающих вследствие совершения преступления, как сложного и комплексного явления не по силам методологии одной лишь правовой науки. Сложность происходящих в обществе социальных процессов не позволяет в рамках действующих методологических подходов в полной мере моделировать возможные пути влияния данных процессов на право, поскольку используемая сегодня методологическая основа не учитывает или, по крайней мере, недооценивает элементы причинности, случайности и значимость хаотического начала в становлении правового порядка. Интегративные тенденции наук криминального цикла (уголовного права, криминологии) активизируются также появлением новых глобальных проблем и угроз, оказывающих значительное влияние на преступность в целом. «На этой почве стала постепенно формироваться новая область исследований, объединенная общей задачей системного изучения окружающей действительности»⁶ и самоорганизации сложных систем, дающая общие ориентиры для научного поиска, прогнозирования и моделирования процессов, в том числе в сложных социальных системах⁷. В связи с этим синергетика выступает как междисциплинарное направление исследований⁸. Редукция ее инструментария к изучению закономерностей функционирования и развития системы уголовно-правового воздействия способна дать интересные результаты. Методология синергетики позволит по-новому взглянуть на сущность уголовно-правового воздействия, создать концептуальную теоретическую модель оптимального его развития. С точки зрения синергетики любая открытая система находится в неравновесном состоянии. Она подвергается многочисленным и постоянным изменениям (флюктуациям⁹). Постоянно раскачивая систему, флюктуация приводит ее к точке так называемой бифуркации, т.е. к такому моменту, когда дальнейшее развитие системы оказывается непредсказуемым. Она дает выход двум возможностям: или развитие системы станет более хаотичным, и тогда она обречена, или родится новая, более упорядоченная структура¹⁰. Чем сложнее система, пишет К.Е. Сигалов, тем больше элементов неустойчивости, тем больше альтернативных возможностей для последующей деятельности и развития этой системы. Когда развитие системы стоит перед развилкой (находится в точке бифуркации), любое внешнее воздействие может произвести эффект, усиливающийся социальным резонансом, что способно как вывести систему на новый уровень самоорганизации, так и оказать деструктивное воздействие¹¹.

Уголовное право — открытая, самоорганизующаяся система, элементы неопределенности, случайности, вероятности, стихийности неизбежно сопровождают и процесс уголовно-правового воздействия, оказывая, как правило, негативное влияние на результативность противодействия преступности. Безусловно, не представляется возможным препятствовать возникновению процессов самоорганизации, развитию различного

рода флюктуаций в рамках уголовно-правового воздействия на преступность. Однако использование синергетического подхода позволит нам, во-первых, описать причины возникновения и характер воздействия микро- и макрофлюктуаций на систему уголовно-правового воздействия, во-вторых, определить ее энтропийный оптимум, в-третьих, определить место и значение процессов саморегуляции при реализации уголовно-правовых предписаний¹².

Исследование уголовно-правового воздействия с помощью синергетики позволит по-новому увидеть теоретико-правовые проблемы противодействия преступности, что, несомненно, будет способствовать установлению новых свойств и качеств изучаемых правовых явлений. При этом следует понимать, что процессы самоорганизации присущи всем стадиям системы уголовно-правового воздействия, причем на некоторых из них детерминанты возникновения и характер воздействия микро- и макрофлюктуаций на систему в целом отличны. Их исследование и описание позволит определить пути развития основных его институтов.

Однако следует отметить, что исследование уголовно-правового воздействия через призму синергетического методологического подхода несколько не означает отказ от использования иных методов научного познания. Так, повышению качества получаемых результатов может способствовать интеграция принципов диалектической логики, таких как всесторонность, полнота познания и объективность. При разработке проблем уголовной политики, нормотворчества, уголовно-правовых отношений и реализации норм уголовного права постулаты материалистической диалектики о всеобщей закономерной связи явлений окружающей действительности, единстве и борьбе противоположностей можно конкретизировать пониманием развития как череды событий, явившихся результатом случайно возникающей самоорганизации открытой системы, приводящей в определенный период к установлению порядка или хаоса. Кроме того, не следует забывать, что методология — это не только система методов, но и учение о них, не только определенная мировоззренческая позиция исследования, но и всеобщие теоретические принципы, не только общенаучные, но и частнонаучные методы познания¹³. Поэтому анализировать уголовно-правовое воздействие следует с использованием как общенаучных методов (историко-правового, системного и функционального подходов, системно-структурного, сравнительно-правового, факторного, структурного синтеза, логико-структурного, логико-семантического, функционального), так и частнонаучных, в частности, криминологического¹⁴, уголовно-статистического и др.

Считаем, что только при совместном использовании все рассмотренные компоненты методологии исследования уголовно-правового воздействия, связанные между собой, способны дополнить и обогатить полученное знание. Именно такой методологический подход может выступить

эффективным руководством в научном познании прошлых, настоящих и будущих процессов уголовно-правового воздействия.

¹ Кузьмин В.П. Принцип системности в методологии диалектического и исторического материализма // Вопросы философии. 1980. № 2. С. 50.

² Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2001. С. 5.

³ См.: Решетов Ю.С. Методологические проблемы отечественного права [Электронный ресурс]. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-204153.html>.

⁴ См.: Горбуза А.Д., Козаченко И.Я., Сухарев Е.А. Понятие методологии уголовно-правовой науки // Уголовно-правовые меры борьбы с преступностью в условиях перестройки. Свердловск, 1990. С. 11; Наумов А.В. Обновление методологии науки уголовного права // Сов. государство и право. 1991. № 12. С. 23; Голик Ю.В. Метод уголовного права // Журнал российского права. 2000. № 1. С. 69-75; Лапунина Н.Н., Киселева Д.А. Методология уголовного права // Бизнес в законе. 2009. № 1. С. 95-97 и др.

⁵ Наумов А.В. Указ. соч. С. 23.

⁶ Добрынин Н.М. Синергетика и федерализм: оценка состояния, соотношение, новая методология // Государство и право. 2007. № 7. С. 33-39.

⁷ См.: Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Принципы коэволюции сложных систем и социальное управление // Синергетика и социальное управление. М, 1998. С. 8.

⁸ Использование синергетического методологического подхода в правоведении сегодня приобретает все большую популярность. См., например: Грунина В.А. Синергетические основы правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006; Шишкин В.В. Синергетический подход в теории права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Новгород, 2007; Павлова Ю.В. Правовая энтропия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2004.

⁹ Флюктуации (лат. fluctuatio — волнение, колебание) — временные отклонения от состояния равновесия.

¹⁰ См.: Решетов Ю.С. Методологические проблемы отечественного права. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-204153.html>.

¹¹ Сигалов К.Е. Синергетическая организация права: теория и реальность // История государства и права. 2011. № 19. С. 19-22.

¹² Вопросы влияния процессов саморегуляции на общий механизм реализации права исследовался Ю.С. Решетовым. См.: Решетов Ю.С. Реализация норм советского права (системный анализ). Казань, 1989.

¹³ Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2001. С. 47, 48.

¹⁴ Голик Ю.В. Метод уголовного права // Журнал российского права. 2000. № 1. С. 69-75.

В.А. Шуняева*

ПРИЧИННЫЙ КОМПЛЕКС РАЗВИТИЯ КРИМИНОГЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В ПЕРИОД ИМПЕРИИ В РОССИИ КАК ПРОЕКЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Период Империи Российского государства охарактеризовался рядом значительных исторических событий, которые сыграли не последнюю роль в развитии всего общества и в первую очередь таких его представителей, как несовершеннолетние. Современные события, происходящие в странах

* Шуняева Вера Анатольевна — кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой уголовного права и криминологии ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина».

ближнего зарубежья, дают возможность провести параллели, а, следовательно, смоделировать определенные типичные ситуации развития личности несовершеннолетнего.

Рассматривая различные аспекты формирования личности несовершеннолетнего преступника в указанный исторический сегмент, отметим криминогенные факторы, относящиеся к макросреде, окружающей несовершеннолетних. К факторам макросреды традиционно мы отнесли серьезные геополитические изменения, происходившие в Российской империи. Образование самого имперского государства сопровождалось внешними и внутренними конфликтами. Войны велись в различных направлениях: новой империи необходимы были морские торговые и военные пути, в связи с чем война шла как в северном направлении за выход к Балтийскому морю со шведами, так и в южном направлении с турками и представителями Кавказа за выход к Черному морю.

Война, являясь самостоятельным криминогенным фактором, порождала ряд других факторов (голод, сиротство, беспризорность и т.д.), способствующих развитию криминальной направленности личности, а также росту преступности. Приведенные нами диаграммы показывают, сколько лет в каждом из столетий Российской империи страна провела в военных действиях.

Диаграмма 1. Количество лет, проведенных в войне (XVIII в)

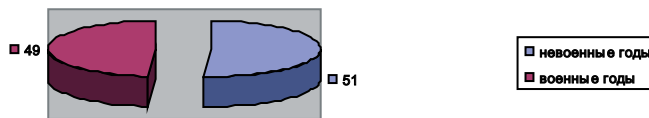

Диаграмма 2. Количество лет, проведенных в войне (XIX в.)

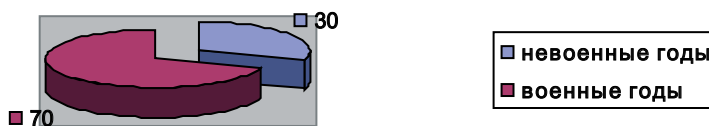

Диаграмма 3. Количество лет, проведенных в войне (XX в., до 1917 года)

Как видим, в XVIII в. каждый второй год был военным (диагр. 1), в XIX в. военные действия практически не прерывались (диагр. 2). В XX в., несмотря на видимое сокращение военных лет, большое значение имели внутренние конфликты: восстания, бунты, первая революция, продолжавшиеся вплоть до свержения самодержавия в 1917 г. (диагр. 3).

По мнению исследователей, изучавших преступность несовершеннолетних в имперский период, при общем снижении уровня преступности возрос уровень преступности несовершеннолетних. Об этом свидетельствуют статистические данные, приведенные С.С. Остроумовым. Так, если в течение Первой мировой войны «преступность взрослых сократилась здесь более чем в два раза, то преступность несовершеннолетних почти удвоилась»¹.

Таблица 1. Процент увеличения числа осужденных несовершеннолетних относительно 1911 г.

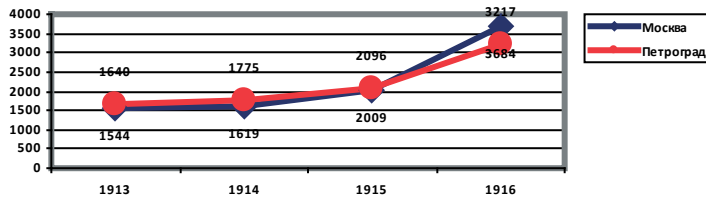
	1911	1912	1913	1914	1915	1916
Осужденные в возрасте старше 17 лет	100	97	94	111	53	42
Осужденные в возрасте 10-17 лет	100	100	99	137	172	186
Процент осужденных до 17 лет к общему числу осужденных	1,7	1,8	1,8	2,1	5,4	7,3

К аналогичным выводам приходят и другие исследователи² преступности несовершеннолетних, проследив прямую зависимость военных лет и роста преступности несовершеннолетних в таких городах, как Москва и Петроград.

Таблица 2. Количество преступлений, совершенных в военные годы несовершеннолетними в Москве и Петрограде

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Москва	1544	1619	2009	3684
Петроград	1640	1775	2096	3217

График 1. Число преступлений, совершенных в военные годы несовершеннолетними в Москве и Петрограде

Смоделированный на основе приведенных в таблице данных график отражает неуклонный рост преступности несовершеннолетних в военные годы, и мы согласны с исследователями, определившим зависимость такого роста и военных лет.

Подобный феномен объясняется тем, что основная масса взрослых мужчин была мобилизована для участия в военных действиях. Несовершеннолетние оставались без должного внимания и попечения, а зачастую становились сиротами, которые жили попрошайничеством, кражами, грабежами и т.д.

При этом не стоит забывать, что война не начинается и не заканчивается без определенных действий. Так, на государственную военную машину работает все население страны: и мужчины, и женщины, и дети. Содержание армии требовало создания заводов, фабрик, мануфактур, верфей, которые снабжали армию всем необходимым. Для работы на них людей направляли, как правило, принудительно, а условия их труда и жизни были весьма суровы, что вызывало недовольство среди населения, которое оно пыталось довести до царя.

Следует также отметить, что к работе привлекались не только местные жители или приписные крестьяне; значительную часть составляли лица, отбывающие наказание за совершенные ими преступления. Вот как описывает работу на полотняной мануфактуре иностранец, сопровождавший Петра I: «нас повели в женское отделение, где работают девушки, отданные на прядильню в наказание лет на 10 и более, а некоторые и навсегда; между ними было несколько с вырванными ноздрями»³. Такие жестокие наказания применялись к преступникам, следовательно, на данной фабрике работали женщины с преступным прошлым. Это в свою очередь способствовало проникновению идеологии преступных элементов в жизнь тех людей, с которыми происходило их вынужденное общение. Таких фабрик было много и на них работали как женщины, так и мужчины, а также несовершеннолетние лица. Их труд был дешев и при этом жестоко эксплуатировался⁴.

Материалы всероссийской переписи 1897 г. показали, что из всех рабочих, занятых в промышленности в России, одна треть состояла из детей

и подростков в возрасте от 8 до 15 лет⁵. Статистика Московской губернии демонстрирует, что 33 % рабочих поступали на работу в возрасте до 12 лет, а 30 % — до 14 лет⁶. Жестокое обращение с рабочими (в том числе детьми), тяжелый труд и безысходность подчас толкали их на бегство с мануфактур, о чем свидетельствуют жалобы владельцев заводов. Так, один из владельцев железных мануфактур упоминает: «заставил заводскую работу работать и они заводскую работу не стали и ушли неведомо куда»⁷. Убегали и несовершеннолетние.

К криминогенным факторам, рожденным войной, относятся голод, нищета и сиротство. «Хронические неурожаи и неспособность правительства бороться с голодом гнали крестьян из родных мест. Тысячи и тысячи крестьян умирали, множество детей оставались сиротами, их уделом становилось нищенство и бродяжничество, которые часто вели к преступлению»⁸. Постоянное военное бремя в период Империи привело к тому, что «задолго до первой мировой войны насчитывалось до 2,5 миллионов нищих и беспризорных детей»⁹.

Послевоенные годы также требовали серьезного восстановления как всего хозяйства страны, так и восполнения потерь ее людского потенциала, что не могло не сказаться на психологии личности несовершеннолетнего.

Аналогичные последствия несли и внутренние конфликты, хотя и не столь многочисленные как внешние, но имевшие место в период развития империи. К таким конфликтам мы отнесли восстание Булавина 1707-1708 гг., восстание Пугачева 1773-1775 гг., а также восстания в Польше (которая на тот момент входила в состав России) — 1830-1831 гг. и в Литве; Западной Белоруссии и Польше в 1863 г.; революцию 1905 г. и ряд других. Внутренние конфликты, как и внешние, приводили к человеческим жертвам, которые порождали сиротство и беспризорничество. При этом крестьянские войны и иные внутренние конфликты имели и ряд отличий от внешних конфликтов. Если в период внешних конфликтов количество преступлений, совершаемых взрослыми членами общества, сокращалось, а преступность несовершеннолетних возрастала, то внутренние конфликты приводили к росту общей преступности. Связано это было с тем, что конфликты происходили внутри российского государства, и в них принимали участие жители городов и деревень, недовольные сложившейся эксплуатирующей их ситуацией. Вот как свидетельствуют об этом первоисточники: «А ныне, государь, писал к нам из Смоленска воевода господин Салтыков, что по челобитью смоленского шляхтича посылал он за беглыми ево крестьяны, которые со многими и иных помещиков крестьяны ж пошли многлюдством ко Брянску, для поимки капитана з 20 человеки солдаты. И те крестьяне с ним бились и убили одного солдата да другога ранили. И он воевода послал к тому капитану в помощь прапорщика в 40 человеки солдат. Да по ведомости де из Дорогобужа от воеводы бегут туда ж ко Брянску из Вяземского и из иных уездов от розных помещиков люди и крестьяня з женами и з детьми и с пожитками и их помещичьи, собрався многлюдством с пищали

и с рогатины, большими станицами, кроме женского полу, человек по 100 по 200, по 300 и по 500 и больши, поднявся целыми селы и деревни, чрез Дорогобужской уезд идучи чинят великое разорение и по селам и деревням крестьян с собою ж подговаривают, и многие к ним пристают. А которые помещики и их люди и крестьяня за теми беглецами гоняютца в погоню и по них стреляют из ружья и бьют до смерти...»¹⁰.

Как видим, движение крестьян было значительным и последствия этого движения приводили не только к убийствам и разорению, но и к созданию определенного миграционного потока, который также приводил к образованию разбойных шаяк, членами которых были как взрослые, так и дети. Бежали в основном на Дон, откуда беглых не выдавали. В подтверждение данного обстоятельства приведем цитату из Указа Петра I о сыске и возвращении беглых с Дона: «И забрав они в зачет работы своей улишние наперед многие деньги, убегают и укрываюца на Дону з женами и з детьми в розных городках; а иные многие бегают починяя воровство и забойство. Однако же тех беглецов донские казаки из городков не высылают и держат в домех своих»¹¹.

Беспризорники, над которыми был утерян надлежащий надзор из-за обозначенных факторов макросреды, а также сироты, появившиеся в результате данных негативных явлений, обитали в различных ночлежках и притонах, где преступные навыки формировались и оттачивались благодаря социализации в преступном окружении. По мнению С.С. Остроумова, именно из детей, лишенных родителей или бежавших от них, формировалась постоянно растущая армия малолетних преступников¹². Беспризорники, теряя контроль со стороны семьи, попадали под влияние лиц криминальной направленности. Скитаясь по ночлежкам, притонам и кабакам, несовершеннолетние проходили социализацию улицей со всеми ее криминальными законами. Взрослые же, окружающие беспризорников, как правило, старались их использовать в криминальных целях. Отчет по главному тюремному управлению обнаруживает в связи с этим следующие цифры: 55 % заключенных преступников до 17 лет были сироты, полусироты или внебрачные дети¹³, т.е. это дети, которые остались без должного надзора.

Криминогенными факторами, порождаемыми войной и внутренними конфликтами, являются нищета и голод. В теории причинности преступности несовершеннолетних, предложенной А.Ф. Кистяковским, нищета стоит на третьем месте после развращенности родителей и покинутости детей. По его мнению, нищета препятствовала удовлетворению самых насущных потребностей¹⁴. Этому способствовали и постоянные расходы на решение внешних военных и внутренних конфликтов. Многие крестьяне разорялись и пополняли армию нищенствующих. Пополнение данной армии происходило и за счет рабочих. Условия их труда не отвечали ни требованиям безопасности, ни гарантировали достойной оплаты. Рабочие, получившие травмы, инвалидность, вышедшие на пенсию не обеспечивались для дальнейшего существования, и вместе с ними в разряд нищих переходили и их

семьи, в том числе несовершеннолетние. Удовлетворение потребностей таких семей было возможно при их криминализации, включающей и криминализацию несовершеннолетних.

Прежде чем перейти к анализу количественно-качественных показателей преступности несовершеннолетних, характеризующих личность несовершеннолетнего периода Империи, обратим внимание на то, что на данном этапе законодатель подробно регламентировал возраст уголовной ответственности. В результате сложных градационных изменений несовершеннолетними были признаны лица, не достигшие 17 лет.

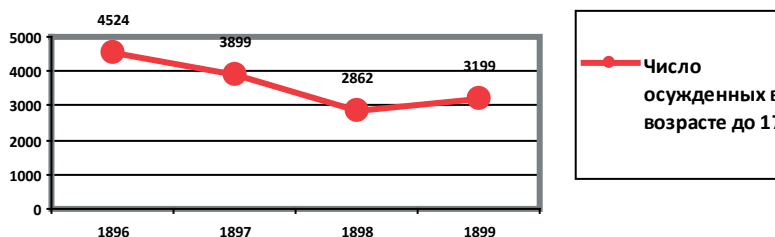
К сожалению, статистические данные, касающиеся преступности несовершеннолетних, появляются только к концу XIX в. Однако, по статистическим сведениям конца XIX - начала XX вв., в целом, можно сделать выводы о том, что подобные цифровые данные характерны практически для всего периода Империи.

Отметим, что одними из первых исследований криминологической статистики преступности несовершеннолетних в России стали исследования Е.Н. Тарновского и А.И. Заки. Е.Н. Тарновский анализировал десятилетний период — с 1901 по 1910 гг.¹⁵ А.И. Зака, опираясь на «Свод статистических сведений по делам уголовным», приводит данные с 1896 г.¹⁶ Сведя воедино данные статистических сведений из обозначенных источников, получим следующую таблицу:

Таблица 3. Сведения о несовершеннолетних, осужденных в конце XIX в.

Год	Число осужденных в возрасте от 10 до 17 лет	Процент увеличения этого числа	Процент несовершеннолетних в общем числе осужденных
1896	4524	100	8,3 %
1897	3899	86	6,9 %
1898	2862	63	4,6 %
1899	3199	71	4,8 %

График 2. Число несовершеннолетних, осужденных в конце XIX в.

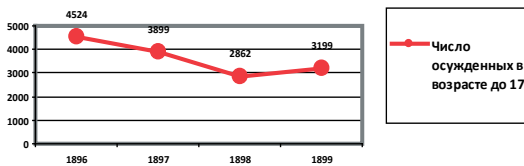

Как видим, конец XIX в. указывает на некоторый спад преступности несовершеннолетних. На наш взгляд, это было связано с незначительной внешней стабильностью; именно в этот период прекратились военные действия, а внутренняя политика была нацелена на проведение реформ, которые укрепили внешний и внутренний курс рубля, улучшили инвестиционный климат в стране, способствовали привлечению в экономику отечественных и иностранных капиталов.

Таблица 4. Сведения о несовершеннолетних, осужденных в начале XX в.

1900	3455	100	2,8 %
1901	3543	102	3,0 %
1902	3173	92	2,6 %
1903	3135	91	2,6 %
1904	3640	105	3,3 %
1905	3218	93	3,2 %
1906	3221	93	2,8 %
1907	3899	112	2,8 %
1908	4628	133	3,0 %
1909	6137	175	3,7 %
1910	7483	213	4,6 %

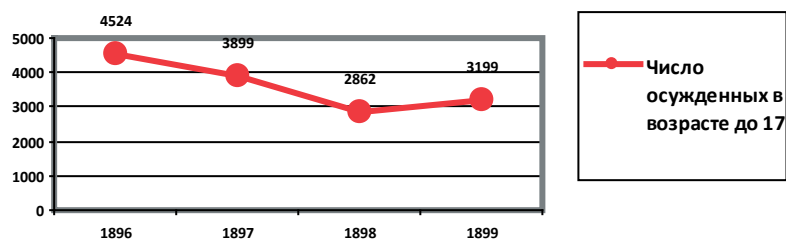
График 3. Число несовершеннолетних, осужденных в начале XX в.

Первое десятилетие XX в. показывает, что ситуация, связанная с преступностью несовершеннолетних, изменяется в сторону ее неуклонного роста. Нестабильность во внутренней политике приводила к росту стачек и демонстраций, которые подчас заканчивались кровопролитием (как, например, кровавое воскресенье 1905 г.), первая русская революция 1905-1907 гг. также способствовала дестабилизации, а значит и росту числа беспризорных детей. Внешняя политика в связи с вступлением России в русско-японскую войну, а затем и в Первую мировую войну породила те криминогенные факторы, которые способствовали росту преступности несовершеннолетних.

С 1911 г. процент увеличения числа осужденных несовершеннолетних к общему числу осужденных выглядел следующим образом¹⁷:

График 4. Отношение числа осужденных несовершеннолетних к общему числу осужденных

Графики отражают тот факт, что преступности несовершеннолетних свойственно повышение в наиболее нестабильные годы. Начиная с 1906 г., наблюдается ежегодный прирост преступности несовершеннолетних.

Среди осужденных несовершеннолетних основная масса принадлежала к классу рабочих и ремесленников. На 1915 г. таких лиц было 49 % от общего числа несовершеннолетних осужденных, на втором месте находились крестьяне — 26 %¹⁸. Такое распределение было связано, в том числе, с ростом классовой борьбы и широким распространением революционных идей именно в указанных слоях общества. Приведем пример типичного случая, записанного А.И. Зака: «Б., мальчик 16 лет, обвиняется в «политическом преступлении». Этот мальчик написал письмо Земскому Начальнику, где заявляет, что он принадлежит к партии С.-Р. И просит не брать его в солдаты. Приводим текст его прошения с сокращениями, сохраняя полную орфографию автора: «Прошение Его Высокоблагородию Г-ну Земскому Начальнику. Имею честь Покорнейше просить вас ваше Высокоблагородие. Я крестьянин (далее следуют имя, отчество, фамилия и прочее). Так как я из партии С.-Р. То прошу вас меня не брать у вас хватит и безменя вы можете набрать из партии истинно-русских... а если вы наберете таких как я то вам плохо будет...»¹⁹. Как видим из данной цитаты, ребенок уже состоит в политической партии и обвиняется в политическом преступлении, а его социальный статус крестьянина говорит о проникновении и в эту среду революционных настроений, упоминание же возможности набора в солдаты таких же несовершеннолетних из другой партии (истинно-русских) доказывает, что подобные настроения не были единичными случаями.

Рассматривая половозрастные признаки преступности несовершеннолетних, отметим, что, как и в предыдущие периоды, лица женского пола из числа несовершеннолетних совершали меньшее число преступных деяний, по сравнению с лицами мужского пола. По мнению М.Н. Гернета, это было обусловлено следующим: «Перед голодную женщиною, не находящей возможности жить трудом своих рук, остается кроме смерти, две дороги, одинаково позорные, но не одинаково опасные: один запрещенный законом

путь преступности и другой легальный, санкционированный властью, путь к проституции. Несомненно, что часть женщин, принужденных выбирать из двух зол одно, выбирают последнее»²⁰.

Тем не менее, по мнению Е.Н. Тарновского, «положение женщины в России далеко не одинаково в различных местностях и потому не одинаков и процент преступности в различных губерниях: особенно незначительно число обвиненных женщин в губерниях Таврической, Казанской, Уфимской, Оренбургской, т.е. там, где значительный процент населения мусульманского исповедания и где женщина ведет совсем замкнутый образ жизни. Наоборот наибольший процент преступности выпадает на запад России: уезды Варшавский, Петроковский, Калитиский, Радомский, Келецкий»²¹.

Статистические же данные отражают следующие особенности женской преступности в конце XIX в.: на 100 ссыльных мужчин протестантского вероисповедания приходилось 28,64 женщины протестантки, на 100 православных мужчин — 22,01 женщины, на сто раскольников — 14,91 раскольниц и на 100 магометан — всего 1,33 магометанки²². Приведенные статистические данные не дают полного представления о женской преступности несовершеннолетних. Однако общая тенденция очевидна: количество преступлений, совершаемых несовершеннолетними женского пола, в разы меньше по сравнению с мужской преступностью.

Территориальная распространенность преступности несовершеннолетних также сохранялась в Сибири и Дальнем Востоке, выбранных для реализации наказаний в виде ссылки и каторги. Как указывает В.Н. Гузаров, «помещикам разрешили ссылать в Сибирь только здоровых мужчин, не старше 45 лет, а семейных — с семьями»²³. При этом таким поселенцам выплачивалась некоторая материальная помощь. «На ежемесячное казенное пособие 6 руб. 30 коп. ссыльный мог приобрести 9,4 кг. мяса, 11,7 кг. рыбы, 20 кг. белого хлеба. Вольноследующие жены получали ежемесячное пособие 5 руб. 30 коп., а дети — по 2 рубля»²⁴. Как видим, дети следовали за своими родителями, рождались в семьях, отбывающих наказание, а, следовательно, являлись частью той криминальной субкультуры, которая развивалась в Сибири и на Дальнем Востоке. Жители данных городов и их потомки, воспитанные в условиях деформированного сознания, после отбывания наказания возвращались в крупные города Центральной России, где также зачастую совершали преступления. В результате чего образовывался некий криминальный цикл.

Исходя из проанализированных криминогенных факторов и количественно-качественных показателей, основываясь на предложенном С.В. Познышевым²⁵ образе среднестатистического несовершеннолетнего преступника указанного периода и корректируя его, исходя из полученных данных, представим типичного несовершеннолетнего преступника периода Империи: ребенок (в возрасте до 17 лет), имеющий или не имеющий родителей, которые не хотят или не могут им заниматься (в силу того, что они

либо пьяницы, либо сами толкают ребенка на преступление из-за крайней нужды), ребенок, в котором, как правило, никто не пытался развить нравственные чувства и которого, напротив, окружающая обстановка с колыбели развращала сценами разврата, делая его невольным свидетелем последних, разжигая и рано побуждая его животные инстинкты, определяя его жестокость. Все это усугублялось его неуравновешенностью и дефектами его нервной системы. Являясь очевидцем всех низменных сторон жизни, он рано начинает жить половой жизнью, знакомится с половыми пороками или вступает на путь проституции. Подобные занятия являются следствием не только дефектов нравственно-психологических установок, но и следствием негативной наследственности, в том числе наследственных заболеваний. Он либо не имеет образования, либо имеет его в зачаточном варианте, т.е. умеет лишь читать и писать, как правило, подростки не имели сколь-нибудь серьезной профессии или навыков ремесла. Их основным занятием было посылничество.

¹ Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980. С. 90.

² См.: Куфаев В.И. Юные правонарушители. М., 1925. С. 15.

³ Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольц. М., 1902. С. 66.

⁴ См.: Остроумов С.С. Указ. соч. С. 89; Рубашева А.М. Очерк системы борьбы с детской заброшенностью и преступностью в Америке и Западной Европе // Дети преступники. М., 1912. С. 497.

⁵ См.: Апарина И.И., Попов В.М. Государственное и частное призрение детей в дореволюционной России. М., 2000. С. 17.

⁶ См.: Сборник статистических сведений по Московской губернии. М., 1890. Т. 4, ч. 1. С. 288.

⁷ Из показаний Н. Демидова // Сборник документов по истории СССР / под ред. В.В. Мавродина. М., 1973. С. 23-24.

⁸ Апарина И.И., Попов В.М. Государственное и частное призрение детей в дореволюционной России. М., 2000. С. 17-18.

⁹ Залесский В.Ф. Попечение о беспризорных и покинутых детях. Казань, 1916. С. 479.

¹⁰ Доношение Г.И. Головкина Петру I о массовых побегах и волнениях крестьян в Смоленском и других уездах (июнь 1708 г.) // Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1989. С. 237.

¹¹ Булавинское восстание (1707 – 1708 г.г.): Сб. документов. М., 1935. С. 113-114.

¹² См.: Остроумов С.С. Указ. соч. С. 87.

¹³ См.: Отчет по Главному тюремному управлению за 1915 г. Ч. 1. СПб., 1917. С. 98.

¹⁴ См.: Кистяковский А.Ф. Молодые преступники и учреждения для их исправления с обозрением русских учреждений. Киев, 1878. С. 11.

¹⁵ См.: Тарновский Е.Н. Движение числа несовершеннолетних, осужденных в связи с общим ростом преступности в России за 1901–1910 гг. // Журнал министерства юстиции. 1913. № 10. С. 45.

¹⁶ См.: Зака А.И. Характеристика детской преступности // Дети – преступники. Сб. статей / под ред. М.Н. Гернет. М., 1912. С. 79-120.

¹⁷ См.: Остроумов С.С. Указ. соч. С. 90.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Зака А.И. Указ. соч. С. 104.

²⁰ Гернет М.Н. Социальные факторы преступности. М., 1905. С. 123.

²¹ Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874–1894 гг.) / сост. Е.Н. Тарновский. СПб., 1899. С. 139–141.

²² См.: Анучин Е.Д. Материалы для уголовной статистики России. Исследования о проценте ссылаемых в Сибирь. Ч. I. Тобольск, 1866. С. 138.

²³ Гузаров В.Н. История Сибири: учебное пособие. Томск, 2012. С. 62.

²⁴ Нарымская ссылка (1906–1917 гг.). Сборник документов и материалов о ссыльных большевиках. Томск, 1970. С. 62.

²⁵ См.: Познышев С.В. Детская преступность и меры борьбы с ней. М., 1911. С. 43.

АННОТАЦИИ (SUMMARY)

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС CIVIL LAW AND PROCEDURE

Косенко Е.В.

*Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и семейного права
(ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»);
e-mail: E_Kosenko1978@mail.ru.*

О СОСТАВЕ СЕМЕЙНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ

В статье рассматривается вопрос взаимодействия трех видов правоспособности в семейном праве: общей, отраслевой и специальной. Определяются специфика и отличительные черты указанных видов правоспособности применительно к данной отрасли права.

Ключевые слова: общая правоспособность, отраслевая правоспособность, специальная правоспособность.

Kosenko E.V.

*Candidate of Legal Sciences, Associate Professor Of Department of Civil and Family Law of
Saratov State Law Academy; e-mail: E_Kosenko1978@mail.ru.*

ON THE STRUCTURE OF THE FAMILY LEGAL CAPACITY

The article deals with the interaction of three types of legal capacity in the family law: general, branch and special. The peculiarities and special features of all these types of legal capacity are described.

Keywords: general legal capacity, branch legal capacity, special legal capacity.

Филимонова М.В.

*Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса
(ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»)*

ОБЩЕПРИЗНАННЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ОСНОВНЫЕ ПОСТУЛАТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ

В статье анализируется вопрос об общепризнанных правах и свободах человека, которые используются в гражданском процессуальном праве как постулаты реализации норм права с целью наиболее полной защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц. Доказывается, что современное цивилистическое процессуальное законодательство, используя различные общепризнанные международные правовые константы, еще не в полной мере имплементировало в себя все юридически значимые категории, либо не материализовало их в полном объеме.

Ключевые слова: общепризнанные права человека, суд, гражданское судопроизводство, справедливость, норма права.

Philimonova M.V.

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Department of Civil Procedure of Saratov State Law Academy

UNIVERSALLY RECOGNIZED HUMAN RIGHTS AS THE BASIC POSTULATES OF THE CIVIL PROCEDURAL RULES

The article examines the question of universally recognized human rights and freedoms, which are used in civil procedural law as postulates of implementation of the law with a view to the fullest protection of the rights and legitimate interests of individuals and legal entities. It is proved that modern procedural legislation, using a variety of generally accepted international law constants are not yet fully implemented in all legally relevant category or not materialize them in full, for example, this applies to the principle of justice, which is an essential tenet of the civil trial business.

Keywords: universally recognized human rights, the court, civil litigation, justice, the rule of law.

Шкромда И.Н.

*Преподаватель кафедры гражданского процесса
(ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»);
e-mail: i.shkromada@yandex.ru*

УПРОЩЕННЫЕ ФОРМЫ СУДОПРОИЗВОДСТВА В СВЕТЕ УНИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Статья посвящена исследованию проблем упрощенных форм и способов рассмотрения и разрешения судами дел в порядке гражданского судопроизводства. Автором отмечается, что упрощенные способы рассмотрения гражданских дел прошли длительный путь исторического развития, широко используются судами на практике, выдвигаются предложения по совершенствованию правового оформления данного института для повышения его результативности.

Ключевые слова: суд, гражданское судопроизводство, упрощенные формы рассмотрения и разрешения дел, заочное производство, приказное производство, нормы гражданского процессуального закона.

Shkromada I.N.

*Lecturer of Department of Civil Procedure
of Saratov State Law Academy; e-mail: i.shkromada@yandex.ru*

THE SIMPLIFIED FORMS OF PROCEDURE IN THE LIGHT OF THE UNIFICATION OF THE MODERN RUSSIAN CIVIL PROCEDURAL LAW

The article is devoted to the problems of simplified forms and methods of examination and resolution of court cases in civil proceedings. The author notes that the simplified methods of civil cases have been quite a long historical path, they are now more widely used by courts in practice, since it is associated with a high degree of efficiency. Due to this in the light of the possible adoption of a new civil procedure legislation, should finally decide with those of simplified forms that need to be enshrined in the law in order to optimize and improve its performance.

Keywords: court, civil procedure, simplified forms of consideration and resolution of cases in absentia, writ proceedings, rules of civil procedure law.

Крылова Е.В.

Аспирант кафедры гражданского процесса (ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»); e-mail: science-ekaterina@yandex.ru

**К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «СРОК»
В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Статья посвящена обзору норм отечественного законодательства, регулирующих положение о процессуальных сроках в гражданском судопроизводстве. Рассматриваются свойства и правовая природа сроков в гражданском процессе.

Ключевые слова: срок, задачи гражданского судопроизводства, права граждан на своевременное рассмотрение гражданского дела.

Krylova E.V.

*Postgraduate of Department of Civil Procedure of Saratov State Law Academy;
e-mail: science-ekaterina@yandex.ru*

**TO THE QUESTION OF THE CONTENT OF THE NOTION «PERIOD»
IN THE CIVIL PROCEDURE**

This article reviews the norms of the national legislation that regulates procedural periods in the civil procedure. The characteristics and legal nature of procedural periods are considered.

Keywords: period, tasks of civil procedure, rights of citizens to prompt civil trial.

Фомина О.Ю.

Аспирант кафедры гражданского процесса (ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»)

**О ПРЕОБРАЗОВАНИИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЛИЦ,
УЧАСТВУЮЩИХ В ДЕЛЕ, ПОД ВЛИЯНИЕМ МАТЕРИАЛЬНЫХ НОРМ
В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ**

Статья посвящена исследованию вопроса влияния норм материального права на определение статуса лица в гражданском процессе. Анализируется непосредственное влияние материальных норм на такие составляющие гражданского процесса как институт ненадлежащего ответчика и процессуального правопреемства.

Ключевые слова: материально-правовые нормы, процессуальное положение, лица, участвующие в деле, процессуальное правопреемство, ненадлежащая сторона, гражданский процесс.

Fomina O.Yu.

Postgraduate student of Department of Civil Procedure of Saratov State Law Academy

**ON THE TRANSFORMATION OF THE LEGAL STATUS OF THE PERSONS
INVOLVED IN THE CASE, UNDER THE INFLUENCE OF SUBSTANTIVE
IN CIVIL PROCEEDINGS**

The article investigates influence of substantive norms on determination procedural position person in civil procedure. The author analyzes the immediate influence of substantive norms on such parts of civil procedure, as institute improper persons taking part in a case and procedural succession.

Keywords: substantive norm, procedural position, persons taking part in a case, procedural succession, improper persons taking part in a case, civil procedure.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС CRIMINAL PROCEDURE

Курохтина Е.С.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности (ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»); e-mail: kurohtinae@mail.ru.

Петрова Г.Б.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса (ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»); e-mail: petrova.gala2010@yandex.ru.

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ, ОБВИНЯЕМЫХ

В статье рассматриваются актуальные вопросы избрания и применения мер пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых). На основе анализа высказанных в теории уголовного процесса точек зрения, данных обобщения судебной практики, разъяснений Верховного Суда РФ, а также общепризнанных принципов и норм международного права формулируется авторское видение по данной проблеме.

Ключевые слова: меры пресечения, несовершеннолетние подозреваемые (обвиняемые), заключение под стражу, домашний арест.

Kurokhtina E.S.

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Department of Prosecutor's Supervision and Law Enforcement Organization of Saratov State Law Academy; e-mail: kurohtinae@mail.ru.

Petrova G.B.

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Department of Criminal Procedure of Saratov State Law Academy; e-mail: petrova.gala2010@yandex.ru.

TO THE QUESTION OF THE APPLICATION OF RESTRICTIVE MEASURES TOWARDS MINOR SUSPECTS, DEFENDANTS

The article deals with actual questions of bail hearing and application of restrictive measures towards minor suspects and defendants.

The authors give their opinion analyzing theory of criminal procedure, case law data, the Supreme Court of the Russian Federation explanations, as well as universally recognized principles and norms of international law.

Keywords: restrictive measures, minor suspects (defendants), detention, house arrest.

Рыгалова К.А.

Соискатель кафедры уголовного процесса (ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»)

О СУЩНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДА В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ ПРОЦЕССА

В статье рассматривается сущность функции суда по рассмотрению и разрешению уголовных дел, анализируется содержание деятельности суда по осуществлению судебного контроля в досудебном производстве с точки зрения правомерности отнесения последнего к правосудию.

Ключевые слова: функция суда, правосудие, судебный контроль в досудебном производстве.

Rygalova С.А.

Competitor of Department of Criminal Procedure of Saratov State Law Academy

ON THE ESSENCE OF COURT ACTIVITIES IN PRE-TRIAL STAGES OF PROCEEDINGS

The article analyzes the essence of court function in settlement of criminal cases, and in the implementation of judicial control in pre-trial proceedings in terms of the legitimacy of attributing the latter to justice.

Keywords: court function, justice, judicial supervision in pre-trial proceedings.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО INTERNATIONAL LAW

Дородонова Н.В.

*Кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права
(ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»);
e-mail: nio@ssla.ru.*

СОГЛАСИЕ НА ВСТУПЛЕНИЕ В БРАК ПО ЗАРУБЕЖНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА

В статье рассматривается одно из необходимых условий заключения брака по зарубежному законодательству (на примере европейских стран, в частности Бельгии) — согласие на вступление в брак, подразумевающее выражение свободного и осознанного желания. В статье раскрываются два вида согласия: согласие самих брачующихся и согласие родителей или опекуна, если в брак вступает несовершеннолетнее лицо.

Ключевые слова: семейное право, заключение брака, препятствие, согласие, супруги.

Dorodonova N.V.

*Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Department of History of State and
Law of Saratov State Law Academy; e-mail: nio@ssla.ru.*

CONSENT TO MARRIAGE: THE BACKGROUND

The article deals with the one of the necessary conditions of marriage conclusion — a consent to marriage, that is understood as an expression of free and informed will. In the article two kinds of consent is revealed: the consent of the future spouses themselves and the consent of a parent or guardian in case if the marriage takes a minor.

Keywords: family law, conclusion of marriage, impediment, consent, spouses.

Липкина Н.Н.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры европейского права и сравнительного правоведения (ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»); e-mail: k_eurolaw@ssla.ru.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

В статье исследуются такие основные признаки правовых позиций Европейского Суда по правам человека как неразрывная их связь с процессом толкования Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и общеобязательный, с учетом, однако, свободы усмотрения государства, характер.

Ключевые слова: права человека; правовые позиции; Европейский Суд по правам человека; Конвенция о защите прав человека и основных свобод.

Lipkina N.N.

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Department of European and Comparative Law of Saratov State Law Academy; e-mail: k_eurolaw@ssla.ru.

LEGAL NATURE OF THE «LEGAL POSITIONS» OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

This article analyzes such basic features of the legal positions of the European Court of Human Rights as their inextricable links to the process of the interpretation of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 1950 and generally binding, taking into account, however, the discretion of the state, nature.

Keywords: Human Rights; «legal positions»; the European Court of Human Rights; the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms.

ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ: ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ»

На конференции обсуждались теоретические и практические проблемы, связанные с уголовно-правовым воздействием. Участниками были предприняты попытки определить понятие и сущность уголовно-правового воздействия, соотнести уголовно-правовое воздействие со смежными понятиями и категориями уголовного права (уголовно-правовым регулированием, уголовно-правовой охраной, уголовной ответственностью, уголовной политикой, мерами уголовно-правового характера и др.), сформировать представление о реализации уголовно-правового воздействия, его пределах, системе и видах мер. В процессе обсуждения были выявлены и предложены пути решения как общих проблем реализации уголовно-правового воздействия, так и проблем его реализации в отношении отдельных видов преступлений и преступности, а также проблем криминологического воздействия на преступность и пенитенциарного воздействия на лиц, совершивших преступления. Сформулированные участниками конференции выводы и предложения значительно развили теорию уголовно-правового воздействия и могут составить основу оптимизации современной практики его осуществления.

Ключевые слова: уголовно-правовое воздействие, уголовная политика, уголовный закон, пределы уголовно-правового воздействия, система и виды мер уголовно-правового воздействия, уголовно-правовое воздействие в отношении отдельных групп субъектов и отдельных видов отклоняющегося поведения, криминологическое воздействие, пенитенциарное воздействие.

INTERNATIONAL RESEARCH AND PRACTICE CONFERENCE «CRIMINAL LAW: THE PROBLEM OF UNDERSTANDING AND REALIZATION»

The conference discusses the theoretical and practical problems associated with the criminal law. The participants have attempted to define the concept and the essence of criminal law, to relate criminal law effects with related concepts and categories of criminal law (criminal regulation of criminal legal protection, criminal liability, criminal policy measures under the criminal law, and others), to form an idea of the implementation of the criminal law, its limits, its system and measures. During the discussion, they have proposed solutions of such problems as the criminal law implementation in general and implementation problems in respect of certain types of crimes, as well as problems of criminological impact on crime and prison impact on persons who committed crimes. The participants of the conference formulated conclusions and proposals that would significantly develop the theory of criminal law and could form the basis of the modern practice of implementation.

Keywords: criminal law, criminal policy, criminal law, the limits of criminal law system.

Приглашаем Вас к публикации в научном журнале

«ПРАВО. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО. ЛИЧНОСТЬ»

Требования к авторским оригиналам статей:

1. Статья должна соответствовать следующим требованиям:
 - шрифт Times New Roman, 14 кегль (размер шрифта), межстрочный интервал — 1,5;
 - поля: верхнее, нижнее, правое — 20 мм, левое — 30 мм;
 - сквозная нумерация сносок (сноски концевые), текст сноски — 12 кегль;
 - абзацный отступ; заголовок (прописными буквами) — по центру; перед заголовком указывается Ф.И.О. автора статьи (со сноской на полное имя, отчество, должность, место работы внизу страницы) — по правому краю;
 - все аббревиатуры и сокращения при первом упоминании в тексте должны быть расшифрованы;
 - объем статьи 0,5–0,7 п.л.
2. К статье прилагаются следующие материалы:
 - справка об авторе статьи с указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого знания, основного места работы, должности, контактных телефонов, электронного адреса (e-mail);
 - аннотация статьи (на русском и английском языках) не более 5 строк;
 - ключевые слова или словосочетания (на русском и английском языках);
 - рецензия научного руководителя (только для аспирантов и соискателей).
3. Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать статьи. Материалы, отправленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в указанный срок.
4. Если статья (материал) направлялась в другое издание, просим автора поставить редакцию в известность.
5. Материалы принимаются в распечатанном виде (на одной стороне листа формата А4) и электронном виде на электронном носителе или по электронной почте.

Адрес редакции:

410025, г. Саратов, ул. Чернышевского, 135 А, ком. 203.

Телефон: (8452) 29-90-90

E-mail: pzl@ssla.ru